Виталий Товиевич Третьяков
Владимир Путин. 20 лет у власти

Проект «Путин» –

Текст предоставлен правообладателем
«Владимир Путин. 20 лет у власти / Виталий Третьяков»: Алгоритм; Москва; 2018
ISBN 978-5-907120-09-9

Аннотация

Виталий Третьяков – один из самых авторитетных журналистов и политологов современной России. Являясь деканом Высшей школы телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова, он также известен как автор и ведущий телепрограммы «Что делать?» на телеканале «Культура» (с 2001 года по настоящее время).

В своей новой книге Виталий Третьяков подвергает всестороннему анализу деятельность Владимира Путина во власти на протяжении 20 лет. «Не рискну утверждать, что я являюсь лучшим в стране специалистом по личностным характеристикам нынешнего президента России, – пишет В. Третьяков, – но все-таки мой опыт общения с Владимиром Путиным, а также многолетнее внимательное наблюдение за его словами и действиями дает мне право на подобный анализ». Перед читателями предстанет широкая панорама внутренней и внешней политики Путина, его осуществленных и неосуществленных проектов, достижений и просчетов, методов действий в критических ситуациях, которых было немало за эти двадцать лет.

Виталий Третьяков
Владимир Путин. 20 лет у власти

От автора

Очередное предложение написать книгу о Путине меня не удивило, но озадачило. Не удивило потому, что к настоящему времени Владимир Путин окончательно и, надо думать, бесповоротно превратился не только в одного из самых влиятельных политиков мира и в историческую фигуру, заслонившую собой всех руководителей России за предшествующие полвека, но и в того, кого в науке принято называть культурным героем, – то есть в мифическое существо, дарующее людям блага цивилизации и открывающее перед ними неведомые ранее перспективы развития.

Политиков, обожествляемых (не важно, в каком смысле – ангельском или демоническом) при жизни, если быть объективным, совсем немного в истории любой страны и в мировой истории тоже. Во всяком случае, гораздо меньше, чем просто знаменитых политиков. Поэтому, а также потому, что Путин продолжает оставаться действующим персонажем российской и мировой истории, всем в России и всем, кто хоть в какой-то степени неравнодушен к политике, интересно знать как можно больше о нём, если даже эти знания настолько далеки от реальности, что сами уже являются мифами.

Озадачило же меня это предложение тем, что, в принципе, всё главное о Путине я уже давно и многократно сказал и написал. А сочинять книгу о том, что тобою уже хорошо изучено и описано, просто скучно.

Тем не менее я откликнулся на это предложение. Но, как мне кажется, самым логичным в данном случае образом. Я решил собрать под одной обложкой всё наиболее существенное, что было мною написано о Путине и его политике с 1999 года. И я вполне серьёзно и ответственно, без всякой авторской фанаберии (ну разве что чуть-чуть и с нею), утверждаю: те, кто прочитает хотя бы три – в любом наборе – большие мои статьи из этой книги, получат самое точное представление о Путине как политике (а отчасти и как о человеке) и о том, что и как он будет делать, как минимум, в ближайшие пять лет. А насколько убедительной окажется моя интерпретация (или реконструкция) внутренних, не публичных, рассуждений Путина для читателей этой книги, посмотрим.

Теперь мне остаётся сообщить только несколько формальных вещей.

Как всегда при перепубликации, я ничего не меняю в своих текстах, написанных годы или даже десятилетия назад. Это мой принцип, которому я остаюсь верен, даже если какие-то мои прогнозы (как правило, «технические», а не сущностные) и не сбылись. Впрочем, это случалось очень редко.

В некоторых статьях, особенно уж очень давних, я делал небольшие изъятия, Но это только в тех случаях, когда изъятые пассажи касались совсем не значительных сегодня фактов и персонажей или были, так сказать, лирическими отступлениями, актуальными исключительно на момент публикации той или иной статьи. Разумеется, ни одно из этих сокращений никак не изменяет и не искажает концептуальную суть и фактографическую основу собранных в этой книге моих текстов.

Итак, всех неравнодушных к Владимиру Путину, России и к тому, что часто называют не слишком ещё устоявшимся термином «путинизм», я приглашаю прочитать (или, по меньшей мере, пролистать) эту книгу.

Остальные могут не беспокоиться.

Но есть ли сейчас такие в самой России и в её геополитических окрестностях, за её границей, которая, как весьма тонко заметил наш культурный герой, «нигде не заканчивается»? Сомневаюсь…

Виталий Третьяков,
август 2018 г.

Вся правда о Путине

Кто из правителей России действительно велик? (О критериях и оценках величия руководителей России XX века и до наших дней)

Хронологически эта статья должна бы быть одной из последних или даже самой последней в данной книге. Но я вынес её в начало по очевидной причине: в этой статье на основе исключительно объективных критериев я сравниваю «величие» тех, кто возглавлял нашу страну в XX веке и в начале нынешнего. Среди них, естественно, и Путин.

Статья написана в марте 20 7 6 года (то есть за два года до окончания третьего президентского срока Путина) и тогда же опубликована в «Комсомольской правде». За почти три прошедших года, да простится мне это утверждение, статья совершенно не устарела. Просто потому, что показатели по всем критериям, по которым я оцениваю ключевые политические фигуры России за прошедший век с небольшим, не изменились – в том числе и у Путина.

Таким образом, данная статья фактически подводит исторический итог всех трёх президентских легислатур Путина – с 2000 года и по сегодняшний день. И если бы эта статья не была написана мною три года назад, мне пришлось бы специально сочинить её сегодня для этой книги.

В последние недели в России вновь резко возрос общественный интерес к оценке роли лидеров, руководивших страной в разные годы. Внешне это связано как с недавними юбилейными датами: 85-летие Ельцина и Горбачёва, 60-летие XX съезда, на котором Хрущёв произнёс свой доклад о культе личности Сталина, – так и с юбилеями приближающимися – 100-летием Февральской и Октябрьской революций. А тут уже актуальны имена Николая II, Керенского и Ленина. Но подспудно, конечно же, общественная мысль и общественное сознание России пытаются, наконец, окончательно определиться в оценке всех этих главных политических фигур XX века, а равно и тех, кто возглавляет Россию сегодня. Действия последних, естественно, рассматриваются на фоне их предшественников.

Вожделенного плюрализма мнений сейчас хоть отбавляй. А вот с объективностью проблемы – плюрализм стремительно перетекает в волюнтаризм и отсебятину: что ни эксперт, то своя позиция и система аргументации. Но это ещё полбеды. Ныне принято, что о политиках публично судят не только и даже не столько историки, политические аналитики и народ, который, по-моему, вообще должен быть главным арбитром в этих дискуссиях. Нет, с телевизионных трибун – самых мощных и самых влиятельных по воздействию на массы – вердикты выносят театральные критики и киноартисты, эстрадные певцы, литераторы средней руки и мелкого калибра, «лидеры» микроскопических партий, весь политический и электоральный капитал которых состоит из регистрации в министерстве юстиции. Ну и главные держатели контрольного пакета по влиянию на массовое общественное мнение – поп-звёзды и шоумены с отпочковавшимися от них камедивуменами.

Ничего не поделаешь: массовое общество через массовое образование производит массовое невежество, а через средства массовой информации и пропаганды воспроизводит его. Как этому противостоять – вопрос отдельный. Но, может быть, можно (можно попытаться) предложить обществу максимально объективные критерии для оценки величия или ничтожества наших государственных лидеров?

У меня есть собственная формула определения «величия» российских (как, впрочем, и любых других) правителей. Вот она:

Плохой правитель оставляет страну в худшем состоянии, чем получил её.

Ничтожный правитель за два-три года уничтожает величие страны, длившееся десятилетия или даже столетия.

Хороший правитель оставляет после себя страну в состоянии не худшем, чем получил.

Великий правитель оставляет страну в таком величии, что два последующих правителя, если они плохи, не могут это величие порушить.

Гениальный правитель за годы восстанавливает величие разрушенной до него страны и определяет сохранение этого величия на десятилетия вперёд.

Отталкиваясь от этой, по-моему, безупречной формулы, я и решил на основании по возможности объективных, хорошо верифицируемых и одновременно максимально ясных критериев определить величие государственных лидеров, возглавлявших Россию (под разными названиями) в XX веке и до наших дней включительно. Взял десять ключевых фигур. Хронологически: Николай II, Керенский, Ленин, Сталин, Хрущёв, Брежнев, Горбачёв, Ельцин, Медведев, Путин (Медведев в этом списке стоит раньше Путина потому, что президентство Путина продолжается и сейчас).

Критерии успешности правления

Теперь о критериях. Их тоже десять. И я перечислю эти критерии с кратчайшими (для данного текста) комментариями.

1. В лучшем, примерно в том же или в худшем состоянии оставил страну данный лидер по отношению к тому, какой он её получил. По сути, это самый важный критерий, но для такой сложной страны, как Россия, да ещё и с учётом того, что история – это ещё и история войн (и многого другого), ограничиться только им было бы неправильно. Обозначу этот критерий буквой «И» (итог).

2. Второй критерий (Т) более чем конкретен и легко проверяется – увеличил за время своего правления данный лидер территорию страны или она уменьшилась.

3. Таков же и следующий критерий: численность населения в начале и в конце правления (Н).

4. То же можно сказать и о следующем критерии – уровне жизни населения (У).

5. И этот критерий легко проверяется цифрами – общая мощь экономики России в начале и в конце правления (Э).

6. Общий итог военных побед или поражений (включая Гражданскую войну, а также «необъявленные войны»). Критерий, обозначенный буквой «П».

7. Уровень международной суверенности и реальной внутренней независимости страны при начале и в конце правления (С).

8. Уровень глобального влияния России, включая идейное влияние (Г).

9. Как правитель ушёл из власти: свергнут; вынужден был уйти под угрозой свержения; бежал; ушёл по устоявшейся (законной) процедуре или в результате смерти и пр. (власть – критерий «В»). Это очень важный критерий, и он, я уверен, гораздо важнее того, как правитель власть получил. Прийти к власти можно любым путём, в том числе и путём государственного или дворцового переворота, бунта, революции, то есть, строго говоря, нелегитимно. Например, для монархической системы любой республиканский правитель, взявший власть в стране, не только не правомочен, но и вообще государственный преступник. Но низвержение из власти (любым путём) – это бесспорный проигрыш политика, в том числе и в глазах общества и с точки зрения истории.

10. Негативный, нейтральный или позитивный образ правителя в памяти народа, в массовом общественном сознании (О). Я уже сказал (и чем больше живу, тем больше в этом убеждаюсь), что в конечном итоге именно народ выносит главный, самый точный и самый справедливый вердикт качеству правления и качествам правителя.

Оценки

В следующей ниже таблице я расставил правлению упомянутых государственных лидеров очень простые и всем понятные оценки по всем десяти критериям: «+» – в конце правления ситуация была лучше, чем при получении власти;«-» – хуже; «=» – осталась примерно такой же.

	И	Т	Н	У	Э	П	С	Г	В	0
Николай II	–	=	+	+	+	+	–	–	–	–
Керенский	–	–	=	–	–	–	–	–	–	–
Ленин	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Сталин	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Хрущёв	=	=	+	+	+	=	=	–	–	–
Брежнев	+	=	+	+	+	+	+	+	+	+
Горбачёв	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–
Ельцин	=	=	–	–	–	–	–	–	–	–
Медведев	=	=	+	+	=	+	=	=	+	=
Путин	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

Мне нужно дать несколько (далеко не все из возможных) комментариев к выставленным оценкам. Сделаю это совсем кратко и бегло, через конкретные примеры – просто чтобы продемонстрировать логику выставления этих оценок.

Критерий Т. Плюс у Ленина стоит потому, что, взяв власть практически в одной России, он к концу своего правления собрал в виде СССР почти всю, за некоторыми исключениями, территорию бывшей Российской империи. Ельцину я поставил щадящую оценку «=», хотя, строго говоря, ему можно поставить в вину, что многие и делают, участие в разрушении СССР (то есть Большой России). Тогда у него стоял бы в этой графе безоговорочный и справедливый минус.

По критерию глобального влияния (Г) Хрущёв получил минус из-за ссоры с китайским руководством и, соответственно, потери влияния на крупнейшую по населению страну мира.

Иерархия величия правителей

Теперь мне остаётся лишь суммировать выставленные в таблице оценки и проранжировать список данных государственных лидеров согласно этим оценкам.

Ленин 10+
Сталин: 10+
Путин: 10+
Брежнев: 9+, 1=

Медведев: 4+, 6=
Хрущёв: 3+, 4=, 3-

Николай II: 4+, 1=, 5-

Ельцин: 2=, 8-
Горбачёв: 1+, 9-
Керенский: 9-, 1 =

Итак, вот реальная иерархия успешности правления тех, кто возглавлял Россию (под разными названиями) от начала XX века и до сего дня.

Совершенно очевидно, что она делится на четыре уровня.

Верх иерархии. Бесспорно успешные правители, показавшие максимальный положительный результат правления: Ленин, Сталин, Путин и Брежнев. Первые поставлены мною выше Путина не столько в хронологическом порядке, сколько потому, что на годы их правления пришлись Гражданская и Великая Отечественная войны, что, разумеется, чрезвычайно усложняло стоявшие перед ними задачи.

Самый низ иерархии. Бесспорно провальные правления и, соответственно, катастрофически неудачные для страны правители (абсолютно отрицательные результаты правления): Керенский, Горбачёв и Ельцин. Строго говоря, Горбачёва, который лишь по одному критерию (прирост населения) обошёл Керенского, нужно поставить ниже премьер-министра Временного правительства, так как Керенский возглавлял страну лишь несколько месяцев, да ещё во время мировой войны и в условиях фактического двоевластия, а Горбачёв – шесть с лишним лет, в мирное время и обладая в начале своего правления почти абсолютной властью.

Чуть выше провальных правителей, но, по сути, немногим отличаясь от них, находится отрицательная фигура (минусов больше, чем плюсов) Николая II. Он получил Россию, причём без всяких усилий со своей стороны, в отличном состоянии. Но, довольно успешно правив ею на протяжении пятнадцати лет (отсюда и четыре плюса), затем стремительно довёл её до краха и распада.

Наконец, промежуточные фигуры, у которых примерный баланс положительных и отрицательных результатов правления (Хрущёв) или отсутствуют очевидные удачи, но и нет большого числа неудач (Медведев).

Тут ещё стоит заметить, что 7 из 10 перечисленных руководителей государства уже ушли из жизни, а Горбачёв не имеет шансов вернуться к руководству страной. И только у Путина и Медведева показатели могут измениться, ибо первый продолжает оставаться в Кремле, а для второго такая возможность не исключена. При этом для Путина такое изменение означало бы только снижение, ибо он уже находится на самом верху, а вот Медведев может как подняться выше, так и опуститься ниже своего нынешнего (промежуточного) уровня.

Достаточны ли критерии?

У многих может возникнуть резонный вопрос: а почему автор проигнорировал столь очевидную и болезненную проблему репрессий и жертв, а также вопрос о демократичности правления того или иного лидера и его реформатство либо отсутствие оного? Отвечаю, начиная с последнего.

Реформаторство имеет смысл брать в расчёт только в случае успеха реформ и уж точно тогда, когда они не привели к прямой катастрофе, в первую очередь – к распаду страны.

Был ли Горбачёв реформатором? Очевидно, да. Но результат плачевный (в том числе и для него самого). Так что тогда – добавлять Горбачёву лишний плюс как реформатору? Абсурд. То же, кстати, относится и к Ельцину.

Брежнев вот никаким реформатором не был и даже, что бесспорно, ввёл страну в застой (в стагнацию). Но тем не менее он передал её преемникам одной из двух мировых сверхдержав, причем сверхдержавой абсолютно по всем параметрам. Не реформатор, но всё сохранил, даже нарастил и явно со спокойной душой и чистой совестью ушёл в могилу и в историю.

Правда, можно утверждать, что лидеры-реформаторы работают не на настоящее, а на будущее. То есть сознательно проводят страну через кризис (реформы), часто сами ослабляя или даже теряя свою власть, но зато обеспечивают стране лучшее будущее. Я бы согласился с этим, да проблема в том, что, строго говоря, всех упомянутых правителей, за исключением разве что Брежнева, можно так или иначе отнести к реформаторам (контрреформы ведь тоже реформы), только одни были реформаторами успешными, а другие – провалившимися. Посему данный критерий абсолютно никак не повлияет на расстановку правителей в нашей иерархии. Следовательно, этот критерий избыточен. Проще говоря – лишний.

Вопрос жертв («исторической цены») крайне важен. Но, если быть кратким, он поглощается двумя моими критериями: итоговыми показателями роста или падения численности населения при том или ином правлении (и Сталин здесь оказывается с плюсом, а Ельцин – с минусом), а также историческими обстоятельствами. Могли ли не быть репрессии в ходе вооружённого захвата власти и Гражданской войны (Ленин), послереволюционного термидора (Ленин, Сталин)? Конечно, нет. И не только в России.

С другой стороны, а зачем было Хрущёву не в начале железного XX века, а уже во вполне гуманные и почти пацифистские 60-е годы, да ещё понаездившись по «демократическому Западу», расстреливать митингующих в Новочеркасске? Об участии Никиты Сергеевича в репрессиях времён Сталина я уже не говорю. Ну и, конечно, сразу же встаёт вопрос о расстреле Белого дома (законно избранного демократического парламента) «демократом и реформатором» Ельциным аж в 1993 году! Борис Николаевич за собственную власть сражался не менее яростно (но в условиях конца XX века), чем Сталин в первой его половине.

Второй критерий, по сути вбирающий в себя проблему репрессий, – это «народное признание» (критерий О), а точнее – историческое прощение, полученное от большинства народа за жертвы, принесённые на алтарь достижений и побед, если таковые имелись. И похоже, что большинство народа Сталину, хотя живы ещё многие из пострадавших от этих репрессий, а тем более – их дети, эти жертвы уже простило, а вот Ельцину и Горбачёву – до сих пор нет. Главная причина такого всепрощения очевидна: при Сталине были победы и достижения, у Горбачёва и Ельцина – нет.

Словом, и от критерия «репрессивности правления» я отказался вполне сознательно. Но хотел добавить такой критерий, как «уровень демократичности правления». Но и от него пришлось отказаться. По двум причинам.

Во-первых, я решил проверить эффективность и полезность этого критерия, отталкиваясь от прямо либеральных оценок демократичности наших правителей. Я отбросил весьма спорное понятие «тоталитаризм» и вполне бесспорные, но тавтологичные тому, чем я

воспользовался, понятия «тирания», «диктатура» или «деспотия». Сталин, конечно, был тираном и деспотом. Но мне нужны были предельно ясные и одновременно концентрированные определения. А выбрал такие: авторитарный правитель и демократический правитель. И, отталкиваясь как раз от оценок наших либералов (самых, как известно, беспощадных), отнёс к числу авторитарных правителей Ленина, Сталина, Брежнева и Путина, а к числу правителей-демократов Николая II (несмотря на то что был самодержцем и императором), Керенского (несмотря на то что в октябре 1917 года он фактически стал диктатором), Хрущёва (хотя утверждать, что Хрущёв правил демократически, могут только изощрённые остроумцы-парадоксалисты), Горбачёва, Ельцина (хотя лично для меня утверждение «Ельцин – демократический правитель» является абсолютным оксюмороном) и Медведева. А потом приложил эти оценки к тем, что уже были собраны в таблице.

И что получилось? А то, что все четыре авторитарных правителя так или иначе собирали воедино распавшуюся страну (лишь Брежневу не пришлось этим заниматься) и восстанавливали её из послевоенных (Ленин, Сталин) или реформаторских (Путин) руин. И кстати, в конечном итоге наращивали численность населения страны и её размер.

А при большинстве правителей-демократов (Николай, Керенский, Горбачёв, Ельцин) страна распадалась, уровень жизни населения резко падал, международное влияние резко уменьшалось (Керенский, Хрущёв, Горбачёв, Ельцин), а внешний суверенитет и внутренняя независимость истончались (Керенский, Горбачёв, Ельцин). Демократизм такой ценой (это, в частности, к вопросу об «исторической цене»)? Это, по-моему, уже не демократизм, а какой-то мазохизм. По отношению к населению – ещё и садизм. Так что я не за демократию и не за авторитаризм, а за то, что приносит благо стране и большинству её населения. А это чаще всего специфическое для данной конкретной страны сочетание демократических и авторитарных (спокойнее: командных) методов не только управления, но и правления.

Что же касается собственно демократических реформ, то я бы сказал так: не умеешь их проводить без тяжких последствий для страны и населения – не берись! Лучше останься в истории и в памяти народа Брежневым, чем Горбачёвым…

Можно, конечно, взять в расчёт в качестве критерия ещё и совершённые тем или иным лидером государственные перевороты. Но и тут картина весьма парадоксальная для блюстителей демократических ценностей. Государственные перевороты наши отечественные лидеры, считающиеся демократами, осуществляли ничуть не реже, чем авторитарные правители. Это и Керенский (октябрь 1917 г.), а до него и те, кто принудил Николая II к отказу от трона, и Ельцин (осень 1991 и осень 1993 годов). Некоторые считают, что и Хрущёв, и Горбачёв, ослабивший власть государствообразующей и конституционной КПСС. Среди же авторитарных правителей в этом можно обвинить только Ленина и Сталина.

Наконец, выставление плюсов и минусов по данному критерию (демократизм – авторитаризм) нисколько бы не изменило итоговую иерархию – каждый бы остался на своём, уже определённом ему плодами его деятельности месте.

Получается, что выделенные мною 10 критериев и необходимы, и достаточны. А предлагать новые можно до бесконечности. Я и сам могу предложить, например, критерий интеллектуальности. Ну и что он даст? То, что Ленин и Сталин поднимутся ещё выше (а куда, собственно, выше?), Хрущёв опустится ещё ниже. Ну и Брежнев получит лишний минус по сравнению, например, с Николаем [L Однако при Брежневе страна сохранилась, а в результате правления интеллектуала (?) Николая распалась. Интеллектуальнее ли Горбачёв Хрущёва? Конечно. Но Никиту Сергеевича только свергли, а Михаил Сергеевич сначала привёл страну к краху и распаду (не желая этого), а уже затем был свергнут.

В политике результат засчитывается не по интеллекту правителя, а по плодам правления.

Так что те, кто не желает согласиться с моей логикой и отобранными на её основе критериями, вольны в своих мнениях. Переубеждать я их не собираюсь. А вот если они предложат иной набор критериев и оценок, тогда я и выскажу своё отношение к их

«калькуляции». И уж точно найду поводы эту калькуляцию раскритиковать, а эти оценки аргументированно поставить под сомнение.

Комсомольская правда, 11.03.2016

Случилось так, что в данной статье я сделал одну серьёзную ошибку. А именно: написал, что население России при Путине увеличилось. Кто-то из моих читателей сразу же после публикации статьи указал мне на это. И тут же составил текст с соответствующей поправкой и извинениями перед редакцией и читателями «Комсомольской правды» и направил его главному редактору «КП» Владимиру Сунгоркину.

Он счёл, что поправка существенно не влияет на смысл и аргументацию статьи, а потому обнародовал моё письмо не в бумажной версии газеты, а лишь на её сайте.

И я решил не менять для этой книги текст статьи. Просто для того, чтобы никто, заглянув в Сеть и обнаружив там то, что было опубликовано, не обвинил меня в корректировке статьи задним числом. Но ниже я привожу текст моего обращения в «Комсомольскую правду» – с *соответствующими уточнениями.*

Кстати, по данным Росстата, численность населения России на начало 2018 г. составила 146 877 тыс. человек против 146 890 тыс. в 2000 г. То есть и на данный момент проблема уменьшения населения России Путиным не решена. И в его указе, подписанном прямо в день инаугурации, то есть 7 мая 2018 г., и называющемся «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», именно эта проблема обозначена первой, а соответствующая цель формулируется очень конкретно и определённо: «обеспечение устойчивого естественного (выделено мной – В.Т.) роста численности населения Российской Федерации».

Читателям и редакции «Комсомольской правды»

Mea culpa: я ошибся в одном показателе, а соответственно, и в одной из оценок.

Кто-то из посетителей моих сетевых блогов поставил под сомнение то, что за время правления Путина численность населения России – даже с учётом воссоединения с Крымом – выросла. А у меня в статье по этому показателю Путину поставлен плюс.

Хотя я и выверял перед отправкой статьи в редакцию «Комсомольской правды» все цифровые показатели, решил проверить справедливость этого упрёка. И должен признать, что я ошибся, а тот, кто мне на это указал, прав.

Согласно данным Росстата, в 2000 году, первом году президентства Путина, население России составило 146 890 тыс. человек, а 1 января 2016 года – 146 520 тыс. человек. То есть население уменьшилось на 370 тыс. человек.

Соответственно, по показателю Н (население) Путин на данный момент должен иметь не плюс и даже не знак «=», а минус. И, таким образом, в итоговой иерархии он должен переместиться с третьего на четвёртое место – ниже Брежнева (а у меня было наоборот).

Ленин 10+
Сталин: 10+
Брежнев: 9+,1=
Путин: 9+, 1-

Почему я ошибся? Из-за невнимательности (показатели очень близки), но главное, из-за того, что начиная с 2010 года численность населения в России каждый год растёт. Под влиянием этой динамики мой глаз и оказался.

Мне очень жаль, что так получилось, и я приношу всем, кто прочитал мою статью, и в первую очередь читателям «Комсомольской правды» и редакции газеты, свои извинения.

Мне тем более обидно за эту ошибку, что я, составив первый вариант таблицы своих оценок и просуммировав их, обнаружил, что тройка лидеров (Ленин, Сталин и Путин) имеет

абсолютно одинаковые показатели – по десять плюсов. Само по себе это маловероятно, что подтверждается и тем, что во всех иных случаях нет ни одного полного совпадения показателей.

Я ещё раз проверил все свои оценки и некоторые изменил, скорректировал. Не в целях какой-либо лакировки, а ради объективности. В результате, например, незначительно, но улучшились показатели Хрущёва и Ельцина. Что, впрочем, не изменило расстановку персонажей в общей итоговой иерархии. Но и в ходе этой проверки оценка Путина по изменению численности населения страны у меня осталась той же – плюс, хотя я ещё раз просмотрел соответствующие статистические данные.

Итак, хотя моя статья является не научным, а журналистским текстом, пусть и аналитическим, я должен признать, что этой своей оценкой, пусть и невольно, я исказил истину.

Однако ещё раз обращаю внимание читателей на то, что моя ошибка не повлияла на итоговую расстановку руководителей России – Путин хоть и опустился на одно место, но всё равно остался в той же группе лидеров, с большим отрывом опережающих всех остальных, чья деятельность анализировалась в моей статье.

Сайт «Комсомольской правды», 16.03.2016

Двор плюс аппарат
(К вопросу о том, какое государство строится в России)

Эта статья написана в 1993 году, за шесть лет до того, как Владимир Путин превратился в российского политика номер один. Написана на основе анализа той конфигурации высшей власти в России, которая сложилась при Ельцине, причём после сентябрьско-октябрьского государственного переворота, осуществлённого «первым президентом России».

По-моему, в статье очень внятно и объективно описана система высшей власти, сохраняющаяся в нашей стране ещё с царских времён, воспроизведённая большевиками (причём отнюдь не только при Сталине и Сталиным), затем – «демократом» Ельциным и продолжающая жить и процветать при Путине, затем при Медведеве и, наконец, вновь при Путине, то есть до сих пор.

Хорошо это или плохо – вопрос отдельный (впрочем, и он разбирается в других моих статьях), но главное – такова политическая реальность. Изменится ли она после того, как Путин окончательно покинет высший прост в Государстве Российском? Я думаю, что не изменится. Во всяком случае, не при нашей жизни, как принято выражаться. А потому при серьёзном политическом анализе любых событий в нашей стране то, что описано и написано в данной статье, надо всегда иметь в виду.

Последняя пресс-конференция Бориса Ельцина и серия его недавних указов, касающаяся реорганизации важных государственных служб (госбезопасности, телерадиосистемы), окончательно определили, каким будет государственное устройство России в ближайшие десятилетия. Если, конечно, все задуманное удастся.

Во-первых, фактически восстанавливается классическая советская система централизованного управления жизнью страны и общества. Правительство, сформированное так или иначе по отраслевому принципу, руководит всем, чем можно руководить, и контролирует все остальное, что действует как самостоятельные рыночные или коммерческие структуры. Само правительство, важнейшие политические и силовые министерства, верхушку судебных и правоохранительных органов, а также поведение всех высших чиновников, депутатов парламента и крупнейших свободных предпринимателей контролирует аналог бывшего ЦК КПСС – Администрация Президента, в которой есть свое «Политбюро» (группа наиболее приближенных к президенту лиц).

Во-вторых, восстанавливается и традиционный самодержавный механизм управления страной, включающий особые элементы царского быта, общения с народом и проведения политики как непосредственно, так и через раздачу привилегий, льгот, синекур, должностей и т. п. Уже есть личная гвардия президента (президентский Кремлевский полк), есть министерство двора (Управление делами, ведающее зданиями, поместьями, угодьями, выездом – автомашинами и самолетами), есть третье отделение личной Его Императорского Величества Канцелярии (президентская служба безопасности) и т. д.

Создание президентской партии должно обеспечить нужную монарху-президенту идеологию чиновничества, сформировать его социальную и политическую базу, но не в обществе, а во всевластном Аппарате, продолжающем функционировать на всей территории страны. Конечная цель создания такой партии – обеспечить престолонаследие по воле ныне царствующего монарха, а не в силу превратностей выборов и других непредсказуемых, хотя и необходимых для соблюдения декора демократических механизмов.

Конечно, престолонаследие будет династическим не в физиологическом смысле слова, а в политическом: наследников будет поставлять не царствующий дом, а властвующий Двор через президентскую партию и Аппарат.

Еще одна задача Двора – контролировать раздел колоссальных богатств России и бывшей (и нынешней) госсобственности в интересах своих членов, а также лояльных Двору чиновников и коммерсантов.

В силу самой сути этого механизма (если, конечно, все пойдет, как задумано) на президентские выборы 1996 года может быть выставлена всего одна кандидатура – Бориса Николаевича Ельцина (как это обеспечить и провести через парламент – вопрос технический) – или другого, но тоже одного кандидата. Или двух-трех, но на таких условиях, когда очевидно, кто победит. Пока Двор не разделит всю собственность по нужным ему правилам, пока он не будет уверен, что новый президент не ликвидирует сам Двор, как Ельцин КГБ, у России не будет нового президента.

По сути, Борис Ельцин поступил так же, как большевики, которые сначала разрушили старую систему управления, а потом, поняв, что демократически они не в состоянии и управлять страной, и оставаться у власти, не деля ее с другими, восстановили централистское самодержавное государство. И даже в еще более жестких формах.

Разумеется, конец XX века – это не его начало даже в России. Потому, например, императорский Двор не имел своих структур, контролирующих СМИ. А современный Двор сразу обзавелся ими. Конечно, нынешние «демократы» (в этом смысле – точно в кавычках) не настолько большевики, чтобы ликвидировать рынок. Они пытаются его в своих интересах создать. Но к проблеме политической демократии это не имеет отношения, ибо полная политическая демократия меняет конкретных носителей власти помимо, а чаще всего и против их воли. Экономическая свобода, но под нашим контролем – вот их лозунг, находящий оправдание в том, что полная свобода есть анархия (что правда). Неправда в том, что мера неполноты свободы должна быть равной для всех. Это есть демократия. Но это не есть возможность властвовать, сколько хочешь, и брать, сколько унесешь.

Итак, создается помесь Двора с Аппаратом – худший симбиоз из всех возможных, ибо неизбежный произвол Двора не гасит произвол Аппарата, а умножается на него.

Взгляните на текст Конституции с этой точки зрения, взгляните на нашу историю последних полутора лет, проанализируйте политические шаги президента за осень – начало зимы. Всё, абсолютно всё подтверждает эту тенденцию. И особенно – персональные назначения и смещения. (Фаворитизм – непременный атрибут жизни Двора.)

В чем объективное оправдание этой тенденции? Только в том, что волею судьбы пришедшие к власти люди не умеют управлять демократически и не умеют демократически решать проблемы.

Оправдать же пытаются тем, что такая форма правления исторически свойственна России. Была – в свое время. Но исчерпала себя национальным крахом сначала в 1917-м, а затем в 1991 году. Всё. Двойной крах одной и той же модели в одной стране. Разве это не

лучшее доказательство порочности модели, неприемлемости ее для России XX века? Безусловное и лучшее доказательство. Однако модель восстанавливается в третий раз. И в третий раз она рухнет.

Значит ли это, что модель недееспособна вовсе? Конечно, нет. Некоторые проблемы она позволяет решить. Особенно если будет использоваться в крайнем варианте – в варианте Жириновского. Надежды Егора Гайдара, что с помощью этой модели можно и настоящие реформы проводить, и свободы сохранить, – либо иллюзия, либо самообман, либо обман. Тем более что неизбежный и непременный элемент этой модели – ложь и дворцовые перевороты. Однажды Егор Гайдар уже пал жертвой такого переворота. Что ж, он испытает это удовольствие еще раз. Обязательно. В награду за то, что между демократией и рынком выбрал только рынок. Хотя сам может и заблуждаться на сей счет.

Кстати, боюсь, что КГБ (МБ) ликвидирован не столько за то, что оставался слишком сильным и мог самостоятельно возродить политический сыск против демократически настроенных граждан страны. Но главным образом за то, что его не смогла полностью подчинить себе новая власть, прекрасно понимающая, что в неподконтрольных ей до конца системах копится информация о новых хозяевах страны. Я бы только радовался, если бы КГБ был распущен демократическим режимом, хотя даже ему сыск необходим. Но недемократический режим просто желает иметь это оружие только в своих руках.

Независимая газета, 25.12.1993

Сталин – наше всё
(Русское реформаторство как диктатура)

И вот – 1999 год. Путин уже несколько месяцев как глава правительства. Он уже успел продемонстрировать свою решительность и умение действовать – в первую очередь во второй Чеченской кампании. Уже состоялись думские выборы, на которых партия, созданная в поддержку Путина, хоть чуть-чуть и уступила коммунистам, но оставила позади себя все остальные провластные, то есть ни в коем случае не желающие отдать власть коммунистам, партии и блоки. Этого было достаточно, чтобы продемонстрировать, кто остаётся хозяином в Кремле и в России.

Но Ельцин ещё не объявил о своей отставке и назначении Путина и.о. президента – до этого момента остаётся ещё десять дней. Зато наступает историческая дата – 120-летие со дня рождения Иосифа Сталина. И я публикую статью, в которой… Впрочем, сейчас вы всё прочитаете сами.

Вчера, 21 декабря, был знаменательный день. С одной стороны, ровно девять лет с момента выхода первого номера «Независимой газеты». С другой – что гораздо более значимо для страны, всего мира, XX века, а пожалуй, и всего второго тысячелетия, – в этот день 120 лет назад, согласно официальной историографии, родился Иосиф Виссарионович Джугашвили, вошедший во всемирную историю под именем Сталин.

Кажется, все банальное и все оригинальное, что могло быть у нас в стране о Сталине написано и напечатано, уже и написано, и опубликовано. Кажется, нам уже больше нечего сказать о нем. Или – о Нем, как написал бы кто-либо другой, а может, и я, но в другое время.

Кстати, мы даже не замечаем, как многое в нашей повседневной жизни, не говоря уже о политической и государственной, осталось того, что придумано и разработано лично Сталиным или под его личным руководством. О мелочах быта говорить не буду, а вот, например, такое понятие и явление, как правительственная трасса. А на ближней сталинской даче (Волынское) до сих пор кремлевскими экспертами разрабатываются прожекты реформ и проекты президентских посланий Федеральному Собранию. А главное, конечно: вся наша номенклатурно-бюрократическая система скроена по-прежнему по сталинской колодке. Наш чиновник – генетический сталинец, хотя может быть и антисталинистом в душе.

Москва, архитектурная и политическая, – вообще город Сталина.

Последнее время, правда, от многого начали отходить, так сказать, оттаивать…

Кто же он, Иосиф Джугашвили-Сталин?

Безусловно, это один из величайших политиков мира в XX веке, и кажется, этого не отрицают на Западе.

Сталин, безусловно, диктатор, причем кровавый.

Между этими двумя полюсами (а полюса ли это?) – истина.

Моя задача – не открывать ее, ибо не под силу.

Моя цель – сделать несколько юбилейных штрихов.

* * *

Я задаюсь вопросом: если бы Петр Великий, фигура, безусловно, исполинская и традиционно положительная и в писаной русской истории, и в фольклоре (где, правда, в некоторых сусеках существует и образ Петра-Антихриста), так вот – если бы Петр Великий встал из гроба и оглянул нашу историю от сегодняшних дней назад, кого бы он мог назвать своим настоящим и полноправным наследником?

Ответ очевиден. Только Сталина.

Ибо именно Сталин воплотил в жизнь как геополитические, так и индустриальные заветы Петра Великого. Более того – даже превзошел их.

Правда, Сталин не внедрил, как мечтал Петр, западного образа жизни в России. Но ведь и у Петра не все получалось.

А кто из них был большим диктатором, еще можно поспорить. Александр Пушкин, например, написал на сей счет «Медного всадника».

Кстати, мне всегда было смешно видеть на эмблеме очевидно антисталинского «Демократического выбора России» (кто не помнит, это партия Гайдара) того самого Медного всадника, то есть конную статую императора-диктатора. «Демвыбор России» отвергает, естественно, и империю, и диктатуру. Но эмблему-то не я им выбирал.

Петр Великий был еще реформатор и западник. А если и диктатор, то просвещенный. А разве Сталин не был реформатором? Разве не был просвещенным? Кто еще из правителей России в XX веке мог весьма профессионально рецензировать произведения литературы, кинематографии, театра, архитектуры, музыки? Кто мог даже направлять ход искусства? Конечно, в рамках определенной идеологии. Но профессионально. Кто? Вот Петр Великий мог. А в XX веке? Даже Ленин, будучи куда как образованней Сталина, не мог и опасался.

Сталин, в отличие от Петра, не западник. Просто потому, что он, с одной стороны, верил в Россию как особую цивилизацию, был, так сказать, неформальным или пролетарским византийцем, а с другой – сам собирался цивилизовать весь мир на советско-коммунистический манер.

Сталин фактически восстановил и империю, и монархию (последнюю, правда, не в качестве наследственной). Страна, государство и реформы для Сталина были как ценности выше населения, людей, отдельного человека. Стоп! Здесь пора переходить к современности. Ибо в России так было всегда: и до Сталина, и после него, вплоть до наших дней: люди – лишь сырье, материал, топливо для реформ. И потому они должны терпеть и ждать.

Я утверждал, что на думских выборах 19 декабря 1999 года Россия выбрала прагматиков. Если отжать в прагматике все личностно-человеческое, то классическим типом прагматика – Великого и Ужасного – будет Сталин.

Сталинские черты я вижу в двух главных прагматиках сегодняшней России, в Чубайсе и Березовском. Естественно, в Гайдаре. Безусловно, в Путине. Очевидно – в Ельцине. Даже в Примакове. Само собой – в Лужкове (нет в нем, правда, сталинской аскезы и сталинского эстетического вкуса). О Шаймиеве и Рахимове я уже не говорю. В Кириенко проглядывают сталинские черты. В Никите Михалкове. В Зюганове.

Вот в Анпилове ничего сталинского нет. В Явлинском, кроме партийного культа личности, ничего. В Горбачеве – очень мало.

Что такое, по сути, Сталин? Жестко и жестоко целеустремленный прагматик, рассматривающий государство как доверенную ему историей, Лениным, революцией геополитическую систему, нуждающуюся в совершенствовании до уровня государства идеального, где счастье государства равно счастью людей.

Что такое наши реформаторы, как не разного калибра Сталины?

Что такое все оставившие след в истории так называемые великие люди, как не Сталины?

Разница в одном: некоторые, единицы, в какой-то момент личной диктатуры переходят к устройству гражданского общества, которое смогло бы функционировать после них. Большинство этого не делают.

Сталин – наше всё. Как и Пушкин. Два полюса русской культуры, политической в том числе.

Если бы Сталин жил сегодня, никаких концлагерей, конечно, не было бы. Сталин знал границы допустимого в собственной стране и в мире для каждой исторической эпохи. Он же был прагматик.

Просвещённый чекист Владимир Путин, просвещённый жестокий реформатор Анатолий Чубайс, просвещённый олигарх Борис Березовский – вот три лика Сталина сегодня. Сталина как квинтэссенции русского прагматизма и квинтэссенции русского реформаторства – жестокого, бесчеловечного, насильственного. Редко эффективного, чаще – неудачного. Главное – вовремя остановиться.

Сталин создал идеальную монархию, но из двух ее возможных плодов – номенклатурно-чиновнического класса и гражданского общества – сумел породить только первый. В этом его ограниченность. Его проклятие.

Не ругайте Сталина те, кто, не сделав больше страшного, не сделал и больше славного и особенно доброго. А если ругаете, то представьте себя сидящим в Кремле: не выйдет ли из вас более Ужасный, но менее Великий Сталин?

Независимая газета, 22.12.1999

Диагноз: управляемая демократия
(И объяснение диагноза всем тем, кто бьется в истерике)

31 декабря 1999 года Борис Ельцин объявил, что складывает с себя полномочия президента России и передаёт высший пост в стране своему преемнику Владимиру Путину. Естественно, я не мог не отреагировать на это событие, но по сложившейся к тому времени в стране традиции ни ежедневные газеты, ни еженедельники в первые двенадцать дней нового года не выходили. А за эти двенадцать дней на неожиданное для всех решение Бориса Ельцина успели среагировать многие известные политики страны, в том числе и находившийся тогда в оппозиции к Ельцину Юрий Лужков. Он поставил под сомнение демократичность решения сложившего с себя полномочия бывшего президента, что само по себе было нонсенсом, так как уж чем-чем, а демократичностью ни сам Лужков как личность, ни стиль его правления в Москве никогда не отличались.

И вот именно это – непонимание одним из столпов ельцинского режима (и ещё многими другими как патентованными демократами, так и теми, кто демократом только прикидывался) того, какой политический строй сложился в России, – и задало ход моих рассуждений в этой статье. А результатом этих рассуждений стало вынесенное в заголовок определение политического устройства России на тот момент (и до сего дня, то есть в весь период правления Путина):управляемая демократия.

Этот термин, с тех пор ставший расхожим, до меня никто не употреблял (что легко проверить, если пройтись по сетевым поисковикам и обратить внимание на соответствующие даты), а мне он пришёл в голову по ходу написания данной статьи.

Определение «управляемая демократия» очень точно, но слишком лапидарно, а посему

я хочу обратить внимание читателей на содержащееся в статье более пространное определение властного (политического) режима современной России: «Авторитарно-протодемократический тип власти, существующий в форме президентской республики и в виде номенклатурно-бюрократического, слабофедерального, местами квазидемократического и сильно коррумпированного государства». Конечно, за годы своего правления Владимиру Путину удалось резко усилить федеральный центр и тем самым предотвратить распад России, опасность чего была в 1999 году вполне реальной. Но в остальном все составляющие этого определения по-прежнему остаются актуальными, хоть и в несколько ослабленном виде.

В любом случае, данная статья является, по моему мнению, ключевой для понимания того, в каких условиях и как действует Владимир Путин, управляя современной Россией.

Юрий Лужков, запугавший осенью прошлого, 1999 года всю политологическую элиту страны своими рассуждениями о том, что «у нас не власть, у нас режим», сам того не подозревая, все-таки поставил, хоть и неграмотно, один из фундаментальных вопросов сегодняшнего дня в России, ставший особо актуальным после артистичной отставки Бориса Ельцина. Конечно, придворные политологи ОВР, даже будучи грамотными специалистами, не решились поправить начальника, хотя бы объяснив ему, что «власть» и «режим» не только не понятия с противоположным знаком, но даже и вообще не понятия одного ряда.

Простое чувство родного (русского) языка, вполне адекватно передающего все понятия политики как науки, должно было бы подсказать мэру, что в выражениях «демократический режим» и «коррумпированная власть» положительная и, соответственно, отрицательная оценки заложены в определениях, а отнюдь не в определяемых словах. Более того, реален (и даже часто в жизни встречается) такой феномен, как «коррумпированная власть при демократическом режиме» (правда, в этом выражении слово «власть» тоже употребляется не в строго научном смысле).

Дело, однако, не в политологической неподкованности Юрия Лужкова и не в невозможности для его советников поправить шефа (явный признак деспотии в ОВР и в московской администрации, что, видимо, и имел в виду мэр, правда, адресуя это обвинение не режиму своей власти, а Кремлю). Дело в вопросе, волнующем сегодня, после воцарения (пока еще не через выборы) Путина, очень многих. Особенно – как всегда мятущуюся у нас между обожанием власти и страхом перед ней интеллигенцию.

На саму интеллигенцию, в общем-то, наплевать – она достаточно лабильна, чтобы подстроиться и под любую власть, и под любой режим. Но дело в том, что народ (общество) говорит своим голосом либо во время революций, либо в день выборов. Все остальное время за него, а часто и вместо него говорит в России как раз интеллигенция (в последнее десятилетие еще и СМИ, но и в них правит бал интеллигенция; а в последние годы еще и социология, но и данные опросов комментируют, интерпретируют, а часто и программируют те же интеллигенты).

Итак, мятущаяся интеллигенция задает вопрос, точнее, целую пулеметную очередь вопросов: а мы уже в диктатуре или еще только на пороге ее? И как это так получилось – ведь мы же такие хорошие? И все, что нужно, делали: коммунистов сбросили, за демократию выступали, Советы разогнали, за Ельцина голосовали, частную собственность отстаивали, с Западом советовались – даже в рот ему смотрели, ноги ему мыли и воду с них пили. Почему? За что? И что же такое у нас, в этой одуревшей (помните крик интеллигента в декабре 1993 года?) России получилось?

Мне представляется, ответ на этот вопрос (и на всю очередь этих вопросов) есть. Вполне четкий. Не до конца оптимистический, ибо еще многое не прояснилось в жизни. Но совсем не страшный. Более того – вполне обнадеживающий.

Теперь я, наконец, назову то, во что мы уже давно, а не только что, вошли. Это не диктатура, не деспотия. Это авторитарно-протодемократический тип власти, существующий в форме президентской республики и в виде номенклатурно-бюрократического,

слабофедерального, местами квазидемократического и сильно коррумпированного государства.

Я, конечно, тоже, как и Лужков, не доктор политологии и могу ошибиться в точности некоторых формулировок. Но, уверен, в целом и в сути не ошибаюсь.

Двумя словами я все это вместе называю так: управляемая демократия.

В рамках этого определения разница между Россией 1992 года, Россией 1996 года и Россией 1999–2000 годов как раз есть.

В 1992 году в России была скорее просто протодемократия с элементами охлократии. В результате ельцинского госпереворота 1993 года получилась слабоуправляемая демократия. А с момента отставки Примакова и особенно с назначением премьер-министром и и.о. президента Путина – сильноуправляемая демократия, или собственно управляемая (как сформировавшийся тип власти) демократия.

Хорошо это или плохо? Это лучше, чем деспотия (диктатура) и даже чем авторитаризм, но хуже, чем просто демократия.

Что победит? Пока не ясно. Ибо управляемая демократия – это переходный этап от жесткой управляемости (диктатуры) к собственно демократии.

Но очевидно, что и исторический, и политический векторы пока по-прежнему направлены в сторону демократии. Впрочем, не просто очевидно, а и доказательно.

Вспомним некоторые этапы истории нашего парламентаризма.

В 1917 году большевики во главе с Лениным берут власть, имея собственный демократический лозунг «Вся власть Советам!», но не могут проигнорировать и не менее популярный в обществе лозунг «Вся власть Учредительному собранию!». Выборы в Учредительное собрание большевики, однако, проигрывают: у них нет большинства.

Что делает Ленин? Правильно. Незаконно распускает Учредительное собрание, а затем, подавляя сопротивление (в том числе и вооруженное) его сторонников, переходит к революционному террору.

В виде Советов в стране возникает управляемая демократия. Реальной, однако, демократия остается в партии, в частности – на съездах партии.

К власти приходит Сталин. При нем управляемая демократия в виде Советов становится квазидемократией, но в партии демократия остается. Тогда Сталин доведенным им до совершенства методом «Главное – не как голосуют, а как считают голоса» превращает внутрипартийную демократию в управляемую. А затем с помощью террора и ее трансформирует в квазидемократию. Еще один цикл истории российского парламентаризма завершен.

К власти приходит Горбачев. Основной лозунг – одемокрачивание партии (возвращение к «ленинским нормам»), но главное вновь – «Вся власть Советам!» (подразумевается – а не КПСС).

Горбачев не сумел и не успел одемократить партию, зато «Всю власть Советам» практически дал. В результате его зажали в клещи и свергли совместно неодемокраченная часть КПСС (ГКЧП) и переродившаяся в охлократию интеллигенции власть Советов во главе с Ельциным.

Горбачев не смог перейти к управляемой демократии, что, в частности, советовал ему Андраник Мигранян, говоря о железной руке.

Воцарился Ельцин – лидер демократически-охлократического движения, существовавшего в рамках Советов. В ленинской, коммунистической форме! Но имеющей видимое преимущество в глазах Ельцина (и других): во-первых, Советы привели Ельцина к власти де-юре; во-вторых, Советы казались антиподом КПСС.

Наступила полная демократия. И перед Ельциным, как до того перед Сталиным, а до него – перед Лениным, и до них – перед Николаем II, встала все та же проблема: парламентская демократия (царские Думы, Учредительное собрание, Советы, партийные съезды) мешает управлять тому человеку, который наделен высшей исполнительной властью в стране. Особенно если они (Советы, съезды партии) имеют право этого человека снять с

должности.

И Ельцин делает, лишь пару лет честно поборовшись с неуправляемой демократией, что? Правильно. То же, что царь с Думами, Ленин с Учредилкой, Сталин с Советами и съездами партии (Горбачев вот не решился – и проиграл). Ельцин незаконно 1) отменяет действующую Конституцию; 2) распускает Съезд и Верховный Совет народных депутатов РСФСР; а поскольку часть депутатов этому противится, то и 3) расстреливает парламент.

Чем Ельцин лучше царя, Ленина, Сталина? Ничем. В этом.

Но дальше Ельцин совершает нечто новое в российской политической истории. Он делает шаг не в сторону диктатуры или деспотии. Он назначает выборы в Думу – в новый парламент. Имея целью (сознательной или подсознательной) установление управляемой демократии.

Гигантский шаг! С четвертой, считая от императора, попытки, а с учетом «оттепели» Хрущева и политической перестройки Горбачева – даже с шестой попытки.

Обо всем рассуждающая, но как всегда ничего не понимающая русская интеллигенция, естественно, опять миф приняла за реальность, а реальность (парламент с наличием в нем коммунистов, а не только себя) за миф.

В 1996 году, на президентских выборах, управляемость нашей демократии была продемонстрирована во всей красе. Проблема оказалась в другом: Ельцин был плохим управленцем. Он умел управлять демократией как управляемой, но не умел – как демократией. А главное – он плохо управлял страной.

Но демократического импульса не погасил, к деспотии не свернул. Несмотря на то что сконструированная им управляемая демократия захотела его же и свергнуть (через процедуру импичмента).

И вот Ельцин, на излете своей власти, наткнулся на Путина. Или ему подсунули Путина. Не важно.

Путин (вместе с Ельциным) разумно решил продлить жизнь управляемой демократии, по крайней мере, еще на один срок.

Почему? Эгоистические мотивы, конечно, присутствовали. Но главное – опасение, разумное, обоснованное, что отход от управляемой демократии вернет страну к охлократии (через изменение Конституции), к демократии неуправляемой, к анархии.

Управляемая демократия – это когда голосует народ, а люди, находящиеся у власти, чуть-чуть выбор народа корректируют. В чью пользу? В свою, разумеется.

Вот и всё.

Итак, управляемая демократия – это демократия (выборы, альтернативность, свобода слова и печати, сменяемость лидеров режима), но корректируемая правящим классом (точнее, обладающей властью частью этого класса). Это то, что есть у нас.

Авторитаризм – это сохранение некоторых демократических институтов, но безальтернативность выборов, оппозиция в политическом гетто, ограниченная свобода слова и печати, полностью карманный парламент. Этого у нас нет.

Деспотия (диктатура) – это не демократия и демократические институты, если они сохраняются, то только в виде декорации; никаких свобод, никакой оппозиции, цензура, никакой многопартийности, несменяемость власти до смерти диктатора или до свержения его путем переворота или революции. Этого нет и в помине – нив реальности, ни на горизонте.

Отсюда и вывод. Пока нет ощутимого перелома к отходу от управляемой демократии в сторону ни деспотии, ни тем более в сторону охлократии. Переход к полновесной демократии – не гарантирован, но процесс явно продолжает идти в этом направлении. И никаких, абсолютно никаких признаков иного нет.

Путин сломается. Его заставят. Его вынудят обстоятельства. Может быть. Но пока не сломался. Пока не заставили. А если обстоятельства – то это уже не Путин, это нечто исторически неизбежное.

Может быть, Путин лицемер и злодей? Может быть.

Может, он использует механизмы управляемой демократии лишь для 1) окончательной легитимизации своей власти через выборы 26 марта и 2) для возведения Ельцина на декоративный, но все-таки официальный престол главы Высшего Совета России и Белоруссии, а затем перейдет к осуществлению своей (или чьей-то) главной цели – к установлению деспотии?

Может. Но зачем? Зачем, если управляемая демократия позволяет сделать все, что необходимо России?

Зачем это Путину, если он знает, что диктатуру в России можно установить, но нельзя удержать более недели?

Подозревать Путина в худшем мы можем. Требовать гарантий от худшего – обязаны. Критиковать – призваны. Но трезво оценивать реальный ход реального исторического и политического процесса и его очевидное направление – тоже не мешало бы.

Хотя бы для того, чтобы не заходиться в истерике, а дело делать.

Независимая газета, 13.01.2000

Вся правда о Путине (Для тех, кто считает, что «мы его не знаем»)

Отказ Ельцина от власти и передача её в руки до того мало кому известному Путину вызвали большую сумятицу в рядах столичной элиты, самая мощная, как ей казалось, группировка которой уже приготовилась к захвату (но через выборы, то есть с использованием механизма именно управляемой демократии) власти в стране. Центральной фигурой в ней был Юрий Лужков, который первоначально претендовал лишь на пост главы правительства при президенте, каковым должен был стать Евгений Примаков. Массированную информационно-психологическую подготовку этого плана вели СМИ из медиаимперии Гусинского, вокруг которых группировались все антиельцинские (а в реальности уже антипутинские) партии и партийные объединения.

Со временем Лужков при поддержке Гусинского (которого Примаков как президент не удовлетворял идеологически, да и человечески) должен был «мягко» оттеснить Примакова от президентства и занять его место в Кремле.

И вот весь этот план рухнул. Вроде бы нужно было сдаваться на милость победителя (что позднее Лужков, уже после победных для Путина президентских выборов 26 марта, и сделал), но первоначально потрясение от поражения было так сильно, что вылилось хоть и не в открытое сопротивление, но в попытку замутить общественное сознание рассуждениями о том, что Путин – это тёмная лошадка, от которой не известно, что ждать. Особенно – что хорошего ждать.

Следующая ниже статья, опубликованная за полтора месяца до выборов, на которых Путин победил, и была моим ответом на эти рассуждения и соответствующие вопросы, самым известным из которых стал заданный в Давосе в 2000 году американской журналисткой – «Who is Mr Putin?» Кстати, я присутствовал в зале Давосского форума, когда этот вопрос был задан, и слышал, сколько робко-невнятно отвечали на него четыре российских политика – Касьянов, Чубайс, Кириенко и ныне забытый Константин Титов, к которым этот вопрос был обращён.

Редакция «НГ», итак не страдающая от недостатка материалов, сейчас буквально завалена статьями на тему «Кто вы, товарищ (господин – в случае наличия у автора некоторых симпатий к и.о. президента) Путин?»

Лично я уже устал слушать рассуждения о том, что «мы Путина не знаем».

Во-первых, чаще других об этом говорят люди, которые лучше других знают Путина (политики) или уже обладают достаточной информацией, чтобы его знать (политологи).

Например, могу ли я считать, что Евгений Примаков, утверждающий, что «мы» мало знаем о Путине, вполне искренен? Ведь пока Примаков был премьер-министром, Путин

работал директором ФСБ. А до того Евгений Максимович контактировал с ним в качестве главы российского МИДа – оба были министрами «со звездочкой», президентскими министрами. Чего же более?

Если «мы» не знаем Путина, то пусть Евгений Максимович нас просветит. Он не знать Путина не может.

Или Юрий Лужков, тоже заявивший во всеуслышание, что Путин – для него нечто вроде НЛО. Сам же за два дня до этого уфологического заявления чуть ли не два часа с Путиным беседовал, до того – привечал его на своей инаугурации, до того боролся с ним, как и со всей прочей кремлевской камарильей, всю осень. Не знал, с кем боролся? А еще сокровенная информация лужковских агентов (а ведь каждый крупный политик у нас имеет свою сеть агентов в Кремле, в Белом доме, даже в более укромных местах). И все не знает?

Нам, простым москвичам, мэр столицы и шеф «Отечества» должен бы рассказать всю правду о Путине, коль скоро мы, простые, сдуру и от незнания можем за него проголосовать. А Юрий Михайлович от нас ждет правды.

Это какую же правду я, например, могу о Путине рассказать Лужкову или Примакову?

Конечно, все наверху о Путине всё знают. Ну не всё – главное. Не знают только одного – что, может быть, для них и есть самое главное? – как Путин поступит лично с ними после 26 марта. Это знание, конечно, дорогого стоит, но к всенародной правде о Путине оно имеет малое отношение.

Абсурдность затянувшихся рассуждений о Путине как о некой «терра инкогнита» почувствовал даже Евгений Киселев, сам приложивший немало усилий на создание и раздувание этого мифа.

Хватит. Надоело.

Если того, что говорит и делает ВВП, кому-то недостаточно, я объясняю для самых бестолковых, что такое этот ВВП и что он будет делать после 26 марта.

Информации для этого более чем достаточно. Более чем.

И интерпретировать ее легко. Как и информацию о большинстве других политиков – с нашим-то опытом «краткого курса ельцинизма»!

Но вернусь к Путину.

Что мы о нем уже знаем? Немало.

Он выходец из КГБ-ФСБ. Молод. Работоспособен. Трудился вместе с либерал-радикалами. Как политик и функционер сформировался не в советское время, даже не в перестройку – в период ельцинских реформ.

Он жестче, чем мягкий генерал Бордюжа, за что и получил его место секретаря Совета безопасности.

Он назван Ельциным преемником – более того, Ельцин фактически в его пользу отказался от власти. Кандидатура Путина была одобрена Семьей.

Он жестко, несмотря на нарастающую критику, провел операцию в Чечне.

Он сказал, что террористов будет мочить даже в сортире, хотя это не эстетично и, судя по всему, есть нарушение права террористов на свободное справление нужды.

Он сто раз повторил, что вопрос целостности России не обсуждается. И уже десятки раз повторил слова о своей приверженности рыночным реформам, правам человека и гражданским свободам.

Кроме того, он обнародовал свою большую и весьма показательную статью.

Я могу перечислять еще десятки примеров вполне определенных слов и дел Путина. Но и сказанного хватит – любой легко вспомнит остальное.

Теперь – что такое Путин? Ответ главный, вбирающий в себя все остальное:

Путин – государственник, или державник. Все иное в нем, включая знание немецкого языка, катание на горных лыжах, посещение церкви, дочек, играющих на скрипке, встреч с Михалковым-Кончаловским и Гергиевым и прочая, и прочая, – второстепенное.

Что будет делать Путин после 26 марта?

Он будет делать все, что будет полезно с его точки зрения для укрепления России как

государства и как нации. Все. Этой главной цели будет подчинена вся его деятельность.

Но он будет делать это «всё» не просто по собственному хотению, а:

1) исходя из реальных возможностей России (если чеченских террористов можно добить, то будем их добивать, а с Советом Европы – менее значимая проблема, разберемся – не в смысле «мочения» – потом);

2) исходя из того, что эффективно сегодня для укрепления России как государства и нации: если эффективна либеральная экономика – будет либеральная; если выяснится, что эффективнее мобилизационная – будет мобилизационная;

3) исходя из реальных условий, в которых существует сегодня Россия в мире, и правил игры, принятых в этом мире: открытость границ, Интернет, глобализация, гражданские свободы, права человека, свободные СМИ и т. п. Путин знает, что железного занавеса давно нет и воссоздать его невозможно; что властного ресурса на введение диктатуры ради отложенной демократии в стране просто нет;

4) наконец, исходя из того простого постулата, что «правила игры» в мире создают сильные, а выполнять их заставляют слабых. Сами же сильные в случае нужды (угрозы своим интересам) эти правила нарушают. Иногда беспардонно – врубая для прикрытия пропаганду на всю мощь (Косово), иногда скрытно, иногда, что особенно модно сейчас, точечно. На сей случай (нарушения «правил игры») есть и специальное правило. Собственно, я его уже сформулировал: для того чтобы нарушать «правила игры», нужно быть сильным или (примечание первое, и оно же последнее) казаться сильным.

Что здесь неясного? Какая «терра инкогнита»?

Может быть, вам нужны конкретные ответы на совсем уж конкретные вопросы?

Можно и конкретные.

Попытается ли Путин освободиться от пут Семьи и олигархов?

Непременно.

Будет ли нарушать права журналистов?

Не будет. Если только это не зарубежный журналист без документов, вступающий в контакт с врагом, в результате чего солдаты армии России выглядят не как освободители (на своей территории), а как исчадия ада.

Почему в этом случае Путин будет действовать так? По той простой причине, что целостность России для него есть условие сохранения России и государства в ней, есть необходимое условие для того, чтобы в этой России была свобода слова. Свобода слова без России Путину не нужна. Нужна только вместе с Россией.

И по второй, еще более простой, но не менее важной причине: потому что солдаты на смерть за свободу слова не пойдут (а войны без смертей не бывает – это не Путин придумал). А пойдут они на смерть (и генералы их – даже под осуждающими взорами матерей – пошлют на возможную смерть) – за Родину и за жизнь своих семей. В любой стране мира, а не только в России.

Что здесь непонятного?

На днях я слышал (или читал) рассуждения одного журналиста об аморальности российских властей в истории с Бабицким, что не ново. Ново было то, что этот журналист тут же дал эталонный, как ему казалось, пример обратного свойства – пример сверхгуманизма. Естественно, американский. Пример был такой: фильм Спилберга «Спасти рядового Райана», где, как известно, американцы проводят спецоперацию по спасению солдата потому, что он – единственный сын у своих родителей, американцев же. Журналист-гуманист даже не заметил, что его пример мало того, что сравнивает киносказку с реальной жизнью (у нас вообще «гуманисты» знают Америку только по кинофильмам), – этот пример, напротив, свидетельствует в пользу Путина или тех, кто в наших реальных условиях делом Бабицкого занимался. Они тоже спасали российских солдат для страны и для их родителей, жертвуя всем остальным. Фильм Спилберга ведь не называется «Спасти журналиста Райана». И уж тем более не «Спасти русского журналиста Райана».

Я знаю, почему четыре гиганта мысли и столпа русской демократии (Чубайс, Касьянов,

Кириенко, Титов) стушевались в Давосе, когда из зала прозвучал вопрос: «Кто такой Путин? Чистый ли он лист и кто будет на этом листе писать?» Не потому, что они не знают, кто такой Путин. Они постеснялись сказать правду. И еще им показалось, что их не поймут. А также им почудилось, что ВВП не понравится, если о нем скажут правду.

Я не стесняюсь. Мне не кажется, что меня не поймут, – я знаю, что многие не захотят понять. Мне все равно, понравится или нет ВВП то, что я написал.

Две ремарки в конце.

Первая.

Владимир Путин – очевидно, современный русский политик западного толка, то есть он ценит силу и знает, когда общественным мнением можно пренебречь, а когда нельзя.

Вторая. А что бы сделали (даже в фильме Спилберга) американцы с теми, кто отрезал бы голову американскому солдату Райану? Может, тогда и сюжет фильма был бы другой?

Что вам еще сказать о Владимире Путине?

По-моему, вполне достаточно, чтобы каждый мог осознанно принять решение, голосовать за него или нет.

Независимая газета, 16.02.2000

Режим Путина и Россия

Итак, 26 марта 2000 года Владимир Путин одержал победу в первом же туре президентских выборов. Естественно, с этого момента я стал в своих статьях в «Независимой газете» анализировать деятельность Путина как президента России регулярно. Тем более что эта деятельность вызывала много треволнений среди его оппонентов, часть из которых превратилась в его врагов, с которыми он последовательно и довольно умело расправлялся, а равно и много недоумений у тех, кто в принципе Путина поддерживал.

Для публикации в этой книге я выбрал лишь самые основательные свои статьи того периода, каждую из которых нет смысла предварять отдельным предисловием. Но иногда я буду это делать.

Голиаф и Левиафан

(Личная власть и бюрократия в России в свете борьбы нового президента за выживание – своё и страны)

Ничто в России не дают так легко, как власть личную.

Ничто не завоевывается так тяжело, как власть реальная.

Ибо реальная власть в России всегда у бюрократии (исторически меняющихся названий у нее много – правящий класс, аппарат, номенклатура, федеральные и региональные олигополии). А личная власть ради соблюдения политических приличий на части (формально, юридически, публично и гласно) не делится, по традиции отдается одному.

Далее начинается борьба Левиафана (бюрократии) с Голиафом (вождем – царем, генсеком, президентом). И до сих пор победа практически всегда (за одним, и то неполным, исключением) была за Левиафаном.

Случайно в XX веке высшую власть в России получили: Николай II, Брежнев, Черненко, Путин.

Приложив некоторые (иногда очень большие) либо интеллектуальные, либо аппаратные усилия, но только в условиях исторических переломов или общественных катаклизмов (а это тоже своего рода случай), власть получили (отчасти взяли) Ленин, Сталин, Хрущев, Горбачев. Несколько особняком, но в этом же ряду – Ельцин. Его к власти (как во многом и Ленина) привел народ. Правда, Ельцин не отличался ленинским

интеллектуализмом, но зато потом, получив власть, проявил сталинскую аппаратную хватку.

Но бюрократии (правящему классу) проиграли все. Ленин и Андропов – физически (точнее – физиологически). Брежнева, Черненко и Ельцина аппарат просто подчинил себе (Черненко и не сопротивлялся). Хрущева и Горбачева бюрократия свергла. И Ельцина свергла бы (уже готовилась свергнуть), если бы он не захотел уйти сам (правда, на чрезвычайно выгодных для себя условиях).

Один Сталин сопротивлялся бюрократии до конца. Но и он, во-первых, все-таки сам стал рабом Аппарата. Правда, рабом, который силой вырвал у Аппарата право пускать Аппарату же кровь. Это – во-вторых. Универсальный рецепт победы (если кто-то хочет считать Сталина все-таки победителем бюрократии) состоял лишь в одном: периодически он уничтожал тех, вокруг кого персонально периодически же вызревала и выкристаллизовывалась мощь аппарата. Ельцин, как стихийный приверженец западной идеологемы «права и свободы человека», не уничтожал, а лишь как минимум отправлял в отставку, не мешая кормиться с аппаратного (государственного) стола, как максимум – сам раздавая кормления.

Оттого и аппарат был к нему милостив, гуманностью ответил на гуманность.

И то сказать – еще до 53-го стреляли. За сорок лет, до казуса октября 93-го, когда часть аппарата всерьез задумала лишить Голиафа личной власти, цивилизовались почти до предела – даже не сажают. Правда, и Горбачев не сажал, а в конце 91-го и стрелять не решился (хотя юридически право имел). Но это просто издержки университетского образования. Словом, прогресс.

Теперь и вождя избирают, а не назначают, как раньше. Некоторые, естественно, оспорят этот вывод, основываясь как раз на выборах Путина в 2000 году и Ельцина в 1996-м, но не все же язвы сводимы одномоментно, отвечу я, не вдаваясь в суть соответствующих предвыборных коллизий. Вождя избирают, но проблема иллюзорности личной власти и неравнозначности ей власти реальной осталась. Выражаясь по-современному – конфликт интересов.

И все это новый и молодой президент Владимир Путин знает (или чувствует), как и свою оказионность, а многое прошло и на его глазах (от Брежнева и до него самого, Путина).

И что же Путину с этим знанием делать? Выбросить из окошка Теремного дворца на Соборную площадь?

Нет, коли стал президентом, с этим знанием надо жить, жить и работать. Непременно работать. Ибо иначе будет либо хрущевско-горбачевский, либо брежневско-ельцинский вариант.

Сталинского уже нельзя. Остается андроповский (в смягченном варианте). Тем более что Юрий Владимирович, можно сказать, сослуживец и даже старший по званию и должности.

Это все присказка.

Резюмировать ее можно так: перед каждым высшим руководителем России стоял и до сих пор стоит один не вполне государственный, можно даже сказать, вполне приватный вопрос: он ли победит Левиафана (Аппарат), Левиафан ли победит его?

Как мог ответить Путин? Молодой, решительный и в делах государственных (Чечня), и в аппаратных (Скуратов)?

Только так, как он, видимо, и решил ответить: подчинить себе Аппарат.

Разве не ясно это было раньше – вспоминаю я, извините, опять свою статью «Вся правда о Путине».

Признаюсь, и у меня позже были колебания (статья «Путин – слабый президент?»). Но ВВП их быстро развеял. Может, еще и не сильный, но слабым быть не хочет.

Но это все присказка.

А теперь сказка.

* * *

Помимо личных проблем во власти, у Путина есть, естественно, проблемы и государственные, общенациональные. Он хочет видеть Россию вновь великой страной, нацией и государством.

Может ли он добиться этой цели, не овладев аппаратом, не подчинив его себе? Нет.

Может ли он добиться этого, получив в наследство от Ельцина то, что получил, – не только семибоярщину, но еще и 89-баронщину (не говоря о всех других бедах и развалинах)? Тоже нет.

Должен ли он не загубить демократию вместе с бюрократией? Должен. И хочет. Сможет ли – отдельный вопрос, во многом открытый.

Как Ельцин захватывал личную власть? Он разрушал и дестабилизировал советскую бюрократию (потом, правда, она быстро реанимировалась в виде российской – с чертами ельцинизма на лице).

Может ли Путин воспользоваться для закрепления своей случайно и от бюрократии доставшейся ему власти тем же способом – разрушая отечественную бюрократию? Нет. Так он разрушит государство, а с ним и страну. Но Путин не Ельцин.

Может ли Путин, минуя бюрократию, опереться непосредственно на народ? Мог бы, если бы в России была предреволюционная ситуация (на манер 1991 года) или наблюдалось бы гражданское общество (на манер года эдак 2015-го).

И тогда Путин и в своих личных целях (победить бюрократию персонально), и в интересах общенациональных (не дать бюрократам разорвать Россию на части) решает взять бюрократию в железные тиски снаружи. Ибо не имеет сил подорвать ее быстро (через экономические и нормально демократические реформы) изнутри.

Он, Путин, назначает семь прокураторов, наделяя их властью, покрывающей сверху власть 89 губернаторов и субпрезидентов, – на настоящий момент единственных реальных диктаторов России. Сам же Путин – пока диктатор потенциальный.

То, что семь из кремлевского ларца, почти одинаковых с лица, будут никакими не генерал-губернаторами, то есть управленцами, а именно прокураторами соответствующих территорий (федеральных и военных округов), по-моему, уже очевидно. Парадокс в том, что Путин, для того чтобы победить бюрократию, создает супербюрократию.

Миссия прокураторов, огрубляя, – не только довести власть Кремля до субъектов Федерации, но и изъять часть власти у губернаторов и субпрезидентов, для политеса бросив им временно некоторое отпускное – см. соответствующие путинские законопроекты. Потом отпускное либо заберут назад (в Кремль), либо отдадут населению (избирателям).

В первом случае мы получим авторитаризм, бесперспективный в современном мире, в том числе и в России.

Во втором – демократию. С сохранением, между прочим, страны.

Куда дальше пойдет Путин (на втором этапе своих реформ)? Это зависит и от того, победит ли он на первом этапе. Если проиграет – то точно падет в авторитаризм. Если победит, то не обязательно пойдет к демократии (тут прав Березовский). Но не обязательно и к недемократии.

* * *

Допустим, что Путин – ставленник Семьи. Что он от нее зависим. Это похоже на правду, как и то, что он об этом знает и этой зависимостью тяготится. Не может не тяготиться.

Допустим, Путину не дали сформировать полностью то правительство, которое он хотел.

Допустим также, что он не смог заменить и главу своей администрации, то есть Волошина, оставив в своем тылу еще одно протоправительство – подчиненный Волошину аппарат президентской администрации.

Что делает Путин? Он создает третье параллельное правительство в виде Совета безопасности, секретарем которого является его личный друг Сергей Иванов, в который входят силовые министры, напрямую подчиняющиеся президенту. Наконец, он собирается ввести в Совет безопасности и всю семерку прокураторов, своих личных ставленников, пять из которых – либо генералы чеченской войны, либо его друзья по ФСБ.

Это резервное и личное правительство, которое станет главным, как только представится удобный случай. А точнее говоря, оно позволит Путину однажды сформировать свое официальное правительство.

Удачный случай – это либо победа путинского плана реформы управления (мягкий вариант, безболезненный). Либо это поражение путинского плана. Тогда – жесткий вариант.

Мягкий вариант (максимум демократии, экономический либерализм, но единое государство) приведет к замене официального правительства, видимо, уже осенью.

Жесткий вариант (в случае поражения) может наступить сразу вслед за поражением, то есть уже летом. Но может быть отложен и до следующей попытки слома хребта российской бюрократии.

Может ли Путин, ломая хребет бюрократии, по неосторожности или по неумению сломать и хребет молодой российской демократии? Может – опять прав Березовский. В чем Березовский не прав, так это в том случае, когда он предполагает, что Путин хочет сломать хребет демократии сознательно.

Я как-то уже писал, что категорический императив Путина – сильная, единая и процветающая Россия как страна, нация и государство.

Но именно в такой последовательности: сначала должна быть страна Россия (категорический императив первого порядка), а в ней должна быть демократия (категорический императив второго порядка). Или, если хотите, первое условие – необходимое, второе – достаточное.

Как соединить клещи путинской прокураторской антидиктаторской супербюрократии с мягким пока телом гражданского общества, местного самоуправления, выборности, демократических принципов современной России – это большой вопрос.

* * *

В своем открытом письме Путину Борис Березовский совершенно справедливо указывает на многие изъяны плана политических реформ, предложенного президентом (не один Березовский на них указал, но его голос прозвучал громче и сенсационнее других). Сделал ли Березовский это из общедемократических соображений или из эгоистически-олигархических – вопрос второй и даже десятый. Свидетельствует ли это о том, выпал ли Березовский из Семьи, раскололась ли Семья или Путин вышел из-под контроля Семьи, – важно, интересно, но тоже не главное.

Но на опасности (реальные) Березовский указывает правильно. Я уже писал, что предложенная Путиным схема формирования Совета Федерации абсурдна, сюрреалистична и вообще неработоспособна. Если только то, что предложил Путин (в этом и некоторых иных случаях), не та самая белая собачка в углу полотна, которая нарисована специально, чтобы, будучи убранной по требованию цензуры Госдумы и Совета Федерации, она помогла появлению картины на выставке.

А вот логику путинских предложений Березовский отвергает зря. Есть общественная дилемма, а есть внутри нее и с ней связанная личная дилемма всякого высшего руководителя в России. И перед ней тоже стоит Путин: если он не победит, то проиграет. Его проигрыш – точно плохо (для него и для страны, особенно при наличии чеченского синдрома и Чечни как проблемы). А дальше – вторая, общественная дилемма, на которую раздваивается победа: авторитаризм и демократия.

Но авторитаризм, как мы видим из присказки, результативен в России только в сталинском варианте (а сегодня он возможен лишь теоретически).

Следовательно, Путин неизбежно, сделав авторитарный шаг, должен будет сделать два демократических. Иначе он проиграет навсегда. И олигархический анархо-демократизм Ельцина окажется чуть ли не идеалом демократии в нашей стране. То есть просто все скажут: Путин погубил демократию в России. И страну не сохранил.

А все дело в том, что эти две цели (сохранение России и демократии в ней) можно достичь только одновременно, а никак не поврозь. Если даже в своем сознании ты ранжируешь их последовательно и предел допустимого прочерчен: управляемая демократия – уже не авторитаризм, хотя еще и не вполне демократия.

Подтолкнуть Путина к чистому авторитаризму – мечта российского Левиафана. Тут-то и будет отсечена голова Голиафа. Каким-нибудь Давидом. Правда, не столь кротким душевно, как библейский.

Независимая газета, 01.06.2000

Блеск и нищета политической философии Владимира Путина

8 июля 2000 года Владимир Путин выступил со своим первым посланием Федеральному Собранию, ясно и явно заявив этим текстом как стратегические цели своего президентского правления, так и основные направления той политики, с помощью которых он этих целей постарается достичь. В тексте этого послания я увидел не набор более или менее банальных и оригинальных деклараций неофита в большой политике, а то, что я назвал политической философией Путина. Анализу этой философии и посвящена следующая статья.

Выступив с речью, представляющей президентское послание Федеральному Собранию на 2000 год, Владимир Путин фактически изложил в самом сжатом виде свою политическую философию на весь срок своего правления, а не только на 2000 год.

В самой этой философии нет ничего нового для тех, кто хотя мало-мальски внимательно следил за словами и делами Путина, начиная с момента назначения его главой правительства, а то, что слышал и видел, анализировал хоть в какой-то мере объективно – не обольщаясь и не толкуя заведомо предвзято.

Кажется, вопрос «Кто такой Путин?» должен быть снят даже самыми непонятливыми.

Сначала суммирую самые принципиальные, на мой взгляд, пункты этой философии, используя, в частности, некоторые определения из своих предыдущих статей, посвященных ВВП.

А затем попробую показать блеск и нищету этой философии, ибо она отмечена и тем, и другим, причем не только по причине объективной однобокости всякой политической философии, но и потому, что ряд существенных моментов, в нее заложенных или в ней проигнорированных, и создает ту политическую напряженность, которая сопровождает движение по палатам парламента путинской «федеральной реформы».

* * *

Достаточно определенно, хоть и слишком лапидарно, квинтэссенция путинской философии выражена в придуманном, надо думать, им самим рабочем названии послания: «Какую Россию мы строим». Более развернуто это выглядит так (причем не примерно так, а точно так), как я расшифрую ниже.

Возрождение России как великой страны, сильного государства (державы) и процветающей нации.

Эта цель первична – все остальное вторично, принимается, если способствует ее реализации.

Из прошлого отвергается только то, что не работает на заявленную цель, и отвергается

не по идеологическим или моральным, а по сугубо прагматическим причинам. Коммунистическая экономика – потому, что она не выдержала конкуренции с рыночной. Советская система – потому, что она потребует отказа от демократии, к которой привыкли люди, особенно элиты, да и сам Путин, а также потому, что она не предотвратила распада страны. Ельцинский анархо-олигархизм – потому, что он не обеспечил процветания страны, поставил Россию в зависимость от Запада, не гарантирует целостности территории и лишает центральную власть смысла существования.

Но и глумления над прошлым (ни царистским, ни советским, ни ельцинским) не будет – все это этапы истории страны, скорее всего, объективно неизбежные. Путин жестко раскритиковал ельцинское девятилетие, но не осмеял, а даже оправдал, хотя, видимо, и не вполне искренне.

Жизнь мира есть жесткая борьба (в том числе и в виде сотрудничества) за выживание и процветание собственных народов. Слабые проигрывают, слабых не уважают (а оттого они проигрывают еще быстрее и вернее) и подчиняют себе более сильные.

Размер территории есть первый, визуально очевидный показатель силы или слабости.

Путин очень коротко остановился на проблеме Чечни и исключительно – в этом аспекте. Ибо все остальные узлы чеченской проблемы для него вторичны и третичны. Но вопрос территории – вне обсуждения, ибо без территории нет страны.

Так же, как нет страны без народа, без населения. Первой из проблем, которой коснулся (причем гораздо подробнее и эмоциональнее, чем даже Чечни) в своем выступлении Путин, стала именно депопуляция России. Процесс этот идет не первый год. Но до Путина ни Ельцин, ни кто-либо другой из первых лиц государства никогда не осмеливался коснуться этой темы.

Ключ к возрождению и процветанию страны – рыночная экономика, сильное (в смысле эффективности) государство, определяющее приоритеты развития, контролирующее и корректирующее это развитие, и демократия и гражданское общество в пределах, не мешающих достижению главной цели.

Политика есть не самодеятельность масс, а тем более каких-то отдельных территорий или экономических субъектов, соприкасающихся с политикой, а дело государственное. Вот откуда возникают не раз уже повторенная мысль о необходимости создания партий и (в предположительной форме) идея о выдвижении исключительно ими кандидатов на пост президента.

Все должны сотрудничать с государством, и никто – противостоять ему.

Государство понимается Путиным (как президентом, выходцем из спецслужб и патриотом русско-советской закваски) не как сонм чиновников, а как синоним страны, ее символ, ее вождь, показатель ее благополучия. Если государство благополучно, то благополучна и страна. Следовательно, добившись благополучия государства (включая эффективность деятельности аппарата) – добьешься благополучия страны в целом.

Свободы – разрешено все, что не противоречит закону, если (второе условие) не противостоит реализации главной цели.

Если СМИ свободны от цензуры государства, то они должны быть свободны от целенаправленной цензуры (или политического управления) других субъектов, особенно если это ведет к такой их деятельности, которая государством (иногда – населением) воспринимается как антигосударственная.

«Нулевой вариант» (в собственности и политической активности) соблюдается де-факто, но при трех условиях, каждое из которых обязательно: 1) если он не противоречит реализации главной цели; 2) если управление собственностью эффективно; 3) если держатель собственности лоялен государству как собственник и как политик.

Наконец, последнее (не проартикулированное Путиным, но подразумевающееся): Левиафан (государственная бюрократия) должна подчиниться Голиафу (президенту). Почему? Потому что президент – помазанник народа.

И еще потому, что если будет наоборот, то разнонаправленная и эгоистическая

активность бюрократии разорвет страну. В этом смысле Путин отделяет бюрократию от государства. Более того – он противопоставляет их.

* * *

Путин хочет построить идеальное государство, в котором будут воплощены и через деятельность которого будут реализовываться все основные интересы нации и страны.

Будет государство – будет страна – будет нация – будут счастливы и обеспечены люди этой страны.

Не может быть счастливых и обеспеченных людей (по крайней мере, этой национальности, то есть в данном контексте – россиян, а не русских только), если не будет нации, а ее не может быть без страны, а ее – без государства, которое единственное охраняет все, что внутри него, от покушений со стороны и изнутри.

Государство для Путина есть цепной пес нации и страны, следовательно, и цепной пес демократии и рынка, если страна выбрала эти формы политического и экономического устройства.

Кроме того, Путин, как и Пушкин, считает, что правительство (то есть центральная власть) – самый большой европеец в России и в смысле демократичности, и в смысле осознания, формулирования и реализации интересов нации.

Все в политической философии Путина логично, но не все убедительно, в том числе и в реальностях сегодняшней России. Эту неубедительность многие чувствуют, некоторые – критикуют, некоторые – прямо клеймят.

Путин судит по прецеденту: из демократического хаоса в России родилась не демократия, а что-то иное; рука рынка автоматически не столько укрепила, сколько разрушила экономику страны; и так далее.

Следовательно, нужна все-таки управляемая (но не манипулятивная) демократия. Следовательно, рукой рынка должна руководить голова. Причем одна, а не десять и не сотня. А одна голова – это власть (по-путински – государство).

Кроме того, Путин знает, насколько активно вмешивается государство во все сферы жизни на Западе (и тем более – даже в процветающих странах Востока).

Критики Путина исходят из двух главных посылок, тоже реальных. Во-первых, они считают, что коль скоро они сумели добиться процветания в рамках ельцинской системы, то есть без сильного государства, то это могут сделать и другие. Следовательно – в принципе, система верна, лишь разбалансирована. Во-вторых, они считают себя большими европейцами, чем Путин и уж тем более чем какое-то государство.

Путин им возражает (прямо в своей речи): но ведь это государство (то, ельцинское) развратило нацию и разорило страну и людей. Вейлу своей слабости, неэффективности. Поэтому надо устранить эту помеху (слабость, неэффективность). Следующее возражение он не высказал, но, безусловно, имеет в виду: вы стали богаты и счастливы от государства, от его щедрот, а у других такой возможности не было и уже не будет. Следовательно, ваш пример – другим не наука.

Словом, как всегда в России, правы все. А счастья все нет…

* * *

Путин, в отличие от Ельцина, четко осознает во всей их остроте главные проблемы, стоящие перед Россией. Он также видит и все противоречия и провалы ельцинского периода.

Путин предельно целеустремлен. Он полон решимости вывести Россию из кризиса во что бы то ни стало – апатии и сибаритству «эпохи Ельцина» приходит конец.

Путин правильно ориентируется в изъянах сложившегося при Ельцине государственного устройства и стремится использовать имеющийся у него на ближайший год кредит доверия избирателей для исправления ошибок в форсированном режиме.

Путин продемонстрировал, что обязательства, возникшие у него перед теми, кто поддерживал его во время избирательной кампании, не абсолютны. Они заканчиваются там и тогда, где и когда прекращается эффективная работа или проявляется нелояльность стратегической линии президента.

Путин категорично подтверждает свою верность основным принципам демократии, делая (неявно) лишь единственную оговорку: если их реализация не противоречит возрождению мощи и благополучия России.

Путин правильно определяет и важнейшую прикладную цель своего президентства – овладеть Левиафаном бюрократии. С одной стороны – подчинить его воле государства, то есть центральной власти. С другой стороны – обеспечить ее, бюрократию, легальными доходами высокого уровня, дабы не вводить в искус коррупции и иметь моральное право за коррупцию карать.

Наконец, Путин, безусловно, стоит за воплощение в жизнь радикальной рыночной реформы, дабы раз и навсегда решить проблемы экономики в стране.

Путина сейчас (и в связи с его посланием Федеральному Собранию) критикуют в основном конъюнктурно. Например, те, кто уговаривал его вступить в переговоры с Масхадовым, не одобряют его выбора в качестве главы Чечни Кадырова, который был одним из полевых командиров в прошлую войну.

Или: Путин недоволен «антигосударственной политикой» некоторых СМИ, но то, что он определяет как «антигосударственная политика», говорит Евгений Киселев, есть политика как раз государственная – просто президент со своими эфэсбэшными мозгами этого не понимает.

И еще говорят Путину: как несправедливо намерение выселить губернаторов из Совета Федерации – кто лучше их может представлять интересы территорий, кто лучше их способен здоровым консерватизмом смикшировать сумасшедшие шараханья Думы и Кремля? Между тем предложенная Путиным достаточно фантасмагоричная (а фантасмагоричность заложена ельцинской Конституцией, словечком «формирует», введенным в нее) новая схема формирования Совета Федерации как раз и открывает путь в верхнюю палату парламента нынешним губернаторам, после того как они перестанут таковыми быть. И все, увлеченные борьбой с «диктатурой Путина», как-то сразу забыли о недавних собственных филиппиках по адресу «диктатур губернаторов». А ведь когда одни диктаторы борются с другим, надо смотреть глубже банального уровня: дескать, 89 диктаторов – это плюрализм и демократия, а один диктатор – диктатура.

Между тем у путинской политической философии есть реальные изъяны. Наиболее четко на них указал в своем открытом письме президенту Борис Березовский – сенаторы осмелели лишь после этого письма.

Однако и Березовский не столп истины. Есть такие изъяны путинской политической философии (и в речи на представлении президентского послания они проявились отчетливо), которые, если я не ошибаюсь, пока публично еще не отмечались.

Прежде всего о самой политической реформе, задуманной Путиным. По смыслу и основным направлениям она и позитивна, и логична, и реально нацелена на исправление изъянов ельцинской модели государственного устройства.

Но реформу можно проводить революционно, меняя законы и Конституцию, что, как правило, создает напряженность, по крайней мере, в элите, а можно под сурдинку, путем поправок и мягких корректировок, что не подтачивает политическую стабильность. Второй путь чаще оказывается эффективнее.

Далее. Справедливо говоря о необходимости усиления (или повышении эффективности) государства, Путин, как я уже отмечал, видит в своем сознании некое идеальное государство, одновременно и эффективное, и справедливое, и гуманное. Но такие государства бывают лишь в схемах или мечтах и никогда в жизни. Идеальное государство, тем более в России, построить нельзя. И не нужно эту цель ставить. Тем более что для одних (бюрократии) это отдает утопизмом, а для других (демократов) – тоталитаризмом.

Вообще, нужно быть осторожнее с терминами и словами. Особенно когда их произносит президент, а не глава, например, ФСБ. Понятно отношение Путина к «некоторым СМИ», но совсем необязательно, более того – противопоказано высказывать это отношение вслух. Президент должен только хвалить прессу, только хвалить. Это правило, практически не знающее исключений.

Это по форме. А по сути – пресса действительно имеет право писать все, что считает нужным. Это может создавать власти и даже стране проблемы, но суммарно пользы от свободы слова гораздо больше, чем от ее ограничения.

Путин, судя по всему, понимает разницу между обществом вообще и гражданским обществом, а также между гражданским обществом и официальными демократическими институтами (парламент, выборы, политические свободы и проч.). Но, кажется, он не понимает или не хочет понимать, что и губернаторы, и олигархи лишь одной своей половиной являются субъектами политики, частично нелегитимными, частично излишне автономными от центральной власти, частично подменяющими эту власть. Но другой своей половиной и губернаторы, и олигархи – представители, более того – активные члены как раз гражданского общества, то есть общества, живущего на одной территории с государством, но не зависящие от него в повседневной, неполитической жизни. Совершенно понятно, что сотрудники «Медиа-МОСТа», чье материальное благополучие зависит в первую очередь не от Кремля, а от Гусинского, считают покушение на его свободу покушением и на свою свободу. Другое дело, что этим сотрудникам нужно понимать, что если сам Гусинский и «Медиа-МОСТ» в целом претендуют на роль субъектов политики, то их частная жизнь (и тем более работа) попадает в зависимость от политической борьбы.

Ясно также, что губернаторы, требующие демократии для себя, не хотят дать ее тем, кто живет на территориях, где они царствуют, давя и третируя и так-то не выращенное государством местное самоуправление. Поэтому олигархическая и губернаторская автономии суть квазигражданское общество, но иного, кроме низовой заброшенности людей, которые не зависят от государства просто потому, что оно ими не интересуется, у нас нет.

Путин ничего не сказал ни на сей раз, ни до того, как он и его идеальное государство собираются формировать настоящее гражданское общество, члены которого под именем «народ», видимо, воспринимаются Путиным как его самый надежный союзник. Но пока это союзник лишь на основе отрицания «прелестей» ельцинского периода, не более.

Конечно, и олигархов, и губернаторов надо поставить на место. Но зачем же массово терять их как союзников? Бесспорно, значительная часть из них притворными союзниками президента останутся, но ведь реформы нужно не только провести через Федеральное Собрание, но и реализовать. И тут-то «идеальное государство» Путина вынуждено будет столкнуться со вполне реальными Бюрократией, Губернаторами и Олигархами, которых «идеалами» не убедишь и не победишь.

Путин провозгласил замечательную цель – борьба за выживание нации, обозначив опасность – депопуляция страны. Но как эта борьба будет вестись? Построением эффективного государства? От этого дети не рождаются.

Провозгласив такую цель и не изложив (а ведь это могло бы стать настоящей сенсацией) государственную программу повышения рождаемости, Путин продемонстрировал декларативность, если даже не голую идеологизированность, своего предложения.

Для быстрого возрождения величия России Путин предлагает создание инструмента – эффективного государства. Но, во-первых, это инструмент необходимый, но недостаточный. Во-вторых, обожествляя этот инструмент и абсолютизируя его достоинства, президент рискует целых два срока увлеченно совершенствовать этот инструмент, так и не добившись его искомой идеальности. А реальная политика будет проводиться обычными методами.

* * *

Выступая в Кремле со своим президентским посланием перед виднейшими представителями российского Левиафана, Голиаф-Путин, безусловно, помимо всего прочего, еще раз попытался зафиксировать новую границу власти президента. Это нормально для нового человека в Кремле. На его месте так поступил бы каждый.

Дело теперь за малым. Перевести политическую философию в политическую практику. Самое пристрастное отношение к ней Путин себе обеспечил. Можно не сомневаться – всякое лыко будет поставлено ему в строку.

И это нормально. Блеск политической философии Путина от этого не померкнет, а нищета – снивелируется или даже исчезнет. А победят все равно те идеи, на которые отзовется общество. Не исключая даже и губернаторов.

Независимая газета, 11.07.2000

Режим Путина и Россия
(Антиельцинизм как догма и как творческое учение)

В определенных политических кругах Москвы, назовем их близкими к либеральным и демократическим, висит какое-то тяжелое и одновременно ироническое недоумение. Дескать, что-то идет не так, не в ту сторону, не к тем целям, не теми методами.

Все это напоминает досаду озабоченного многими делами человека, который, выйдя без зонта на улицу и попав в дождь, чертыхается: «Но ведь прогноз погоды был хороший! И поясницу у тещи не ломило! Почему, черт побери, все так плохо, сыро, неясно?»

Кто его заставлял верить синоптикам, да еще всем подряд? Почему тещина поясница надежнее логики и здравого смысла? Отчего не выглянул накануне в окно – небо-то уже было затянуто облаками.

Сегодняшний дождь (а для кого-то, напротив, солнце) – следствие, причем неизбежное, того, что ему предшествовало. И погода завтрашняя тоже будет не той, какой хочется или, наоборот, какой лучше бы не было. Она будет такой, какая только и может быть в сложившихся политических (простите, климатических) условиях.

Сиюминутно анализируя ситуацию с верховной властью России, можно испытывать недоумение и раздражение. Но стоит обернуться назад – сразу станет ясно, как мы дошли до жизни такой.

Другое дело, как эту «такую» жизнь оценивать, как к ней относиться, пытаться ли ей противостоять, или просто плыть по течению, или возводить плотины на самых опасных поворотах течения.

В этом, а не в оценке нынешнего положения дел – гражданский и политический выбор каждого.

Процесс, собственно, развивался так.

Вот четыре этапа, спрямляя тенденции и отбрасывая нюансы, ельцинского правления.

1991–1993 годы. Одни делили власть, другие – брали собственность.

1994–1996 годы. Те, кому удалось получить всю власть, обратили свои взоры к собственности. Но оказалось, что многое, самое сладкое, уже в чьих-то руках. Собственность, то есть и финансовые ресурсы страны, оказались не в руках власти. А она у нас хоть и новая, да со старыми привычками: привыкла распоряжаться деньгами всей страны.

Оказавшись в действительно новой для себя ситуации, власть приуныла, ибо поняла, что попала в ловушку собственных реформ, проведенных так, что и у нее самой денег не осталось, и у народа, у которого деньги взять легко (налогами или вообще конфискационно). Власть осознала, что оказалась и без финансов, и без социальной опоры. А на носу – выборы, где у нее, власти, без денег и избирателей шансов никаких.

1996 год. Власть от безысходности начала готовиться к государственному перевороту и отмене выборов.

Но собственники оказались более конструктивными. Они предложили власти сохранить ее (и себя, разумеется) без потрясений, соблюдая приличия. В обмен на еще большую собственность.

1996–2000 годы. Собственники, достигнув успеха на выборах, ощутили свою силу. Они (с помощью СМИ – это важно) сделали то, что не могла власть и не хотел народ (другое дело, что коммунистов народ хотел еще меньше).

Поэтому собственники, особенно видя дряхлость Ельцина, повысили ставку. Они захотели не только собственности, но и власти.

В результате – как символы удовлетворения этого желания – Чубайс возглавил президентскую администрацию, а Потанин стал первым вице-премьером правительства. Более конкретные дела решались на уровне залоговых аукционов.

Однако рутинное управление государством (власть) – это не то же самое, что рутинное управление собственностью. Оказалось, что это наука и профессия.

Как науку это управление нужно было знать, а как профессию – повседневно справлять. Как за профессию за власть мало платили, к тому же чиновничий аппарат был слишком вязок и специфичен для собственников, привыкших получать много и быстро (чиновник же клюет по зернышку), принимать решения и добиваться их исполнения стремительно – без всяких там парламентов, прокуратур и счетных палат.

И чиновник в конце концов вновь победил собственника, хоть и питался с руки последнего. Победил во всем, кроме влияния на президента и его семью.

К тому же власть все равно оставалась крупнейшим собственником, только на порядки менее эффективным, чем собственник частный. И поэтому была по-прежнему привлекательной для собственника.

Но не прямо, ибо собственник понял, что он умеет управлять предприятиями и людьми на них, но не народом. Кроме как посредством СМИ – это владельцы СМИ и, напротив, те, кто СМИ не владел, поняли хорошо.

Однако тут вновь – вот проклятая демократия! – замаячили на горизонте выборы.

Власть в целом (бюрократия) выборов не боялась, ибо она, бюрократия, бессмертна. А вот конкретные носители власти, особенно верховной, опять заволновались, ибо дело, как было принято говорить в СССР, запахло керосином.

Собственникам вновь пришлось мобилизоваться, ибо они прекрасно понимали, что новая власть в случае чего с такой же легкостью отберет собственность, как когда-то ее раздавала.

Поэтому все вели себя по-разному. Народ – спокойно ждал выборов. Ельцин – искал всего лишь одного человека, который бы не перечеркнул его, Ельцина, как физическую и политическую фигуру.

А собственники вели себя и более активно, и более разнообразно. Тем более что в их среде по определению царила конкуренция.

Чубайс, например, памятуя, что государство – все равно самый крупный собственник, решил перебросится в РАО «ЕЭС России», где собственность просто помножена на власть.

Другие собственники стали создавать партии и предвыборные движения, подбирая кандидатов в президенты. Ибо знали уже, что формально должна все-таки быть наверху какая-то публичная политическая фигура.

Но, поскольку из партий, к тому же не существующих в реальности, каши не сваришь, политическое размежевание (в смысле мы за Юрия Михайловича, а мы за Владимира Владимировича) прошло не по линии партий, идеологий и даже личных симпатий, а по линии двух самых мощных реальных механизмов побуждения к голосованию – вокруг партии НТВ и партии ОРТ.

На НТВ и ОРТ, как на шампуры, нанизались и партии, и политики, и губернаторы (машинисты местных голосовательных машин), и журналисты.

Партия НТВ, Гусинский были более консервативны. Они выбрали Примакова, человека, с которым находились в прямой идеологической конфронтации, например, по оценке акции НАТО против Югославии. Но за Примаковым маячил Лужков, а это уже лучше.

Березовский, как всегда, был радикальнее. К Примакову и Лужкову он испытывал классовое недоверие, чувствовал в них что-то оппортунистическое. Да и не любили они его, хотя Гусинского почему-то любили. Душа политика – потемки.

Березовский (точнее – его партия) искал дольше, но зато лучше. Нашел – Путина. Что немаловажно – он подходил и по критериям лояльности Ельцину лично (лично – подчеркнем это).

Времени оставалось мало, а потому кандидат должен был стать еще и героем. В чем проявить героизм? В борьбе с коррупцией или в борьбе с мятежной и изрядно всем надоевшей Чечней.

Коррупцию в России за три месяца не победишь, да и не олигаршье это дело (а обе партии сплошь олигархические). А вот Чечню – можно.

Говорят, что Березовский и партия ОРТ боролись не за конституционный порядок в Чечне, а за Путина как своего кандидата.

Во многом это справедливо. Как и то, что и партия НТВ, и Гусинский в этом же смысле боролись не за права мирных чеченцев, а против кандидата Путина и за кандидатов Примакова и Лужкова.

Отдельно взятые мелкие политики и крупные журналисты могли быть сколь угодно искренними, но результирующая линия оказывалась именно такой.

То есть действительно решался вопрос власти в стране и как естественное его для сегодняшней России продолжение – вопрос собственности. Другое дело, что попутно одна из партий победно решила и проблему Чечни. Так как эта проблема для избирателей страны оказалась даже более существенной, чем вопрос собственности для собственников, победили те, кто понял, что нужно народу, а не только им самим.

Так Путин стал президентом.

И если бы мы находились в конце процесса передела власти и собственности в России, на этом бы наша история и остановилась. Наступила бы искомая и предлагавшаяся публично Евгением Примаковым стабилизация.

Избиратель жаждал, однако, не стабилизации, а прорыва – как на чеченском фронте, так и на многих других. Народ жаждал прыжка России из переходного периода в какую-то новую реальность.

Проблема Путина (для других) оказалась в том, что избиратель, общество в целом, включая в какой-то степени и олигархов, ждали от него не объявления «эпохи Ельцина» царством божиим на Земле, а выхода из этого царства куда глаза глядят.

Путин это понял. Тем более что та же самая мысль сидела и в его голове.

Путину предлагалось достроить ельцинский режим, усовершенствовать его.

Но он не мог это сделать именно потому, что нельзя ничего построить, находясь на середине реки. Надо пристать к какому-то берегу.

Путин пристал к идейно близкому ему берегу государственности (а иной человек и не сумел бы начать в Чечне делать то, что начал Путин).

Просчет с Путиным состоял в следующем:

1) Путин не завяз в Чечне, а, в общем-то, довел дело до конца (в определенном смысле, конечно);

2) его не назначали секретарем Совета безопасности, как Лебедя в 1996 году, а избрали президентом страны. Не тем, кого снимают, а тем, кто сам снимает;

3) Путин оказался, в отличие от Ельцина, человеком с собственными, а не только заемными идеями в голове. И к тому же молодым;

4) старые корпоративные связи Путина оказались сильнее, чем новые, те, которыми он оброс в Кремле. Ибо та, старая корпорация – это Система, а новая корпорация – это еще не сварившийся до конца бульон. Данное обстоятельство позволило Путину стремительно сформировать рядом с не его правительством – свое: в виде Совета безопасности, а затем и семи федеральных наместников;

5) Путин, осознающий, что попал он в Кремль случайно, увидел в этой случайности и некий исторический промысел, некую свыше возложенную на него миссию – спасти Россию (а даже, как многие отмечают, да и сам Путин об этом говорил публично, еще шире: спасти Европу от нашествия агрессивной части ислама);

6) Путин во всем оказался противоположностью Ельцина (почему и победил тех, кто представлялся иными ипостасями БН), а по идеологии – так прямо Антиельциным. И этот свой антиельцинизм, сопровождающийся лояльностью лично Ельцину, что часто бывает в истории, Путин был обречен проявлять.

* * *

Путин решил уничтожить ельцинский олигархический режим в принципе, создав вместо него единую олигархию-государство, соединив ее с рыночной экономикой.

Все сопротивляющиеся должны быть, согласно этой модели, разгромлены. И соответствующий процесс пошел. Совершенно естественный для той России, какой ее Ельцин передал Путину. Здесь Путин действительно не творец истории, а ее объективное орудие.

Во всей чеченской эпопее Путина – это уже субъективно – читались эти, и только эти, содержание и форма его действий. Здесь Путин – органический политик. Он делает то, что хочет сам и что в большинстве своем жаждет страна сегодня, после 8 лет ельцинизма.

В каком-то смысле политика Путина – это каток истории.

Но сровняет ли он вообще российское политическое поле или проложит на нем некие магистрали, оставив в неизменности уже возникший демократический пейзаж, – это вопрос.

Каждый на этот вопрос отвечает сам. Я – скорее оптимист, чем пессимист.

Хотя, конечно, до конца еще не ясно, будет ли Путин следовать антиельцинизму как догме или разовьет его как творческое учение, не убивающее все в практике своего предшественника.

Независимая газета, 13.09.2000

Какое у нас тысячелетие на дворе? (Сегодня еще второе, а послезавтра уже третье)

Завершался последний год второго тысячелетия по принятому современным человечеством летоисчислению. И естественно, моя статья в последнем в 2000 году выпуске «Независимой газеты» была посвящена переходу России из второго тысячелетия в третье.

Но 2000 год был ещё и первым годом президентства Владимира Путина, приход которого в Кремль, бесспорно, стал главным политическим событием 2000-го в России, а как через некоторое время выяснится, и в мире. И обойти это событие в своей предновогодней статье я не мог.

Россия переходит в третье тысячелетие так и не познавшей себя до конца – одни за правое дело, другие за левое, а вместе – все кружатся на месте (извините за стихи). В головах у большинства либо сумбур, либо смиренная усталость.

Между тем последние 15 лет, начиная от горбачевского апреля 1985-го, дают нам, по сути, полную парадигму всех реально уже случившихся и соответственно единственно возможных в будущем сценариев развития страны. Даже только ельцинские 9 лет заключают в себе весь фундаментальный цикл традиционного российского исторического круговорота: начав как революционер и реформатор, БН закончил застоем, почти равным брежневскому.

И всегда так у нас. Черного российского кобеля не отмоешь добела. Если это и банальность, то, извините, не моя, но гениальная.

Все наши реформы всегда имели главным итогом либо развал страны, либо гниение, начинавшееся непременно сверху.

Но сказанное не означает, что повода для оптимизма нет.

Он есть, если только научиться, наконец, смотреть на жизнь (человека, России, человечества) трезво.

Большевики были романтиками – оттого и выродились в надзирателей ГУЛАГа. Они верили в идеального человека, который не пьет, не ворует, общечеловеческие ценности (мировую революцию и всеобщее равенство) ставит выше материального благополучия своей семьи.

Утопия коммунизма рухнула от соприкосновения с жизнью, а не с испорченным сознанием самих большевиков. Они были такими же людьми, как и те, кого пытались переделать, такими же нормальными, с пороками, данными человеку от природы, а не приобретенными от чтения книжек Маркса.

Молодые реформаторы 90-х тоже рассчитывали на идеального буржуазного человека, который под воздействием железной руки рынка будет идеально работать и идеально платить налоги. И эта антикоммунистическая утопия, как и коммунистическая ранее, подобно «лодке любви» Маяковского, разбилась о быт.

Каков урок или каковы уроки русского конца века, заучив которые, мы можем рискнуть вступать в двадцать первый?

Главный урок, на мой взгляд, таков: второе у нас тысячелетие на дворе или третье – это не важно.

Человек и человечество созданы такими, каковы они давно уже нам известны.

Единственное мыслящее существо в мире животных, существо, размышляющее о смысле жизни и создающее этические теории, массово убивало, убивает и будет убивать себе подобных. Более того, частью своей мысли постоянно совершенствует орудия убийства. Так было в первом тысячелетии (и до оного), так было во втором, так будет и в третьем.

Эгоизм и альтруизм – две неразрывные ипостаси человека и человечества.

Народы и страны борются друг против друга, как и всегда боролись. И просто конкуренция сменяется войнами.

Политики ответственны за победу своей страны, своего народа – это главный императив их деятельности. За победу им прощаются грехи. Поражение не оправдывается ни доблестью, ни альтруизмом.

Выживание и процветание стран и наций имеет предпосылкой отнюдь не мораль (либо мораль включает целесообразную аморальность), а ум, хитрость, силу и волю к выживанию (пассионарность – по Гумилеву). Более других грешившие, но преуспевшие в культивировании этих четырех качеств процветают. Голый альтруист погибает, затоптанный толпой вооруженных эгоистов.

Ныне это называется политическим прагматизмом.

Владимир Путин – прагматик. Он пассионарен. В этом его сила и его шансы на успех. Сумеет ли он заразить своей пассионарностью всю Россию, весь ее бюрократический аппарат, все ее уставшее от прозябания население? Не знаю.

Но именно такой лидер нужен стране.

Пусть он сделает пять шагов, из них четыре ошибочных. В этом больше надежды, чем в тех, кто не делает ни одного шага.

Путин совершает много ошибок. Совершит, видимо, еще больше. Не в правильности действий его миссия, а в действиях как противоположности бездействия. И разумеется, в верности вектора – основного направления этих действий. А вектор правильный – либо страна и нация живы, либо они мертвы (или вскоре будут мертвы).

Не в морали, к сожалению, дело. Если только в ней, то не возродились бы после свержения «коммунистического тоталитаризма» отнюдь не при коммунистах родившиеся наркомания, преступность, порнография, насилие, культивируемые и пропагандируемые – кем же? – свободными СМИ России, а не только наркобаронами и содержателями притонов.

Воля, ум, хитрость и сила, помноженные на ответственность за выживание и благополучие своей нации и своей страны, но в сожительстве, пусть конкурентном, с другими нациями и странами – вот что нужно России в третьем тысячелетии.

В Путине даже на инстинктивном уровне все это присутствует. И в этом смысле он то, что нужно России. Под любым гимном и флагом. Но с этой единственно соответствующей реалиям жизни идеологией.

Вот и всё. Такова история, а иной нам никто не даст. И дело самой России – остаться в истории в третьем тысячелетии или, оплакивая собственную греховность, исчезнуть, освободив место для не менее грешных, но более жизнестойких.

P. S. Тому, кто увидит в написанном проповедь имморализма, скажу, что тогда самым гуманным государством мира до сих пор и с начала истории человечества был Советский Союз.

Независимая газета, 31.12.2000

Ещё раз о Путине и России
(Большая статья)

Сколько мне помнится, вопрос, которым начинается эта статья, – «Что будет дальше?» – задал мне тогда один из российских олигархов, с которым я тогда дружил и часто общался, – Пётр Авен.

Не только он задавал такой вопрос себе и другим. Так или иначе это делала вся Россия, а уж её правящий класс – в особенности.

Год власти Путина расшевелил страну и взбудоражил её. Но не так, как это было в случае с первым годом власти Горбачёва, каждый новый шаг которого, с одной стороны, вроде бы вселял оптимизм, но тут же и настораживал (а впоследствии и пугал) прямо противоположным, как правило, результатом. Путинские действия были куда менее демократичными, чем горбачёвская перестройка, об ужасе которой все хорошо помнили, но зато более прагматичными и результативными. И, что особенно привлекало, явно расходившимися с произволом, хаосом и беспределом ельцинского правления.

Это-то и пугало правящий класс, который отводил преемнику Ельцина совсем другую роль. Совсем другую. Не рушить ельцинскую конструкцию, а застабилизировать и усовершенствовать её. Застабилизировать в том числе и в персональном наборе тех, кто отныне (от Ельцина) и навеки будет править Россией и владеть её богатствами.

Итак, насколько я помню, именно после того, как вопрос «Что будет дальше?» задал мне один из тех, кому ельцинский режим дал всё, я и написал «Большую статью о Путине и о России».

Что будет дальше? Этот вопрос все чаще и чаще задают друг другу разные люди в Москве – по крайней мере, в кругу тех, с кем я общаюсь.

Раз есть вопрос, должны быть и ответы. Но прежде чем отвечать на этот вопрос, важно отметить, что вопрос возникает тогда, когда исчезает ясность. В данном случае – ясность с тем, чего хочет и куда движется Владимир Путин.

Кажется, Кремль тоже осознает проблемы, создаваемые этой неясностью. Свидетельство тому – активность, проявленная в последние дни Кремлем в «деле Бородина» и «деле НТВ». Но и понимание, и активность сами по себе ясности не создают. Лучшее доказательство – случай с НТВ. Например, после встречи с Путиным, состоявшейся 29 января, ряд участников этой встречи со стороны НТВ утверждают, что президент то ли не против продажи части акций (какой, кстати, – 5 процентов или 50? Это не только разные цифры, но и разное качество) господину Тернеру, то ли прямо за это.

Между тем из письма Путина Тернеру явствует только следующее: ВВП утверждает, что он за свободу СМИ и приветствует иностранные инвестиции в России. Даже косвенно это не свидетельствует о готовности Путина хотя бы для отвода глаз, ради красного словца согласиться с тем, чтобы хоть в какой-то значимой степени одна из крупнейших российских

телекомпаний оказалась под контролем американского телемагната и владельца CNN, в критические моменты всегда играющей на стороне Белого дома, отнюдь не московского.

Никогда не поверю, что Путин даст негласное добро на такую сделку. Либо просто с 29 января президента в России подменили.

Конечно, многое объясняется тем, что НТВ пропагандистски и тактически опять обыграло Кремль – профессионалы все-таки. Но ведь и пропаганда не всесильна, если ей противостоит хоть и жесткая, но четко заявленная позиция. А еще лучше линия, последовательно и целенаправленно проводимая.

Этого, как мне довелось уже писать на прошлой неделе, нет. Временами нет абсолютно.

Так и возникает совершенно естественно совершенно естественный вопрос: а что дальше?

Чтобы понять, что может быть дальше, проанализируем еще раз, что было допрежь того.

Сначала был Советский Союз. Горбачев, пытаясь модернизировать и реформировать его, ввел гласность и начала рыночной экономики.

В не приспособленном ни к тому, ни к другому государстве деструктивные процессы стремительно превзошли по объему конструктивно-реформаторские, и страна развалилась.

Стихийный революционер Ельцин, утвердив собственную власть, установил анархо-демократический режим, постепенно трансформировавшийся в анархо-олигархический.

В силу того, что власть и собственность всегда находились в России в кровном родстве, а в советское время и просто совпадали, чиновники, сохранившие в своих руках рычаги раздачи собственности, остались главным и самым эффективным классом России (правящим классом), а главный чиновник (президент) стал главным политиком, то есть центром принятия решений по переделу власти-собственности.

Далее пост главного чиновника – главного политика перешел к Владимиру Путину.

Поработав сначала в КГБ (до и в момент развала Союза), затем в питерской мэрии (стихийный передел собственности), затем в Москве в Администрации Президента (период управляемого передела собственности), в ФСБ (директором) и уже во главе Администрации Президента и премьер-министром (период управляемой передачи власти), Владимир Путин, конечно, является одним из лучших знатоков всех главных тайн российской жизни и политики.

Например, очевидно, что Владимир Путин реально представляет себе масштабы криминализации и власти, и собственности в России. Более того – знает такое, о чем Ельцину, дабы не опечалить его, сам же Путин, видимо, даже и не докладывал.

Оказавшись в Кремле, Путин стал думать, что с этим знанием делать.

Делать можно было, собственно, всего две вещи.

Во-первых, продвигать хорошие законы, ожидая, когда они заработают, а те, кто им должен подчиняться, начнут это делать, устав от собственного и чужого беспредела.

Во-вторых, репрессировать всех, кто что-либо нарушает, дабы остальные стали законопослушны.

Первый путь, как видел Путин, с одной стороны, был бы долговат; во всяком случае, даже четырех, не то что двух президентских сроков не хватило бы. С другой стороны, движению по этому пути активно препятствовали (в том числе и через демократические, парламентские институты) те, кого он должен бы цивилизовать. С третьей стороны, не было гарантий, что не только сам Путин, но и Россия в целом доживут до конца шествия всех по этому пути.

Утопичность второго пути была еще более очевидной: репрессировать пришлось бы всех, кроме бомжей, новорожденных и пенсионерок.

Путин решил проводить политику, сочетающую преимущества обоих путей. И хорошие законы принимать, и власть, направленную против всевластия столичных и региональных олигархов, укреплять, и демократией (дабы она не управлялась олигархами) управлять, и репрессировать самых несговорчивых, обложив сговорчивых оброком.

Вроде бы все логично: компромиссы, сочетание жестких и гибких методов, не всегда демократическое продвижение к демократии, не рушащее рынок, но и не уничтожающее страну. На деле это обернулось, помимо прочего (то бишь положительного), объявлением войны слишком многим, в том числе и тем, кто уже привык только побеждать.

По-своему это тоже был «нулевой вариант», который предлагал Борис Березовский, но «нулевой вариант» с позиции силы, а не равенства Высоких договаривающихся сторон.

Видимо, и не без оснований, Путин понимал, что он-то подпишет более мягкий «нулевой вариант» один, а с другой стороны его должны подписать, по крайней мере, несколько тысяч человек. И они всегда смогут проконтролировать, как Путин выполняет этот договор, а он их – нет.

Прав Путин или нет, сказать трудно, но, слишком хорошо зная жизнь и нравы российского закулисья (во власти и в экономике), он решил опереться в своей деятельности на те механизмы, в эффективности которых был больше, чем в других, уверен: МВД, ФСБ, прокуратуру.

Знающий, по крайней мере, азы рыночной экономики, Путин, как я предполагаю, исходил еще из одного: из объективной несправедливости упреков западных олигархов российским.

Западные, особенно американские, олигархи (и политологи) спрашивают: чем плохи олигархи российские? И сами отвечают: наши прадеды, тоже порядочные кровопийцы, хоть и грабили других, все-таки вкладывали деньги в свою страну. А вот русские – вывозят их за границу.

Когда грабили прадедушки нынешних американских олигархов, не было ни открытости границ, ни транснациональных финансовых групп, ни многого другого, что обеспечивает сегодня легкость перетекания капиталов. В тех условиях вкладывание капиталов в собственную страну было не столько доброй волей и патриотизмом, сколько неизбежностью. Накапливаемый капитал автоматически концентрировался в своей стране, обеспечивая благосостояние основной части ее населения, а затем уже уходил за рубеж, причем не как «увод», а как экспансия, умножение богатств страны собственной за счет других.

Современный российский капитализм стал на ноги в условиях таких международных соблазнов, что не согрешить на стороне могли бы, наверное, только такие стоики, которые и к деньгам-то равнодушны по природе своей.

Словом, Путин понимал, что без некоторой доли «насилия» и в отсутствие больших внутренних соблазнов гарему современного русского капитала нужен некий евнух.

Евнухом была назначена Генпрокуратура РФ (не только, впрочем, она одна, но это – один из наиболее интересующих нас моментов).

Любит ли евнух гарем?

Недавно я купил книжку «Гарем турецкого султана», но прочитать ее, естественно, не успел. Поэтому я не знаю, любит ли, даже платонически, евнух наложниц султана, но в нашей ситуации такой любви в принципе не наблюдается.

С чем это связано – вопрос отдельный, но ясно, что в качестве инструмента давления Генпрокуратура выбрана верно. К взаимоотношениям прокуратуры и некоторых новых институтов российского общества я еще вернусь, а пока перейду к другому.

Путин – безусловно, выходец из спецслужб. Он верит как в могущество некоторых закулисных сделок, так и в силу аналогичной закулисной контригры. И в самом деле, часто действия по алгоритму «контрзаговор против заговора» и эффективны, и порой – на порядок – более эффективны, чем публичная политика, чем публичная контригра.

Но, во-первых, далеко не всегда. А во-вторых, «теория заговоров» и соответствующих «контрзаговоров» не может заменить эффективную публичную политику. Может лишь дополнить ее. В нужном месте и в нужное время создать решающий перевес сил. Сыграть решающую роль в кризисной ситуации. Не более того.

Спецслужбы – вообще репрессивный аппарат, в руках государства, президента в том числе, – это все равно самонаводящееся оружие, если только оно не наводится на цель государством и публично.

Публично сегодня это оружие нацелено на реализацию довольно абстрактно поставленных целей: «диктатура закона» и «наведение порядка». Но все общество наблюдает, в какие конкретно цели это оружие бьет. Сколь точно и точечно. С какой избирательностью. И корректировать огонь нужно постоянно.

Как? Публичной политикой, только ею.

С очевидностью грядет либо реформа (в том числе и кадровая) правительства, либо вообще его отставка и формирование правительства нового. Помимо того, что этот шаг должен стать актом экономического выбора и кадрового выбора, – должны прийти люди, которые умеют принимать решения и отвечать за них, формирование нового правительства должно стать и актом политического выбора. В том числе и по линии минимизации закулисных методов при максимализации публичных.

Тут важно учесть несколько моментов.

Первый. Проблема криминализации общества и власти никогда не снимается лишь наполнением исполнительных структур выходцами из спецслужб. Спецслужбы хороши только тогда, когда они спецслужбы.

Второй. Последовательность действий порой даже важнее их точности (абсолютно точных решений в политике не бывает). Зачем было начинать жесткую реформу Совета Федерации, разумно лишая губернаторов неприкосновенности, чтобы затем не только фактически вернуть им эту неприкосновенность через увеличение числа сроков пребывания в должности, но и продлив ее в некоторых случаях даже и за срок легитимности самого нынешнего президента?

Третье. Реформы, политические в том числе, и другие акции власти должны снимать противоречия в обществе, а не нагнетать их. В последнее время, безусловно, идет нагнетание неоклассовой ненависти к богатым. Получается это случайно, не по воле Путина, а из сложения ряда как бы стихийно совпадающих акций. Но градус этой ненависти местами явно повышается.

Ненависть – неконструктивное чувство, даже когда она справедлива. Должны быть включены механизмы ограничения этой ненависти.

Олигархические группы, я не раз об этом писал, как нелегитимные центры власти было необходимо разрушить. Но нельзя забывать, что, помимо прочего, вокруг олигархических групп и в лоне их сформировались некоторые существенные элементы не только рыночной экономики, но и гражданского общества. Снизу-то гражданскому обществу у нас расти тяжело – денег нет у простых граждан, чиновничество, соединившее в себе худшие качества социалистического с худшими качествами капиталистического, давит на низы общества. Ведь теперь не то что давеча: в партком не пожалуешься, а на взятку денег нет.

Сейчас пишется текст очередного президентского послания Федеральному Собранию. Это слова. Но грядущая правительственная реформа – это дела. Каждое назначение, каждое имя будет демонстрировать истинные цели и качество президентской политики.

* * *

Я всегда выступал против того, чтобы журналисты предлагали себя обществу как единственные носители истины и единственно честные люди в России.

Коллизия с НТВ, полная грустных ощущений конца этой телекомпании, о многом позволяет судить, если только набраться смелости хотя бы кое о чем власти и прессе говорить друг с другом откровенно, а не только на публику.

В одной из передач «Глас народа» в конце прошлого года я слушал, как адвокаты «Медиа-МОСТа» в прямом эфире «размазывают по стене» уже не аргументы сотрудников прокуратуры, а самих прокуроров. После эфира я спросил у адвокатов: зачем вы это делаете? Разве не понимаете, чем это обернется для вас же, для ваших «подзащитных»? Разве не

знаете, что слушающие вас сейчас прокуроры думают не о весомости ваших юридических аргументов, а о том, как вы (пусть не в данном случае) защищаете заведомых преступников, цепляясь лишь к проколам следствия, о механизмах получения вами гонораров, намного превышающих легальные выплаты?

Я не только увидел полное непонимание, но услышал яростное неприятие этой точки зрения. Один из адвокатов мне даже сказал, что нет лучшего способа выиграть дело, чем доказать неполноценность прокурора.

Плоды, в частности и этой позиции, теперь пожинает НТВ. Я ни разу не слышал публично, по телевидению, например, чтобы прокуроры унижали адвокатуру как институт и конкретных адвокатов как личностей. Но множество раз видел и слышал противоположное. Это профессионально корректно? Это цивилизованно? Это умно, наконец?

Да, у прокуроров не лучшие с точки зрения «рынка и демократии» комплексы. Но они многое знают и многое могут рассказать. Комплексы прокуратуры сошлись в схватке с фанаберией НТВ, и прокуратура стала эту фанаберию крушить. Позиция за позицией.

Доказала, что НТВ не преуспевающее экономически предприятие, а должник. А ведь создан был прямо противоположный имидж.

Показала, хоть и с использованием некоторых некорректных приемов, что сотрудники НТВ получают, при долгах компании, несколько больше, чем кому-то хотелось бы признавать. Это дело приватное? А счета дочерей Ельцина, о которых так много рассказывало НТВ летом 1999 года, – дело не приватное?

Не могу признать умным человека, размахивающего оружием, которое легко оборачивается против него самого.

Не в честности здесь дело. И не в том, что прокурор – чиновник, а журналист – нет.

При нынешней мощи СМИ, при том, что это реальная четвертая власть, гласность в оплате журналистов, на мой взгляд, не менее принципиальна, чем гласность в оплате чиновников.

Нельзя, будучи вовлеченными во все современные процессы, идущие в России, в том числе и политические, как отрицать очевидное (в частности, свое реальное участие в политической борьбе), так и постоянно твердить: мы самые честные, только мы говорим правду, мы самые неподкупные. И при этом постоянно обвинять в нечестности, лживости и купленности всех остальных (включая многих коллег). Рано или поздно кто-то проверит.

Разве я за то, чтобы не рассказывать о взятках, которые берут прокуроры, в СМИ? Конечно, нет.

Но ведь нет же более закрытой темы для наших СМИ, чем экономика самих СМИ. Если только не бьешь конкурента. И любая попытка власти заглянуть на эту территорию вызывает только одно: крик о зажиме свободы слова.

Все мы – дети одного времени, сегодняшнего. Все мы вынуждены жить по его законам – как писаным, так и неписаным. Прессе нельзя дать устав: не суди, да не судима будешь! Судить и рядить (не в юридическом смысле) – ее миссия, ее профессиональная и политическая обязанность. Но при этом надо хотя бы ощущать (хоть наедине с самим собой) меру своей сопричастности к тому, что судишь.

Я понимаю, что легкие победы расхолаживают, создают ощущение всесилия и неподсудности у журналистов. А не то же ли у власти? Чем она в этом случае хуже или лучше, чем журналисты?

Не раскрывать свои язвы должна пресса, но, по крайней мере, учиться на ошибках власти, дабы иметь не только право, но и возможность учить власть.

Всякая власть, наша в особенности, местами и временами глупа до неприличия.

С нескрываемым удовольствием смотрел и слушал я, как журналисты НТВ, вернувшиеся от Путина, свели на нет весь запрограммированный кем-то в Кремле позитив (для президента) от этой встречи. Классная работа, хоть и простая: тот, кто молчит, проигрывает, кто комментирует – побеждает. Но пропагандистская победа – не полная победа. По

большому счету – это и не победа вовсе. Победить в аудитории – еще не значит победить в жизни.

В пересказе сотрудников НТВ настоящее ошеломление и даже возмущение у них вызвало утверждение Путина о том, что НТВ работает по «инструктажу» Гусинского. Нет, утверждал Евгений Киселев, мы только единомышленники.

Почти два года назад, весной 1999-го, тогдашний английский посол в Москве Эндрю Вуд пригласил на обед четырех, если не ошибаюсь, главных редакторов. Среди них и Евгения Киселева, и меня. Разговор, естественно, шел о политике. Евгений Алексеевич, помню, бросил фразу, что вот есть такие СМИ, например «Независимая газета», которые критикуют Григория Явлинского. Ну да, дескать, понятно, почему они его критикуют, – заказ хозяина. Я достаточно резко попытался опровергнуть это утверждение, но, разумеется, Евгения Алексеевича не убедил.

При выходе из посольства все-таки задал я Евгению Киселеву вопрос в лоб: «Евгений Алексеевич, – спрашиваю, – вы всерьез думаете, что Березовский мне позвонил, дал инструкции по Явлинскому и я написал эти статьи о нем?»

– Ну зачем же так грубо, – ответил мне Киселев, – есть другие методы: кое-что объяснить, высказать о Явлинском свое мнение…

Я, прекрасно зная, что ни в тот момент, ни несколько месяцев, если не лет до того (примерно так с 1996 года) я с Березовским о Явлинском не говорил вообще, спросил:

– А вы что, знаете, о чем мы говорим с Березовским?

На что получил такой ответ Евгения Алексеевича:

– Я знаю жизнь…

Лучше всего, как известно, человек знает свою собственную жизнь.

Не из злорадства вспомнил я тот разговор, хотя и позлорадствовать есть повод. Уж слишком тот наш диалог похож на то, что сказал Путин Евгению Киселеву два дня назад. Евгения Алексеевича слова Путина удивили и даже возмутили.

А может быть, Путин тоже просто «знает жизнь»? Или думает, что знает, как тогда, два года назад, думал Евгений Алексеевич…

* * *

Хорошо, что наша власть, в отличие от Юрия Владимировича Андропова, уже имеет право говорить, что она знает страну, которой руководит. Даже знает механизмы оплаты журналистов. Будем надеяться, что и механизмы оплаты прокуроров.

Но от знания жизни до умения эту жизнь менять, не ограничиваясь арбитражем в борьбе комплексов одних с фанаберией других, – дистанция большая.

И борьба эта, по большому счету, периферийная, привлекающая внимание в силу специфических причин.

А вот азарт, проявленный в этой борьбе властью, – в мирных бы целях.

Что там у нас с Госсоветом? Что с новым Советом Федерации? Что с Лукашенко Александром Григорьевичем, главой союзного нам государства? Поддержит его Москва на выборах или нет? Что с судебной реформой? Много еще разных вопросов без ясных ответов.

Заговоры заговорами, но без политики тоже не обойтись. Полезная в государстве вещь. На нелюбви к олигархам и прежнему режиму долго не протянешь. Это как цены на нефть. Сегодня высокие, а через месяц – упадут.

Президент, конечно, в ответе за все. Но если и за кадры на НТВ, то дойдут ли руки до других проблем? И даже кадров?

Я не закончил рассказ о внутреннем содержании нынешнего режима. А сказать осталось что. Не исключаю, что самое главное.

Вновь, чтобы быть предельно точным, пройдусь по всему по порядку. Отталкиваясь от событий последних дней.

Есть правда, которую в равной степени не любят признавать ни Кремль, ни НТВ.

Кремль борется с Гусинским не как с носителем свободы слова, но и не как с бизнесменом только.

Кремль борется с Гусинским как с субъектом враждебной интересам России политики, проводящим к тому же на внутрироссийском политическом (информационном в первую очередь) поле интересы другой страны. США.

Кто хочет упрекнуть Кремль в антиамериканизме, может это сделать. Но, строго говоря, бороться с гегемонией гипердержавы незазорно – все этим в меру сил и возможностей занимаются.

Политика – однако, вещь юридически неподсудная – отсюда и более или менее успешные попытки обнаружить «экономические преступления» Гусинского.

Но сам по себе Гусинский, несмотря на свои международные связи, уже не опасен. Опасно то, что в его руках НТВ – самая идеологически дисциплинированная – это знают все, кто что-либо знает, – журналистская структура в Москве.

Поэтому Кремль и борется с НТВ, пытаясь одновременно отделить Гусинского и остальных владельцев НТВ и его высшее руководство от просто журналистов НТВ.

Есть основания у Кремля так смотреть на НТВ и на Гусинского? Есть.

Производит ли при этом НТВ, помимо собственно пропаганды, продукт под названием «свобода слова»? Производит.

Пойдем дальше.

Несмотря на то что борьба против НТВ не является борьбой против свободы слова, а лишь борьбой против некоторых слов, она создает полное ощущение угрозы этой свободе. Тем более что затрагивает интересы отдельных журналистов. В первую очередь – из-за методов борьбы.

Являются ли эти методы характерными для нынешнего режима? Да. Почему? Во многом из-за того, что так привычнее и эффективнее.

В чем опасность? В том, что привычное становится еще привычнее, а эффективность заманивает все глубже.

И вот тут я перехожу к самому главному.

Управляемая демократия – это не контролируемая полностью демократия. Это лишь время от времени авторитарно корректируемая демократия: то есть чтобы вора не выбрали губернатором – да. А если все кандидаты на пост губернатора не воры, то пусть решает народ.

Некоторые элементы ныне складывающейся государственной структуры очень напоминают режим корпоративного государства. Но одна из разновидностей корпоративного государства носит неприятное название «фашизм». Мы еще далеки от того, чтобы дойти здесь до предела разумного, но стихийные попытки налицо.

Где предел? Один из них – выборность глав регионов. Если она будет ликвидирована (а об этом, увы, говорят) – предел будет перейден.

Как отделить губернаторов от собственности – громадная проблема для нынешней власти. Заменой выборности назначением этого не добьешься, а вот к корпоративному государству резко приблизишься.

При выводе страны из кризиса, куда ее, в частности, завела и ельцинская анархия, рискованные шаги возможны. Невозможны лишь ошибки, особенно роковые.

Кремль рискует. Внимание: опасность перед нами!

Грань тонкая, но она есть. Есть теоретически, а есть ли в жизни? Далеко не всегда.

Сказанное выше не означает, что содержание режима исчерпывается описанной опасностью (лишь одной из нескольких на древе сценариев). Но о других, более положительных, тенденциях я писал немало. Надо обозначить и эту.

Независимая газета, 31.01.2001

Публичный политик № 1
(Маленькое добавление к «Большой статье»)

Совершенно точно, что через несколько дней после публикации приведённой выше статьи у меня была возможность близко познакомиться с Владимиром Путиным. Меня и ещё двух главных редакторов известных тогда газет пригласили на обед с президентом. Обед состоялся в Кремле. Помимо нас троих и, естественно, самого Путина, на обеде присутствовали два высокопоставленных представителя Администрации Президента.

В своих воспоминаниях в должное время я расскажу о подробностях того разговора, сейчас же фиксирую только сам факт. А уверен я в том, что этот обед состоялся в феврале 2001 года потому, что во время этой встречи Путин процитировал пассаж именно из этой моей статьи.

А сама «Большая статья» вызвала значительный резонанс... О чём, в частности, свидетельствует то, что я вынужден был опубликовать добавление к ней.

В довольно активной дискуссии, которая развернулась вокруг моей «Большой статьи о Путине и о России» (первым, естественно, откликнулся Интернет, но было и много звонков, а теперь пошли и письма), содержится множество интересных замечаний и идей. Хватает и критики, а равно – нелестных для автора оценок.

Я не имею никакой физической возможности, но нежелания, на все это отреагировать, ибо и сами-то статьи пишу урывками, в редкие свободные часы.

Однако по одной линии возникшей дискуссии не высказаться не могу, ибо это – абсолютно принципиальный вопрос в оценке и анализе поведения российской власти вообще и политики Владимира Путина конкретно.

В «Большой статье» и в предшествовавшей ей статье «Плохая неделя» я указывал на множащийся, на мой взгляд, ряд вопросов, на которые Владимир Путин ни словом, ни делом не дает ответов.

С этим в принципе согласно большинство как моих сторонников, так и оппонентов. Радикальное расхождение в другом.

Одни говорят: да, Третьяков прав, Путин не дает ясных ответов – и это плохо.

Другие, соглашаясь со мной в первой части утверждения, оценивают этот факт прямо противоположным образом: да, Путин не дает ясных ответов на многие вопросы – но это и хорошо, он правильно делает, так как тем самым либо отстраняется от непопулярных решений, либо скрывает от своих оппонентов и противников свои истинные намерения.

Мне смешно слышать и ряд упреков в том, что я просто не понимаю, чего хочет президент, не знаю ответа на вопрос «Who is mr. Putin?». Ибо еще год назад, когда впервые в Давосе публично прозвучал этот вопрос и российские политики постеснялись или не смогли на него ответить, в статье «Вся правда о Путине» я написал, что Путин – это политик, категорическим императивом для которого является возрождение величия России как страны, нации и государства, а его экономическим выбором является рынок и политическим – демократия, хотя и не совсем такая, какая рождалась (или вырождалась) при Ельцине.

Но какой бы демократии ни был привержен Путин, он не может здесь придумать ничего нового – все варианты и подварианты уже известны человечеству.

Так вот, в условиях демократии, даже ограниченной по объективным причинам, президент страны обязан проводить ясную по целям и методам публичную политику. Скрытые, закулисные действия и даже абсолютно секретные контракции, противостоящие реальным негласным действиям противников, оппонентов и врагов, неизбежные для каждого крупного политика в любой стране, и возможны, и полезны.

Но невозможен, вреден и в конечном итоге опасен отказ от ясных и публично провозглашенных целей, ясных и публичных оценок событий, ясной и публичной реакции на любые общественно значимые вопросы.

Сам ли президент провозглашает эти цели, дает оценки, отвечает на вопросы или это делают иногда и другие, специально им на то уполномоченные лица, – это дело техники, тактики, политических традиций, дипломатических условностей.

Однако избранный всем народом (хотя и только частью избирателей) президент демократической или строящей демократию страны не должен и не имеет права быть ни божеством, волю которого излагают, причем часто весьма противоречиво, оракулы, ни таинственным вождем, который, отстраняясь от спорных или острых тем, загадочно улыбается, ожидая, кто и как поймет его улыбку.

Президент демократического государства – это прежде всего публичный политик № 1 страны, а не лазутчик № 1 в стане врагов. Он обязан сообщать народу, что он думает о том, что волнует народ.

Если проблема находится ниже уровня официального статуса президента или выше уровня его компетентности (некоторые специальные вопросы), общество должно узнавать государственную позицию по этой проблеме от одного из высших чиновников, ответственность которого подтверждается также и известным всем доверием к нему президента.

Правильных слов «сильное государство», «величие России», «территориальная целостность», «диктатура закона», «порядок», «рынок», «демократия», «свобода слова» и т. п. уже недостаточно.

Во-первых, они столь же правильны, сколь и банальны.

Во-вторых, жизнь не описывается только этими, слишком общими понятиями.

В-третьих, даже в рамках этих понятий, может быть, и всегда наблюдается множество разных, порой противоположных методов действия.

Народ нуждается не в указаниях, что делать, а в понимании, что собирается делать президент. Путать следы, сбивать с толку, постоянно забрасывать «пробные шары» и прочие подобные методы не могут входить в главный арсенал главного публичного политика. Тем более когда он ведет разговор со своим народом (а с ним президент обязан говорить постоянно), а не с врагами.

Поэтому те, кто считает, что демонстрация неясности позиций Путина по некоторым важным вопросам есть эффективная политическая игра, являются либо доморощенными (то есть непрофессиональными) чекистами, либо не-демократами в худшем, а не лучшем смысле этого слова.

Сказанное не означает, что позиции Путина абсолютно неясны, что он вообще не делает четких заявлений, что он всегда скрывает свои намерения и цели. Например, в истории с государственным гимном Путин не темнил, не юлил, не отделывался намеками, и это – правильная, честная и эффективная политика, хотя она многим и не нравилась. То же, кстати, продемонстрировал в свое время Путин и в совсем уж остром вопросе о целях и методах решения чеченской проблемы.

Президент не должен становиться телекомментатором событий – это очевидно. Его ясная активность должна больше проявляться в делах, чем в словах. И это правильно. Все это в сумме и есть внятная публичная политика, лишающая, правда, многих удовольствия коллекционировать и трактовать намеки и слухи.

По-моему, все-таки очевидно и то, что волнующих сегодня общество (пусть и в скрытой форме) вопросов становится гораздо больше, чем публично и ясно заявленных по ним позиций президента.

Независимая газета, 02.02.2001

Императивы Путина

Либеральный консерватор

(Владимир Путин в 50 лет и в роли президента)

Покинув (в июне 2001 года) «Независимую газету», я получил предложение Владислава Фронина вести еженедельную колонку в «Российской газете», которую он возглавлял.

Следующая ниже статья, приуроченная к 50-летию Владимира Путина, также написана мною по прямой просьбе Владимира Фронина. Темы моих колонок он не определял,

но тут был особый случай. Я, разумеется, и так откликнулся бы на этот юбилей, но Фронин попросил меня написать не просто колонку, а большой текст – юбилейный по форме и аналитический по содержанию. Что я и сделал.

Утверждения, содержащиеся в этой статье, написанной более 15 лет назад, и менее чем два года спустя после того, как Путин возглавил Россию, интересно сравнить с тем, что мы знаем о Путине и его политике сегодня.

В XX веке, после падения монархии, Россией (РСФСР, СССР, РСФСР, РФ), исключая переходные фигуры, руководили: Владимир Ульянов-Ленин, Иосиф Джугашвили-Сталин (профессиональные революционеры), Никита Хрущев, Леонид Брежнев (профессиональные аппаратчики), Юрий Андропов (профессиональный сотрудник органов госбезопасности), Михаил Горбачев, Борис Ельцин (профессиональные аппаратчики), Владимир Путин (профессиональный сотрудник органов госбезопасности).

Всех их, за исключением Леонида Брежнева, смело можно называть реформаторами (не касаясь, естественно, сущности и методов их реформаторской деятельности). XX век в России – это, безусловно, беспрецедентный по плотности событий период сменяющих друг друга войн, революций и реформ.

Владимир Путин стал президентом (главой) страны в возрасте 47 с небольшим лет. Так же, как и Владимир Ленин. Таким образом, Путин вместе с Лениным – самые молодые в истории России XX века руководители государства, если не считать императора Николая II и вести отсчет правления Сталина не со дня смерти Ленина, а с конца 20-х годов, когда Сталин, наконец, установил свое единовластие.

В любом случае, с Путиным окончательно пресекается геронтократическая тенденция в российской политике второй половины XX века, нарушенная приходом к власти Горбачева (в возрасте 54 лет), но чуть было не возобновившаяся, если бы президентом России после Ельцина стал, как намечалось одной из противоборствующих в 1999 году группировок, Евгений Примаков.

Определение «второй», может быть, самое характерное для фигуры второго президента России.

Владимир Путин – второй после Юрия Андропова выходец из органов госбезопасности глава страны.

Вслед за Лениным Путин – второй руководитель России, который свободно говорит и читает на иностранном языке (Ленин, правда, знал несколько иностранных языков).

Путин – второй после Николая Романова глава государства, родившийся и выросший не в провинции, а в столичном городе, пусть только во второй столице, которой был с 1918 года Петроград – Ленинград – Санкт-Петербург.

Путин – второй после Бориса Ельцина глава государства, избранный на свой пост населением страны. Он также второй глава государства, срок правления которого не только оговорен Конституцией, но и, скорее всего, будет реально ограничен конституционной нормой.

Путин – третий за историю России XX века юрист, возглавивший государство. До него это были его тезка Ленин и Михаил Горбачев (впрочем, еще и Александр Керенский, если брать в расчет и тех, кто совсем недолго и почти формально возглавлял государство).

Чем Путин не отличается от практически всех своих предшественников, так это тем, что на вершине власти он оказался неожиданно для общества. После гибели монархии конкретное имя каждого нового правителя России до момента его воцарения было загадкой для населения страны. Исключениями, да и то с оговорками, можно считать Сталина, Хрущева и Ельцина, которые в той или иной степени публично и довольно долго боролись за власть, постепенно становясь фигурами, которых общество узнавало как преемников предшествующего властителя. Впрочем, у Путина тоже был такой период, но только очень короткий – всего несколько месяцев.

Но вот чем совершенно точно уникален Владимир Путин в ряду своих предшественников, так это тем, что он не шел к высшей власти осознанно и долго. Стремительная карьера Путина не знает аналогов в истории России XX века. В этом она безусловно революционна. Несколько утрируя, можно сказать, что Путин сначала получил власть, а лишь затем должен был ее завоевывать. Это – признак либо династического, либо революционного (или контрреволюционного) механизма получения власти. В случае президентства Владимира Путина мы имеем симбиоз того и другого.

Словом, второй президент России как политическая фигура и как человеческий тип есть сумма основных властно-психологических характеристик всех своих предшественников на посту Российского государства в XX веке. И это, надо думать, не случайно.

Кстати, об определении «второй». Если Путин, как и положено по Конституции, уйдет с поста президента в 2008 году, он и здесь станет вторым (после Бориса Ельцина), кто в истории России XX, а теперь уже и XXI века покинет вершину власти в стране не в результате смерти (Ленин, Сталин, Брежнев, Андропов, Черненко) или государственного переворота (Николай II, Керенский, Хрущев, Горбачев), а по закону и добровольно.

Если случится именно так, то Путин, закрепив едва наметившуюся, абсолютно новую, только с конца XX века народившуюся у нас тенденцию, одним лишь этим сделает колоссально много для России – сразу укрепит нашу демократию десятикратно.

Впрочем, об этом, точнее, о Путине после 2008 года стоит сказать несколько слов специально.

Путин после 2008-го

Молодость Путина, которую он ощущает и осознает как позитивный политический фактор (помнится, с год назад во время выступления в какой-то студенческой аудитории он даже сам отметил, что далеко не стар), – эта молодость (не в биологическом смысле, конечно) сделает уникальным для обозримой истории России и его уход с поста президента в 2008 году.

Весной 2008-го ему будет всего 55 с половиной лет. А это и физически, и особенно политически вполне дееспособный возраст. Впервые политик в таком возрасте покинет высший пост в России, причем, повторюсь, не будучи смещенным и изгнанным из Кремля в результате государственного переворота. В условиях стабильной демократии это означает, что Путин не канет в политическое небытие объективно, а субъективно будет способен еще раз взять не меньшую политическую высоту.

Человек, который получает контракт на исполнение какой-либо работы на конкретный срок (а Путин не раз говорил, что он нанят обществом на выполнение обязанностей президента), сколь бы трудолюбив и увлечен своим делом он ни был, не может не думать, чем займется после отставки, если его контракт истекает гораздо ранее пенсионного возраста.

Собственный бизнес? Это не занятие для далеко не старого русского политика, вкусившего высшей власти.

Участие в бизнесе других? Быть подчиненным своих бывших подчиненных? То есть, теряя имя, участвовать в сомнительных сделках (а для иных у нас политиков не нанимают)? Конечно, Путин не выберет ни первого, ни второго.

После 2008 года перед Путиным открываются три стези, по каждой из которых, правда, первые шаги необходимо сделать, еще находясь в Кремле. Если Путин пока не озаботился этим, то конечно же вынужден будет озаботиться сразу после ближайших президентских выборов.

Первая стезя – сугубо международная. Стать должностным лицом высшего уровня на мировой арене. Ясно, что всемирные организации не подходят – американцы никогда не допустят туда гражданина России в качестве первого лица. Остается Европа. Тоже в общем-то сомнительно, но как рабочая гипотеза рассматриваться может. Для этого нужно «немногое» – вступить в Евросоюз. Несмотря на почти фантастичность гипотезы, предвижу

форсирование попыток юридической интеграции России в объединенную Европу с весны 2004 года.

Вторая стезя, естественно, ведет к президентству в едином государстве Россия – Белоруссия, для чего нужно создать это государство де-юре и де-факто. Попытка форсировать этот процесс гарантирована на сто процентов, что, кстати, небесполезно и безотносительно путинского будущего.

Третья стезя раздваивается на две переплетающиеся дорожки. Мы часто говорим о выборах 2008 года и даже начинаем прикидывать, кто будет президентом после Путина, то есть в период от 2008 до 2012 года. А вот кто угнездится в Кремле в 2012-м? К весне 2012 года Владимиру Путину будет всего лишь 59 лет, что не является препятствием для борьбы за пост президента.

Для реализации этой возможности, равно как и для того, чтобы оставаться реально значимой фигурой в российской политике после 2008 года, Путину, естественно, нужна социально-политическая опора, то есть партия. Она, безусловно, будет создана или найдена из числа тех, кто перейдет пятипроцентный барьер на ближайших думских выборах.

Цели этой партии (в интересующем нас ракурсе): стать партией № 1 на думских выборах 2007 года; далее – привести к победе на президентских выборах 2008-го креатуру Путина, которую, в зависимости от обстоятельств, партия Путина либо оставит и Кремле, либо сменит в 2012 году, вернув своего лидера в уже знакомый ему кабинет.

Этот последний сценарий – самый реальный. Ради него стоит работать всей молодой (еще более молодой, чем сам шеф) команде Путина. И кстати, этот сценарий не исключает и не отменяет усилий по реализации белорусского сценария.

Я практически исключаю возможность того, чтобы Путин, сколько бы ни намекали на это его присные, дал добро на изменение Конституции и удлинение сроков действия президентского мандата как «точечную» корректировку Основного закона – даже через референдум. Ибо выглядеть это будет вызывающе антидемократично. И не только выглядеть. Масштабная же конституционная реформа, в рамках которой увеличение сроков президентской легислатуры пройдет в пакете, – дело сложное и неочевидно полезное. Все-таки опасно слишком скоро от даты принятия менять, даже в лучшую сторону, Конституцию. Текст лучше нынешнего получить можно, но стабильность в стране может непредсказуемо, в том числе и для инициаторов процесса, поколебаться.

Что будет «после Ельцина», волновало всех, а что будет делать «после» сам Ельцин – очень немногих. В случае с Путиным ситуация, в силу его возраста, иная. Что будет делать Путин «после» – значимый вопрос, причем значимый уже для сегодняшней политической жизни. Его не обсуждают публично, но это не значит, что кто-то о нем не думает.

Кроме того, вопрос этот актуализируется буквально с каждым месяцем. Через полтора года об этом будут говорить на каждом политическом углу, но тот, кто задумается на сей счет раньше других, сможет правильно построить свою долгосрочную стратегию. Что, впрочем, экзотическая штука в нашей политике.

Я начал разговор о юбиляре, если отбросить вступительные главы этой статьи, «с конца», с того, чем обычно портреты политических деятелей заканчивают, – с будущего Путина, не ради оригинальности только. Одно дело, когда политик, достигший вершины власти, видит в этом финал своей карьеры, уходящий либо в старость, либо в смерть, а другое дело, когда это всего лишь рубеж.

Путину в Кремле сегодня нужен успех. Не только потому, что, как всякий homo faber, он хочет делать свое дело лучше других (особенно лучше двух предшественников), но и потому, что его собственное будущее отнюдь не ограничивается достигнутым. Фактически его будущее – всё за рубежами 2008 года. И этого будущего очень и очень много.

Как Путин идет к своему будущему? Ждет ли его искомый успех?

Собственно, именно об этом есть смысл говорить в связи с пятидесятилетием человека, занимающего президентский пост в России. Иначе, в зависимости от отношения к юбиляру,

лучше ограничиться прочувствованной поздравительной телеграммой или суровым молчанием.

Путин и Россия

Категорическим императивом всей внутренней и внешней политики Путина, безусловно, является возрождение величия России как максимально значимого и активного субъекта мировой политики.

Производимые Путиным тактические маневры, включающие вынужденное (с его точки зрения) отступление по тем или иным направлениям (в Центральной Азии, например), не должны заслонять эту стратегическую цель путинской политики.

Поскольку на пути достижения этой цели стоит такая немалая проблема, как сохранение целостности и самостоятельности России вообще, Путин готов жертвовать менее значимыми ценностями, если даже в глазах других эти ценности абсолютны.

Сначала Путина интересует, сохранится ли Россия и будет ли она самостоятельной и влиятельной, а лишь затем – какой политический режим будет в ней существовать.

Конечно, Путин предпочитает демократию авторитаризму, но только в тех случаях, когда демократия более эффективна как средство возрождения России. Точно такое же отношение у него и к рынку.

Путин и история

Знаменитая фраза Путина, сказанная им в связи с решением возвратить официальный статус мелодии советского гимна, «возможно, мы с народом ошибаемся», означает, что Путин считает всю историю России, включая и советский период, единой и не подлежащей третированию с позиций сегодняшнего дня. Вобщем-то это называется патриотизмом.

Путин и народ

Эта же фраза, сказанная по конкретному поводу, означает также, что Путин не считает народ главным и единственным делателем истории. Более того, считая народ скорее пассивным (в отличие от элит), чем активным субъектом исторического процесса – иначе он не дал бы уничтожить Советский Союз, – Путин относится к народу с почтением. Почтением деятельного сына к промотавшему свое состояние отцу.

Если малая часть народа имеет и много хлеба, и новомодные зрелища, если какая-то часть народа (столичная интеллигенция) имеет мало хлеба, но много заменяющей ей все остальное зрелищ, то Путин – из того самого почтения – хочет дать большей части народа, не имеющей или почти не имеющей хлеба, хотя бы зрелище. То зрелище, которое эта часть народа жаждет.

Почтение к народу смешивается у Путина не с презрением (как у «новых русских», вечно старой и вечно новой бюрократии и вечно молодящейся столичной интеллигенции), а с… пожалуй, с жалостью и недоверием. Промотавший свое состояние отец, несмотря на прошлую мощь и грозность, становится похож на великовозрастного ребенка, состарившегося недоросля. Отсюда – путинский патернализм.

Качество, соглашусь, не вполне демократическое. Но об отношении Путина к демократии – речь впереди.

Политическая принадлежность

Путин есть либеральный консерватор. Что в реалиях России означает: быть либеральнее народа и консервативнее либеральной элиты. В жизни это называется: сидеть на двух стульях. В политике – прагматизм.

То есть ты не сидишь одновременно и там, и там, а вынужден в зависимости от обстоятельств все время перескакивать со стула на стул.

Путин и вождизм

Конкретная история России (история XX века в особенности) заставляет Путина быть вождем (еще одна не слишком демократическая черта). Мундир вождя по-прежнему висит в главном кремлевском кабинете, и каждый вновь в него входящий глава Российского государства имеет соблазн этот мундир время от времени надевать.

Зачем нужен вождь России? А затем, зачем он был нужен на протяжении всего XX века.

Во-первых, чтобы ставить конкретные цели нашей самой православной, самой утопичной, самой романтичной, самой маниловской стране мира. Стране, где перекур любят больше работы – не потому, что работа трудна, а потому, что во время перекура интереснее, потому что обсуждение прожектов привлекательнее, чем изготовление деталей.

Грубо говоря, вождь нужен России там, где не работает (по какой-то причине) рынок или нет смысла существования.

Но это далеко не все.

Во-вторых, вождь нужен России для того, чтобы умерять аппетиты российской бюрократии, вечно обкрадывающей свой народ.

Наконец, в новых условиях мундир вождя понадобился и для того, чтобы ограничивать эгоизм отечественной бизнес-элиты, которая из двух основных классов российского общества – народа и бюрократии – предпочла заключить «общественный договор» с бюрократией.

Словом, вождь в России – это замена отсутствующих там, где они отсутствуют, смысла жизни, гражданской солидарности и единства действий.

Больше демократии, кричат Путину! Выдави из себя вождя!

Думаю, он и не прочь бы это сделать. Но как только снимает мундир вождя – плоть обретают воспоминания о судьбе Горбачева и СССР.

Путин и бюрократия

Управляемость государственной машине (после анархизма ельцинских времен) Путин вернул. Но бюрократию, главную проблему всех русских правителей, так и не победил, точнее – не заставил работать на общество.

О русскую бюрократию разбивались все наши реформы. Генерального сражения не дал ей и Путин, не совершил, например, кадровую революцию. А в позиционной войне бюрократия всегда искуснее.

Именно она – в рамках этой позиционной войны – натягивает на своего противника мундир вождя, прося не избирать себя, а назначать. И заодно выторговывает шантажом и угрозами третьи, четвертые сроки пребывания во власти (раз уж демократия и приходится избираться).

Путин и олигархи

Ладно бы только бюрократия – дело для России привычное. Но ведь народились еще олигархи, ставшие третьей силой в государстве. Путин урезал их власть в Москве – они пошли в регионы. Вся хлипкая партийная система, еще как-то работающая в Москве (но не в городе Москва), то есть на федеральном уровне, в провинции, в регионах просто рухнула, не успев создаться. Нет в России политической жизни в форме борьбы партий практически во всех регионах, особенно сырьевых. Там есть политическая жизнь лишь как форма публичного сосуществования-борьбы бизнес-групп.

Из провинции олигархи идут на Москву, опираясь теперь не только на столичную интеллигенцию и собственные деньги, но и на избирателей провинции, то есть на народ.

Что есть у Путина, кроме его президентского статуса, чем можно сопротивляться против этого второго пришествия олигархов в российскую власть?

Всего три орудия. Генпрокуратура, предусмотрительно отобранные у олигархов СМИ и… КПРФ.

Путин и коммунисты

Одобренная Путиным, но неудачная попытка разрушения КПРФ имела одно незапланированное последствие. Единственная дееспособная партия России, кажется, начала обновляться. Политический эффект от этого может оказаться весьма интересным. Например, таким, что КПРФ может стать естественным союзником Путина, единственным реальным посредником между ним и народом – особенно если Путин станет проигрывать войну олигархам и бюрократии. Считать «Единую Россию» путинской партией весьма преждевременно. «Партия власти» и есть партия власти, то есть ее анонимных, а не конкретных носителей. Это партия бюрократической массы.

Путин и управляемая демократия

Поскольку самое распространенное определение сегодняшнего (путинского) политического режима – управляемая демократия – а вошло это определение у нас в обиход после (так уж случилось) публикации 13 января 2000 года (то есть еще до выборов, на которых Путин победил) моей статьи «Диагноз: управляемая демократия», – то могу не сказать и об этом.

Да, в России управляемая демократия. Да, Путин сознательно работает ее инструментами.

Но что есть управляемая демократия? Это демократия (выборы, альтернативность, свобода слова и печати, сменяемость лидеров режима), но корректируемая правящим классом. Разве это не то, что есть во всякой демократической стране?

Почему Путин, не декларируя, естественно, этого, действует в рамках управляемой демократии? Потому что, во-первых, правящий класс России сегодня – это бюрократия, переплетенная с олигархией, и их суммарный эгоистический инстинкт превосходит физические возможности страны по производству товаров, обмениваемых на доллары.

Во-вторых, потому, что в регионах, как я уже отмечал, объединенный финансово-административный ресурс олигархии и бюрократии позволяет обеспечивать любые нужные им результаты выборов.

В-третьих, потому, что в отсутствие нормальных партий даже на федеральном, не говоря уже о региональном, уровне центральная власть не может в случае расхождения своих интересов с интересами правящего класса опереться на народ или правоохранительные органы. Ибо и народ, и правоохранительные органы сегодня находятся в прямой материальной и физической зависимости от бюрократических структур и олигархических кланов. Мне известен случай, когда один из лидеров одной олигархической группы сказал весьма высокопоставленному представителю федеральной власти: в этот регион можете не соваться – там вы у нас суд не выиграете.

В-четвертых, потому, что это только кажется нашим либералам (иногда их называют правыми), что если бы в России установилась не управляемая, а полномасштабная (где она есть?) демократия, они бы сохранили свою власть и собственность. Нет, власть тут же перешла бы к коммунистам, сомнений в этом нет никаких. И инстинктивно наши либералы не раз это признавали. Последний случай: либералы сыграли свою скрипку в разыгранной по нотам управляемой демократии партии, когда помогли своими голосами запретить коммунистам проводить намеченный ими референдум.

Да, в России еще нет стабильной системы плюралистических форм демократического участия элиты во власти, то есть того, что есть на Западе. По двум причинам (и не Путин их создал): во-первых, потому, что наши элиты ведут между собою борьбу не за участие, а за

полный контроль над властью, во-вторых, потому, что элиты у нас сами по себе, а общество – само по себе.

На нынешнем этапе управляемая демократия не позволяет: 1) элитам пожрать друг друга; 2) одной из них – полностью (тотально) подчинить себе власть и общество; 3) народу – свергнуть (демократическим путем) власть нынешних элит и отнять у них собственность. В этом смысле управляемая демократия в России есть механизм восполнения функций отсутствующего в стране общенационального Общественного договора.

Кремль, центральная власть забрали рычаги управляемой демократии себе, чтобы они не достались не народу, а элитам. Ибо элиты и народ еще более, чем народ и власть, отчуждены друг от друга. Да что там, они просто ненавидят друг друга. В этом как раз Путин прав. А неправ он в том, что в своем патернализме не готов построить систему реального самоуправления и постоянно потакает бюрократии, когда она подталкивает его к всасыванию этого самоуправления в критикуемую ею же «вертикаль власти».

Впрочем, одно из объяснений того, почему Путин не стимулирует рост реального самоуправления, для меня очевидно. Он просто опасается, что в нынешних условиях местное самоуправление станет формой легализации пока еще неформальной власти преступных группировок по всей территории России. И в этом своем опасении Путин тоже прав. Если крупные преступники вполне успешно претендуют на власть через систему региональных и городских выборов, которые хоть как-то, но контролируются и корректируются федеральной властью, то естественно предположить, что местное самоуправление будет тотально захвачено низовыми криминальными элементами.

Путин и Ельцин

Насколько Путин зависим от Ельцина сегодня? Это одна из самых больших маленьких загадок сегодняшней российской политики. Разгадку знают очень немногие, но ясно, что это зависимость не лично от Ельцина, а от того, что справедливо называют «Семьей Ельцина», то есть одной из олигархических группировок, правда, знающей больше других. Зависимость ограниченная.

Когда ушедший в отставку Ельцин неожиданно собирается «на работу» в Кремль – это воспринимается с юмором. Когда видеокассету с каким-нибудь странным заявлением Ельцина доставляют к эфиру на телестудию – показ кассеты решительно пресекается. Но когда одной из причин торможения создания единого государства Россия – Белоруссия становится, насколько мне известно, желание Бориса Ельцина (и, надо думать, его «Семьи») стать президентом этого государства, зависимость ощущается отчетливо.

Утончается ли эта зависимость со временем? Ответ мы узнаем после президентских выборов 2004 года.

Путин и другие политики

Одна из интереснейших составляющих феномена Путина – это то, как он своим появлением обрушил всю персональную иерархическую пирамиду российской политики. Рухнули все, включая Евгения Примакова и Геннадия Зюганова. О более слабых фигурах и говорить не приходится.

Объяснение этого факта – тема отдельной статьи, но восстановить эту иерархию до сих пор не удается: Путин по-прежнему парит над ее развалинами в гордом одиночестве.

Это, конечно, плохо. Плохо, потому что расслабляет центральную власть. Плохо, потому что демонстрирует ущербность самых ярких представителей нашей политической элиты. Плохо, потому что у Путина нет серьезного политического оппонента, то есть общество отучается от и так вяло приживающейся у нас альтернативности. Плохо, ибо именно в таких условиях объективно усиливаются элементы вождизма.

Но почему же альтернативы Путину не появляются? Наиболее общий ответ таков: в России дефицит и идей, и людей. Путин – безусловно, интеллектуал, но, очевидно, не

гений. И его интеллекта хватает, чтобы все самые ценные и интересные идеи, циркулирующие в политическом классе, забирать себе. Большего этот класс сгенерировать не может, пережевывая в основном интеллектуальные зады западноевропейской либеральной мысли двадцатилетней давности. Более того, Путин порой в одиночку наносит нокаутирующие интеллектуальные удары всем лучшим умам русского либерализма.

Так случилось после террористической атаки на США в 2001 году. Одним своим звонком Джорджу Бушу Путин поверг наземь все руководство СПС и «Яблока», вместе взятых.

Я не утверждаю, что слова и действия Путина каждодневно и радикально превосходят слова и действия всех остальных политиков России. На мой взгляд, и у него случаются резкие и необъяснимые провалы. Самый показательный – знаменитое объяснение правомерности прихода США в Грузию: если можно в Центральную Азию, то почему нельзя на Кавказ?

Путин и США

Это тема необъятная и во многом тоже загадочная. Мне не раз приходилось писать и говорить, что внешняя политика Путина слишком зашифрована. То ли потому, что он боится, что его не поймут. То ли он знает что-то такое, что большинство окружающих, включая профессионалов, не знает.

Податливость Путина, временами поразительную, американскому гегемонизму лично я объясняю не мифическими, как мне кажется, договоренностями о разделе сфер ответственности и влияния между Россией и США, а чекистским алгоритмом действия, инстинктом разведчика.

Конечно же, Путин не может не видеть и не понимать опасности американского гегемонизма, глубины американского эгоизма и того, что никакого возрождения сильной России, что недемократической, что демократической, США не нужно. Поэтому он не может не рассматривать США как потенциального противника, причем более сильного. Как в этих условиях может больше всего преуспеть разведчик, работая в интересах своей Родины? Только одним способом – внедрившись в центр системы управления противника, занять в этом центре максимально высокий пост. Что это значит? То, что максимум чужих секретов ты можешь получить только при условии максимально эффективного служения тому, чьими секретами хочешь овладеть.

Публичный вариант этой тактики – навязать свое союзничество потенциальному сопернику, заставляя его если и не решать твои проблемы, то хотя бы учитывать твои интересы.

В любом случае, абсолютно ясно одно: сегодня лично Владимир Путин – свой человек на Западе и даже в США. Это не означает, что страна, возглавляемая Путиным, то есть Россия, является своей на том же Западе и тем более в США. Конвертировать отношение Запада к себе лично в отношение Запада к России Путин пока не сумел.

Стиль работы

Путин, безусловно, любит свою работу и относится к ней крайне ответственно. Если он уверен, что знает, как нужно решать ту или иную проблему, то действует крайне решительно.

Доказательств этому немало: Чечня (особенно осенью 1999 года), реформа Совета Федерации, борьба с Гусинским и Березовским, контакты с Ким Чен Иром (несмотря на иронию и насмешки либеральных СМИ), та же поддержка американцев в операции против талибов и т. д.

Но если он не знает точного ответа на вопрос, а знать все невозможно, его действия противоречивы или просто отсутствуют.

И это случалось не раз: ситуация вокруг реформы правительства, вроде бы действующего успешно, но вроде бы не так, как хотелось бы; эпопея с реформированием РАО «ЕЭС России» по Чубайсу; проблема Белоруссии; военная реформа и т. д.

Вполне очевидно, что в собственно политике Путин чувствует себя гораздо увереннее, чем в экономике. Что, впрочем, и неудивительно для президента, ибо эта должность больше политическая. Правда, сегодня в России вопросы экономики едва ли не важнее чисто политических проблем.

Путин и кадры

В кадровых решениях, и это, пожалуй, самая большая проблема Путина как президента, он предпочитает людей, которым доверяет, профессионалам. Поскольку круг его личных знакомых и друзей – это в основном юристы, именно это направление он обновил кадрами наиболее радикально и во многом успешно. В остальном же провалов больше, чем успехов, а точнее, на своих местах остались прежние, ельцинские кадры, лишь слегка разбавленные путинскими людьми, причем далеко не всегда удачно.

Выросший в лоне системы госбезопасности, а потому много знающий о скелетах в шкафах всех представителей правящего класса, Путин, очевидно, не доверяет элите. Но только из ее среды можно рекрутировать новые руководящие кадры. Результат – кадрового обновления, особенно в последний год, практически не происходит. Между тем рецептов тут только два, и смешивать их нельзя: либо ты увольняешь всех чужих, вне зависимости от квалификации, и ставишь всех своих (но такой кадровый резервуар «своих» может дать только собственная партия), либо вообще забываешь о категории «свой – чужой», а назначаешь только лучших профессионалов в данной сфере.

Сейчас же Путин явно делает работу за многих своих подчиненных, вникая в такие тонкости, которыми не должен заниматься президент.

Отчасти это демонстрация патернализма, но только отчасти.

Характер (некоторые черты)

В чем-то Путин крайне закрыт, но временами произносит удивительно откровенные тексты. Так было осенью 1999 года, когда журналисты допекли его вопросами о целесообразности новой военной кампании в Чечне, – знаменитая фраза «мочить в сортире». Когда родственники погибших подводников «Курска» засыпали президента в общем-то безосновательными упреками на встрече в Видяеве, Путин фактически, не произнося фамилии, сказал, что разваливали-то флот не при нем, а при прежнем президенте.

После наводнения на юге России Путин бросил представителю РАО «ЕЭС России»: «Вы самые умные или самые циничные?» – и попросил назвать зарплаты руководителей РАО. (В конечном итоге, но некоторое время спустя, Анатолий Чубайс цифры назвал, однако зарплаты оказались на удивление маленькими, но Путин почему-то больше к этому вопросу не возвращался.)

Путин, несмотря на свою раскованную, временами даже очень раскованную речь и умение отвечать, казалось бы, на все вопросы, не любит касаться некоторых тем, по разным причинам ему неприятных. Это тот же «Курск», это потери в Чечне, это олигархи, это некоторые действия Генпрокуратуры. Если такие вопросы ему задаются, он либо отшучивается, причем не всегда удачно, либо отвечает кратко и резко, даже агрессивно по отношению к тому, кто неприятный вопрос задал.

Словом, если Путин как бывший разведчик и умеет скрывать свои эмоции, то либо не слишком хорошо, либо эмоций у него слишком много для президента – иные вырываются наружу.

Успехи и провалы: баланс

Я уже писал, что Путину нужен успех – не только в сегодняшнем деле отправления обязанностей президента России, которую он, очевидно, глубоко любит и искренне хочет возродить, но и для будущего, собственного будущего.

Что ж, без всякой лести можно сказать, что, конечно же, президентство Путина успешно и по сути, и в историческом контексте. Какой он получил страну – известно. Хуже положение дел в ней не стало точно. Ни по одному направлению, в том числе и в смысле наличия демократических свобод, ибо назвать более свободным общество времен Ельцина может только человек, не знакомый с политологией вообще. Вседозволенность – это все-таки не свобода, а если и свобода, то только для самых сильных. Лучше при Путине стало очень многое.

В целом Россия осени 2002 года на порядок жизнеспособнее России осени, а тем более весны 1999 года. Путинское лидерство по-прежнему развивается по восходящей, тогда как у его предшественников Горбачева (после 1989 года) и Ельцина (после 1993 года) катилось вниз. И это притом, что Путин находится у власти фактически уже три года. Ельцин к этому времени уже был дискредитирован как политик, у Горбачева забуксовали все реформы, правда, в старой, советской парадигме власти.

В персональном политическом плане Путин тоже успешнее своих предшественников. Ельцин как реальная альтернатива Горбачеву возник спустя четыре года после прихода того к власти, но фактически гораздо раньше, с 87-го. Но Михаил Сергеевич был более неосмотрителен в этом плане, чем Борис Николаевич, альтернативы которому стали возникать с начала 93-го года одна за другой: Руцкой, Хасбулатов, Черномырдин, Чубайс, Лужков, Примаков. Просто Ельцин подрубал соперников под корень – сразу, как только они или элита всерьез задумывались о том, что время смены лидера пришло. Затянул Ельцин только с первой парой из этого списка, но зато и разобрался, опомнившись, танками.

Путину альтернативы до сих пор не появилось и, видимо, не появится до ближайших президентских выборов. Это, конечно, свидетельство успешной деятельности.

50 лет

Встретить свое пятидесятилетие в главном кабинете Кремля, во главе великой, по крайней мере в прошлом, но и не без надежд на будущее, страны; входя в десятку, если не пятерку, самых влиятельных политиков мира; с такой популярностью в народе и при в общем-то довольно прилично (в сравнении с предшествующими годами) идущих делах; имея практически абсолютную гарантию победы на ближайших президентских выборах – если это не жизненный и профессиональный успех, то пусть об этом скажут гениальные писатели, каковых сейчас нет, либо анахореты, наверное существующие, но мы вряд ли их поймем.

Карьера большого политика, впрочем, не может считаться окончательно успешной до того дня, пока он не уйдет на покой. Владимиру Путину до этого далеко. Так что каждый может пожелать ему того, что хочет. Не стоит, однако, забывать, что успех твоего соседа, даже если ты его любишь, – это всего лишь его успех. А успех президента твоей страны, даже если ты его не любишь, – это неизбежно и твой успех.

Российская газета, 7.10.2002 г.

Отповедь Путина

Арест Михаила Ходорковского (25 октября 2003 года) – ключевой момент первого срока президентского правления Владимира Путина, а главное – важнейшая веха в разрушении сложившейся при Ельцине системы «власти олигархов» в России.

Данная статья посвящена даже не самому аресту, а тому, как Путин отверг почти откровенный ультиматум, который после этого ареста публично выдвинули президенту России как сами олигархи, так и по-прежнему их патронировавший Борис Ельцин.

Именно с этого момента Владимир Путин обрёл полагавшееся ему по ельцинской же Конституции президентское полновластие и перешёл к планомерному демонтажу олигархического правления в России.

Несмотря на то что своими понедельничными комментариями к аресту Михаила Ходорковского Владимир Путин постарался полностью деполитизировать «дело ЮКОСа», кроме как в политическом разрезе никто это дело не рассматривает. Даже тот, кто публично дает ему чисто юридическую трактовку.

И это логично. Во-первых, бизнесмен с таким состоянием, может быть, и способен в какой-то стране оказаться вне политики, но только не в России. Во-вторых, бизнес Ходорковского – это нефть, что является почти синонимом политики. В-третьих, приватизационные сделки (а по одной из них Генпрокуратура выдвигает обвинения Ходорковскому) – это так или иначе политика. В-четвертых, Ходорковский занимался политикой и впрямую (финансируя деятельность СПС и «Яблока»), и косвенно – ЮКОС был и остается одной из самых активных и могущественных лоббистских структур в России. И это еще самые очевидные позиции.

Так что, даже если претензии Генпрокуратуры к Ходорковскому чисто юридические, политику они затрагивают прямо и в любом случае.

А если взять контекст «дела ЮКОСа» во всей ширине и глубине этого контекста (самые глубокие глубины которого знают, видимо, всего несколько человек), безусловным является то, что на сегодняшний день мы стали свидетелями самого острого политического кризиса в правящем классе России за все время президентства Владимира Путина.

Самые последние и самые откровенные проявления этого кризиса следующие. В начале осени Глеб Павловский, являющийся, по крайней мере, нештатным сотрудником президентской администрации, уже объявил «дело ЮКОСа» не просто политическим, а настолько политическим, что его инициаторы имеют целью поставить под контроль политику президента. Кроме того, несмотря на то что крупнейшие политики и самые видные предприниматели (впрочем, не все) постарались уйти от прямых публичных политических оценок «дела ЮКОСа», в более узких, но все равно чрезвычайно широких кругах это дело и именно в его политическом аспекте стало темой № 1. Наконец, две вторые после президента политические фигуры страны публично все-таки затронули «дело ЮКОСа», хотя бы в плане неприкосновенности результатов приватизации.

До ареста Михаила Ходорковского, как считали многие, дело не дойдет. Но сам Ходорковский, судя по всему, шел к нему сознательно – то ли потому, что действительно не знает за собой вины, то ли видит единственный шанс для себя лишь в случае предельного обострения ситуации. И арест случился.

РСПП, то бишь «профсоюз олигархов», выступил с заявлением, в котором Владимиру Путину фактически был предъявлен если и не полный ультиматум, то половина его. Не совсем ясно, кто из олигархов поставил бы свои реальные подписи под этим полуультиматумом, кроме Анатолия Чубайса, выступившего по поручению «всех» и «от лица всех».

Напомню всего два пассажа из этого заявления:

«Эскалация действий власти и правоохранительных структур по отношению к российскому бизнесу резко ухудшила атмосферу в обществе. Подорвано доверие бизнеса к власти…» и «Сегодня российский бизнес не доверяет действующей правоохранительной системе и ее руководителям».

То есть авторы заявления обвиняют власть в целом и правоохранительные органы в частности в дестабилизации общества. Кроме того, особо отмечено, что последним российский бизнес не доверяет вообще. И лишь «ясная и недвусмысленная позиция» президента Путина, то есть высшего представителя высшей власти, сможет успокоить общество.

Полуультиматумом я назвал это заявление потому, что в нем не сказано, что же сделают те, кто якобы подписал заявление, если президент не займет «ясную и недвусмысленную позицию», причем понятно какую.

Владимир Путин «ясную и недвусмысленную» позицию занял. Но прямо противоположную. Во-первых, он проигнорировал претензии к «власти». Во-вторых, он выразил полное доверие к правоохранительной системе, во всяком случае к ее судебной ветви, в связи с чем ответил отказом встречаться с олигархами по поводу Ходорковского. В-третьих, он заявил, что «дело ЮКОСа» может быть казусом, но не обязательно прецедентом в вопросе об итогах приватизации, а как раз последнему олигархи и не верят, что специально подчеркнуто в их заявлении.

Словом, фактически президент отказал олигархам по всем пунктам. Более того, он посоветовал им прекратить «истерику», пообещал учредить специальный орган по борьбе с коррупцией, а также специально порекомендовал правительству «в эту дискуссию не ввязываться».

Наконец, как справедливо отметили многие, совершенно неслучайным представляется появление неделю назад в «Московских новостях», контролируемых ЮКОСом, интервью Бориса Ельцина. В интервью полностью выдержан пиетет по отношению к нынешнему президенту России, однако очевидно присутствует констатация того, что именно Борис Ельцин остается единственным демиургом российской политики. А конкретно это проявляется в том, что он, Ельцин, сам и единолично избрал Путина своим преемником, хотя ближе ему были и остаются другие политики и кто-то из них (Ельцин «предполагает», кто) станет следующим президентом России.

Так что выдержанная в весьма решительных тонах понедельничная отповедь Путина «истерике» олигархов есть, конечно, и косвенный ответ демиургу.

* * *

Теперь подведем итог. Видимо, промежуточный.

Михаил Ходорковский до 30 декабря, если не помогут апелляции его адвокатов, останется под стражей. Это должно отрезвить тех олигархов и самого демиурга, которые собирались сформировать свой состав Думы, а затем, возможно, и правительства.

Если кто-либо из членов правительства или администрации презреет «просьбу» Путина о неучастии в дискуссии по «делу ЮКОСа», то это должно стать поводом для отставки нарушителя. Иначе – зачем эта «просьба»? Примерно та же судьба (в адекватном для каждого варианте) ждет и олигархов, которые не сумеют прекратить «истерику».

Суммарно это – попытка снять вопросы о слабости власти Путина, слишком часто обсуждаемые сегодня, демонстрацией прочности и решительности этой власти. И, думаю, готовность взять инициативу в кампании по выборам в Думу в свои руки, если эта кампания пойдет не по тому сценарию, который был расчерчен в Кремле весной. Что более чем, как я уже не раз писал, вероятно.

Почему проблемы, связанные с ЮКОСом и волнующие власть, нельзя было решить экономическими методами, без применения репрессивного аппарата? Видимо, потому, что экономические рычаги находятся в руках тех, кто Путину неподконтролен. И он действовал тем единственным оружием, которым располагает.

Путин приготовился консолидировать власть и элиту, но на своих, а не на чужих условиях. Иначе понять его действия нельзя. Какова идейная основа этой консолидации – это отдельная тема. Она, видимо, будет обсуждаться с теми, кто будет согласен войти в новую команду Путина, но опять же – на сей раз на его условиях.

Путину надоели публичные и закулисные напоминания о том, что он «всего лишь преемник и ставленник Семьи». И в этом, возможно, виноваты те, кто этими напоминаниями не уставал злоупотреблять.

Российская газета, 29.10.2003

Императивы Путина
(Управляемая демократия и неуправляемый авторитаризм)

Заканчивался 2003 год, а значит, оставалось всего четыре месяца до новых президентских выборов, в которых Путин намеревался не только участвовать, но и, естественно, победить.

Соответственно, пришло время подвести итоги первого срока правления того, кто, бесспорно, стал общепризнанным политическим лидером страны и действительно сильным президентом России, а не тем, кого так именовала лишь официальные СМИ и околокремлёвские лизоблюды.

Эта большая статья написана для «Литературной газеты», с которой в то время я тоже сотрудничал.

Как в норме происходит смена первого лица во власти – монарха, генсека, президента, премьер-министра (в парламентских республиках)? Вслед за старым первым лицом в отставку уходят (или отправляются) все члены правительства, вся администрация (личный кабинет) прежнего главы высшего властного органа – это почти закон. Кроме того, часто такая же, вполне предсказуемая и никого не удивляющая судьба ждет руководителей спецслужб, высших руководителей Вооруженных Сил, государственных (там, где они есть) бизнес-структур и даже первых лиц дипломатических миссий страны за рубежом.

Неизбежность нормы

Так происходит в демократиях, точно так же – при авторитарных и даже деспотических режимах. Так было и в России: при царях, при императорах, при большевиках. Так, естественно, случилось и при переходе власти от Горбачева к Ельцину.

Но с 1991 года мы живем, мягко выражаясь, в аномальном (анормальном) периоде нашей истории. Назовем его самым приличным из известных всем определений – переходный период.

Власть от Ельцина к Путину перешла не по политической норме, не по политической традиции. Мы все это заметили, но не зафиксировали свое особое внимание на аномальности передачи власти. Так как самого неприятного, того, чего мы более всего опасались, не случилось, и передача власти произошла совершенно мирным и внешне, да во многом и содержательно, демократическим путем.

Человек Семьи, выбор Семьи – это же было самым главным обвинением, бросаемым Путину в первую очередь теми (хотя и не только ими), кто с весны 1999 года, но особенно осенью 99-го, разоблачал Семью и Путина как один политический клан. Кстати, именно эти люди сегодня в первых рядах тех, кто клеймит Путина за отход от политики Ельцина, то есть от политики той Семьи, «заграничные счета» которой они демонстрировали в свое время в прямом эфире.

Тогда же, а точнее весной 2000 года, как главное доказательство несамостоятельности Путина приводили как раз то, что он не сменил главу президентской администрации и почти не тронул состав правительства. Более того, с интересом ждали 26 марта 2001 года, затем 26 марта 2002-го – реальных или виртуальных сроков, начиная с которых Путину уже «разрешалось» менять команду. И всякий раз, когда этого не случалось, в словах комментаторов звучало разочарование.

Почему Путин не менял ключевых игроков ельцинской команды (точнее – почти не менял, ибо на силовые министерства – МО и МВД – он все-таки поставил своих людей, а шеф ФСБ Николай Патрушев и так был его человеком) – тема отдельного разговора. Отмечу только то, с чего начал. Это было отклонение от всех норм и всех традиций политики. И рано или поздно норма должна была быть восстановлена.

Предполагалось, что это произойдет после избрания Путина президентом на второй срок. И уж точно – после думских выборов. Но случилось, как мы теперь видим, раньше. Политически – существенно раньше. Почему?

Между Прохановым и Березовским

К 2003 году Путин пришел с двойным политическим клеймом. «Продолжатель дела Ельцина» (Зюганов, Проханов) и «предатель дела Ельцина» (Березовский). Странно. Впрочем, еще более странно то, что хулитель Ельцина Проханов и поклонник Ельцина Березовский слились в экстазе нелюбви к Путину. Впрочем, не странно. Обоих не удовлетворяло, что Путин продолжал быть полуельциным. Просто одному хотелось, чтобы из этого сочетания отпала хотя бы вторая часть, а другому – чтоб первая.

Радикальная смена команды – главный способ удовлетворить желание и Проханова, и Березовского. Вернее говоря, либо Проханова, либо Березовского. Ибо к 2003 году стало ясно, что полуудовлетворять-полунеудовлетворять далее обоих антагонистов, обе половины российского общества, в основном состоящего из Прохановых и березовских, далее не удастся. Нужно делать выбор.

Но поскольку никто до конца точно не мог спрогнозировать, какой выбор сделает Путин (ибо в своих действиях и словах он крайне амбивалентен), поскольку каждый боялся, что Путин сделает другой выбор, постольку и началась борьба одновременно и за президента (чтобы сделал нужный выбор), и против президента (чтобы не сделал ненужный выбор).

Путин свой выбор оттягивал. Поначалу это устраивало всех, но стали катастрофически стремительно приближаться парламентские выборы. А это означало, что при всей якобы эфемерности современного русского парламентаризма в декабре выбор сделает само российское общество, а Путин может присоединиться к этому выбору. И реальные политические игроки раньше большинства хитроумных политологов, весь 2002 год и даже весной 2003-го все твердивших о неважности декабрьских выборов, поняли: чья-то, но не ясно, чья, победа на думских выборах определит выбор

Путина, а значит, и их, игроков, судьбу. Ставки подскочили до заоблачных высот. В результате случилось все то, что мы наблюдали в 2003 году и апофеозом чего стало заключение Михаила Ходорковского в узилище.

Всё было ясно ещё четыре года назад

Должен признать, что мое авторское тщеславие вполне удовлетворено тем, что именно после моей статьи от 13 января 2000 года «Диагноз: управляемая демократия» это определение закрепилось в политическом, политологическом и журналистском лексиконе как наиболее точное и популярное определение существующего в России политического режима. Статья была написана сразу же после изощренно-добровольного ухода Бориса Ельцина с поста президента и передачи им высшей власти в России из рук в руки Владимиру Путину и почти за три месяца до того, как Путин легитимизировал этот акт своей победой на президентских выборах 26 марта 2000 года. Это принципиальный момент – режим управляемой демократии во всех своих существенных чертах сложился до того, как Путин был избран президентом. То есть Путин действовал в рамках уже созданной политической конструкции, состоявшей из управляемой демократии Центра и неуправляемого авторитаризма олигархов.

Теперь позволю себе привести специально для читателя «ЛГ» отрывок из той своей статьи, во-первых, потому, что многое из написанного тогда стало еще более актуальным сегодня, а во-вторых, в «Диагнозе» дан анализ самого механизма воспроизводства одной и той же модели политической борьбы в России на протяжении всего XX века. А это позволяет спрогнозировать и дальнейший ход событий.

Проект «Единая Россия»

Этот проект родился по многим, часто прямо противоположным мотивам многих политических игроков, исповедующих более чем расходящиеся взгляды. Но об идеологиях мало кто думал, а потому его эклектика не смущала авторов и исполнителей проекта. Подход был сугубо инструментальным. Нужен механизм для гарантированного проведения той линии, которую правящий класс будет проводить после выборов.

А кто будет главным в правящем классе? Это мы решим потом. Вернее, это решится по ходу подготовки и проведения выборов в нашей аппаратной борьбе. Власть будет у «Единой России», «Единая Россия» – в наших руках. Путин, естественно, не сможет проигнорировать столь мощный механизм и тех, кто им управляет.

Но мешали коммунисты. Без допинга победить их нельзя. Допинг один – путинский рейтинг.

Проект «Единая Россия» содержательно напоминал центризм, каковой, что очевидно, в стране Прохановых и березовских не существует, и фактически всего лишь фиксировал статус-кво.

И Путин уже весной это почувствовал. Статус-кво своей неопределенностью перестал его удовлетворять. На всякий случай, чтобы выиграть время и не сделать себя заложником не вполне очевидной ситуации, Путин дал добро на самостоятельные действия паре-тройке более мелких фигур. Кстати, выиграв от этого – карта пошла сама. Например, Анатолий Чубайс вдруг предложил свой вариант центризма – как альтернативу центризма «Единой России». Либеральный империализм. В расшифровке – смесь Березовского с Прохановым.

Управляемая демократия износилась

В управляемой демократии крайне важны две вещи. Центр управления и целеполагание. Ибо по сути своей управляемая демократия есть переходный от чего-то к чему-то режим. То есть он предполагает выбор, для которого Путин, как мы выяснили, вполне созрел.

Но проблемы возникли и с центром управления (он не един, что мы знали и до аналитической записки Глеба Павловского, но ее публикация сняла табу с публичных рассуждений на эту тему), и тем более с целеполаганием. Как мы тоже уже выяснили, Путина тянули в прямо противоположные стороны – в сторону Березовского и в сторону Проханова.

Короче говоря, наши политические разночинцы управляемую демократию, сильную именно своей цельностью, единством воли, до срока износили, ибо гоняли ее в прямо противоположных направлениях. Этим занимались все: Кремль во всех своих фракциях, ЮКОС, другие бизнес-группы, силовики, правые, левые, регионалы и т. д.

Система управляемой демократии, позволяющая административно корректировать волеизъявление избирателей и формально независимых институтов общества, как мы видели, в нашей российской истории чаще всего использовалась для того, чтобы через подчинение демократических процедур единой воле начальства установить власть одного лица или одной группировки и ликвидировать демократию вообще, оставляя лишь ее формальные институты. Но это не значит, что эта система не может использоваться для реализации прямо противоположной цели. Для сохранения демократии и создания нормальной системы сменяемости власти. На этот путь мы уже вступили.

Радикальный шаг здесь сделал, как это ни странно, Ельцин. Разогнав парламент под названием Верховный Совет, он учредил парламент под названием Федеральное Собрание. Ельцин выбирал меньшее из двух зол для себя. Мало кто помнит, но, ликвидируя своим указом № 1400 Верховный Совет, Ельцин обещал провести не только выборы в новый парламент, но и досрочные президентские выборы летом 1994 года. Но, естественно, последнего не сделал. Тем более что результат думских выборов 1993 года показал, что никаких шансов на переизбрание у самого Ельцина нет.

Тем не менее исторический шаг был сделан. Государственная Дума возникла и конституировалась в политическом сознании и общества, и правящего класса как необходимый институт политической системы страны, за влияние на который нужно бороться, а не просто игнорировать или тем более ликвидировать его.

Конституирование Думы, выборы половины депутатов которой проводятся по партийным спискам, стимулировало процесс партстроительства. Крайне ущербный, но тем не менее.

Как дальше бы в оптимуме должна была функционировать система управляемой демократии?

Очень просто. Центральная власть внимательно следит за процессами демократического волеизъявления на местах, и там, где с помощью демократических процедур к власти могут прийти опасные для нации или самой демократии силы, например уголовные элементы, выборы «корректируются». Кстати, примеры такого рода мы при Ельцине видели. Вспомним знаменитую эпопею борьбы г-на Климентьева за кресло мэра Нижнего Новгорода. И это не единичный случай.

Однако постепенно возобладал другой принцип определения задач, которые должна решать управляемая демократия. С помощью ее механизмов стали устраняться не те, кто опасны для нации и самой демократии, а те, кто оспаривал власть или собственность тех в Центре и в регионах, кому эти власть и собственность уже принадлежали. С помощью управляемой демократии стали преграждать дорогу во власть не криминалу (как раз ему в этом перестали мешать), не тем, кто представляет угрозу для нации, а просто политическим конкурентам и конкурентам в бизнесе. Последнее стало особенно актуальным, так как именно в 1994–1997 годах развернулся самый масштабный со времен большевистской национализации раздел собственности одной из богатейших стран мира (а по природным ресурсам – самой богатой).

Режим управляемой демократии окончательно был установлен в России теми, кто находился у власти и получил крупную собственность в ней в 1994–1997 годах.

Именно эти люди, половина из которых, а в центральных органах и более половины, именовала себя либералами и демократами, пресекли ход нормально-демократического развития России. Их сокровенным лозунгом было: «Там, где нет нашей собственности и нашей власти, – демократия, там, где наша собственность (или собственность, которая нас интересует) и наша власть есть, авторитаризм». И именно в эти годы под почти полный контроль тех, кто с этим лозунгом шел, а это был весь правящий и владетельный класс, были поставлены правоохранительные органы, судебная система и СМИ страны.

Кремлю позволено было оставаться лишь сюзереном вассальных группировок, полномочным решать арбитражные споры между вассалами, но отнюдь не вмешиваться в дела подконтрольных вассалам территорий (если даже это были целые субъекты Федерации) и тем более в дела полученной ими собственности.

Так в России сложился новый феодализм, прикрываемый многочисленными публичными рассуждениями о свободе слова, демократии и прочих соответствующих духу и моде времени гражданских правах.

Но феодальный строй, строго говоря, не нуждается ни в какой демократии, даже управляемой. Он автоматически тяготеет к авторитаризму. Ибо, с одной стороны, вассалы хотят подчиняться (даже как третейскому судье) только тому сюзерену, которого они сами выбрали. А с другой, сюзерен (президент, центральная власть) не должен быть намного могущественнее и богаче вассалов – иначе он превратит вассалов в просто более богатых, чем другие, своих холопов.

Олигархи и их сводные братья региональные бароны были заинтересованы в максимальном ослаблении президентской власти и в пребывании во главе ее зависимой ОТ НИХ и достаточно слабой фигуры.

Позже родился антидемократический «демократический проект» превращения России из президентской республики в парламентскую, дабы сформированные олигархами депутатские фракции в буквальном смысле выбирали вассалом сюзерена.

Утверждают, что ЮКОС осознанно готовился к реализации этого плана.

Эта ситуация автоматически приводила к тому, что центральная власть, президент вынуждены были сопротивляться, то есть проявлять авторитарные тенденции. Авторитаризм

Путина лишь на 10 процентов есть его личный авторитаризм, а на 90 процентов – неизбежный авторитаризм сюзерена, который, не стремись он к абсолютной власти монарха, неизбежно будет либо съеден, либо свергнут, либо подавлен объединенной волей своих вассалов.

Ельцинская система сдержек и противовесов была не формой демократии, а формой защиты личной власти сюзерена от алчности вассалов. Поскольку эта система создавалась не в XVII или XVIII веке, а в конце XX, она приняла вид управляемой демократии – политкорректной для эпохи модернизма изоморфозы конституционной монархии (см. текст Конституции РФ 1993 года).

Феодализм построен. Что дальше?

Отречение от престола Ельцина в пользу Путина есть абсолютно точная политическая аналогия отречению Николая II в пользу великого князя Михаила Александровича. Передать власть одному из своих «сыновей» – Чубайсу, Гайдару, Немцову, как почти открыто сказал Ельцин в своем недавнем интервью «Московским новостям», он хотел бы, но не мог. Не из-за того, что они, как цесаревич Алексей, слишком юны и слабы здоровьем, а потому, что «на выборах их не поддержали бы». Все-таки у нас хоть управляемая, но демократия. Все-таки наступил канун XXI века – совсем игнорировать мнение народа не модно, а главное – опасно.

Путин, по счастью, в отличие от Михаила Александровича, полномочия главы государства на себя возложил. И нового 1917 года во всех его прелестях (от Февраля до разгона Учредительного собрания) мы не увидели. Возможно, просто потому, что уже имели все эти прелести в 1990–1993 годах. Здесь – полнейшая аналогия: абсолютно все события 1917-го в этот период в России повторились. Однако, несколько укрепив с помощью управляемой демократии государственную (но не свою личную) власть и порядок, Путин не смог и не мог решить два главных вопроса, нерешенность которых, как я уже неоднократно писал, по-прежнему оставляет Россию в состоянии холодной (латентной) гражданской войны. Вопрос о власти и вопрос о собственности. Почему не мог?

Управляемая демократия – как переходный политический режим – позволяет это сделать при наличии, как уже отмечалось, единства воли и единства цели хотя бы правящего класса. А в современных условиях желательно (а чаще всего и обязательно) к этому добавить единство того и другого с волей и целями общества.

А этого не было.

Не един был не то что правящий класс – не един был даже Кремль! Ни в своей воле, ни в своих целях.

Есть безусловное единство воли Путина и воли народа. Свидетельство тому – знаменитый высокий рейтинг президента. Но из рейтинга политику не сделаешь, как не сваришь и кашу из топора. Нужно еще много что добавить. На рейтинг чья-либо политика может опереться, но до того ее нужно заиметь. Политику, консолидирующую интересы всех значимых сил общества и всех главных политических игроков, или, как сейчас модно выражаться, акторов. А как раз такую политику и не смог создать Путин за первый срок своего правления. Мы все и он сам заинтересованы в том, чтобы такая политика возникла до следующей смены власти в стране, то есть до 2008 года.

Управляемая демократия без единства политической воли и единства политических целей автоматически превращается либо в олигократию (1993–1999 годы), либо в охлократию или анархию – 1990–1993 годы, либо в авторитаризм. Какового мы по-прежнему не имеем. Даже и при Путине, хотя его многие, особенно в последний год, в этом обвиняют.

Жажду авторитаризма. Зову его: «Авторитаризм, ау, где ты?!» Нет ответа.

Дело в том, что по многим причинам авторитаризм центральной власти сегодня в России невозможен. Вот на региональном уровне и на уровне олигополий, то есть на уровне вассалов, он и возможен, и реально существует: авторитаризм Башкортостана и «Газпрома», Свердловской области и ЮКОСа, Чечни и РАО «ЕЭС». Его нет только в Центре, в Кремле, у центральной власти. Как бы она ни хотела. Есть авторитарные поползновения, направленные

против власти вассалов, но это авторитаризм, не управляющий неуправляемым авторитаризмом главных игроков!

Вот парадокс современной российской политической системы: ее демократизм поддерживается многообразием неуправляемых авторитаризмов олигархов и губернаторов, но эти же игроки не дают ни центральной власти, ни обществу в целом сделать шаг к настоящей демократии, да и к государственному авторитаризму на федеральном уровне.

Государственный авторитаризм центральной власти блокируется сознательной волей вассалов и пассивным неприятием общества. Потому он и есть авторитаризм неуправляющий. Пример тому – знаменитая вертикаль власти, очень стремительно переходящая в пунктир (иногда – уже на уровне правительства и некоторых федеральных органов, а уж на губернаторском уровне – точно).

А переход к настоящей демократии блокируется в первую очередь вассалами (олигархами и губернаторами), их клиентелой в бюрократическом аппарате (коррупция) и лишь в последнюю очередь лично Путиным. Конечно, им тоже. Но потому, что президент (я рассматриваю Путина как политическую функцию, а не как конкретного человека) знает, что если вдруг он своим личным распоряжением введет в стране полную, абсолютную и самоценную демократию, то это будет иметь одно из трех последствий:

1) реализацию этой демократии заблокируют бюрократы и вассалы, и президент потеряет поддержку и тех, и других, его свергнут как раз те, кто громче всего демократии требует; если же этот барьер, что почти невероятно, будет преодолен, то к власти в стране придут:

2) либо левые силы, которые уж точно посадят в тюрьму Ходорковского (и не только его) и начнут новый передел собственности, чего Россия не выдержит;

3) либо криминальные структуры, взлелеянные, кстати, и олигархами.

Вот та ловушка, в которой оказался Путин. В которой на его месте оказался бы любой. И старых методов решения проблемы нет. Хилый авторитаризм Центра бессилен перед совокупным неуправляемым авторитаризмом вассалов. Механизм управляемой демократии, отданный на распыл всем, кто оказался при власти и собственности, не позволяет ни управлять системой, ни демократизировать ее. Он лишь позволяет продлить шаткий статус-кво, возможно, привести к победе на выборах новую партию власти (то есть партию вассалов) и оказаться в еще большей зависимости от них. И вплоть до 2008 года решать те же проблемы, что и в первой легислатуре, да еще думать об очередной операции «Наследник».

Опереться же прямо на народ, двинув его против олигархов, чем, кстати, грозил в свое время от имени Кремля Глеб Павловский, – это значит развязать новую горячую гражданскую войну.

Кто выбирает костюм?

Управляемая демократия устала и перестала быть эффективной. В сторону авторитаризма более двух шагов сделать не дадут, да и сил нет. В сторону полновесной демократии идти опасно и боязно.

Но нового ничего не придумаешь. Единственный рецепт – консолидация общества и всех субъектов российской политики под знаменем либо общей идеи (что сложнее всего), либо единой воли (что кажется легче, но только на первый взгляд). А лучше – консолидация под знаменем общей идеи вокруг единой воли.

Для этого нужна сама единая воля и, следовательно, абсолютно неизбежен кадровый переворот (или, как говорили два-три года назад, кадровая революция). И он начался – вопрос лишь в масштабах. А масштабы, судя по первому шагу, будут значительные.

Ясно, что Путин не верит большинству олигархов ельцинского призыва или, во всяком случае, предпочитает разговаривать с ними с позиции силы. В целом это понятно и даже разумно. Но сила должна быть оформлена: команда, идея (публично оглашенные условия общественного договора), согласие общества и основных или большей части игроков (причем согласие искреннее, а не спекулятивное) с этими условиями (обязательствами каждого перед всеми и всех перед каждым), механизм реализации, которым, кстати, может

быть только та же управляемая демократия. Но в оптимальном, а не в нынешнем своем варианте.

Политический режим, унаследованный Путиным от Ельцина, изрядно нынешнему президенту надоел (да и обветшал, даже будучи перелицованным). Путин хочет сам выбрать новый костюм в своем гардеробе. Заглядывает в него – а там все костюмы, закупленные аппаратом. Надо звать нового портного. И звать самому.

Литературная газета, № 45,5-11.11.2003

Бремя всевластия
(Владимир Путин после победы его партии)

До президентских выборов марта 2004 года в декабре 2003 года состоялись парламентские выборы, на которых победу одержала созданная по инициативе Путина партия «Единая Россия».

Строго говоря, я не считаю и никогда не считал «ЕР» партией в точном смысле этого слова, да и вообще отношусь к ней весьма скептически и критически. Но в данной книге речь не о ней, а о Владимире Путине. Вот почему анализ результатов думских выборов декабря 2003 года, победа на которых «Единой России», безусловно, нужна была Путину как предтеча его будущей победы на выборах президентских, должен быть представлен здесь. Он был сделан мною в большой статье, которую попросил меня написать главный редактор «Российской газеты», хотя я и не был её штатным сотрудником.

Во многих, слишком многих комментариях результаты думских выборов оцениваются как сенсационные.

Это настолько удивительно, что невольно приходят на память слова, написанные 20 лет назад, в 1983 году, одним очень известным тогда человеком: «Мы плохо знаем страну, в которой живем».

Привожу эту цитату, рискуя вызвать восторг одних и проклятия других. Но ведь лучше не скажешь.

Автор приведенных слов – генеральный секретарь ЦК КПСС, а до того председатель КГБ СССР Юрий Андропов. Между прочим, если бы эти слова были написаны не им, а любым другим человеком в СССР, их бы сочли диссидентскими.

Диагноз Юрия Андропова оказался точным. Менее чем через 10 лет после публикации его статьи в журнале «Коммунист», в которой содержалось это диссидентское утверждение, страна рухнула. Одна из главных субъективных причин краха СССР – как раз это незнание.

Считать сенсационными результаты выборов в Думу могут только те люди (просто люди, эксперты, политики – не важно), которые не знают Россию и совершенно инопланетным взглядом оценивают все то, что происходило в ней в последние 12 лет.

В идеале (или в оптимуме) парламент своим составом должен представлять все значимые общественно-политические или идейно-политические силы общества в их реальном численном соотношении. И седьмодекабрьская Дума именно этому критерию полностью соответствует.

Главной политической силой России (и главным субъектом российской политики), ее правящим классом является бюрократия (иное название – просто «власть»), И партия власти «Единая Россия» имеет в Думе половину депутатских мандатов.

Второй по суммарной численности пакет думских мандатов, правда, разбросанных по разным партиям, – у национал-державников (или государственников): это и часть «Единой России», и часть КПРФ, и часть ЛДПР, и, наконец, собственно национал-державническая партия (блок) «Родина».

Державничество – первая по значимости политическая идеология, объединяющая десятки миллионов людей в сегодняшней России. Но организационно она менее оформлена, чем бюрократия (или бюрократическая идеология, суть которой: наш интерес – наша власть), потому и не смогла собрать всех своих последователей под одной партийной крышей. Впрочем, если бы предвыборная кампания длилась не месяц, а месяца три и «Родине» была

бы передана хотя бы десятая часть информационного ресурса, выделенного «Единой России», еще неизвестно, кто бы стал главным победителем выборов.

Третья по реальной мощи идейно-политическая сила в России – коммунистическая, представленная, естественно, КПРФ. Из-за грубейших ошибок в стратегии и тактике то ли всей верхушки КПРФ, то ли лично Геннадия Зюганова от коммунистического электората удалось отколоть значительную часть державников (так сложился блок «Родина»). Результат КПРФ упал вдвое (в сравнении с предыдущими выборами), но место в парламенте ей все равно было забронировано.

ЛДПР – несколько искусственная, сложенная лишь благодаря личным талантам Владимира Жириновского партия, надстроенная не над протестным электоратом, как ошибочно считают, – протестного электората у нас гораздо больше, чем участвует в выборах. Часть этого электората находится, например, в КПРФ. А ЛДПР – это то же державничество, но только безыдейное, не знающее, какую экономическую модель нужно выбрать.

В этой связи, кстати, можно сказать, что все четыре партии, прошедшие в Думу, – это державнические партии, ибо державничество – абсолютно доминирующая идеология сегодняшней России.

Но как раз экономическая составляющая державничества у четырех партий-победительниц разная.

Итак, ЛДПР – безыдейное державничество: держава (империя) первична – экономический базис любой.

«Единая Россия» – державничество плюс наша власть плюс наш капитализм (тоже не слишком идейно).

КПРФ – державничество плюс социалистический капитализм (советского типа).

«Родина» – национал-капитализм (то есть капитализм не транснациональных корпораций, а наших, отечественных, а потому и социально ответственных). Идеологии национального капитализма не чужда и «Единая Россия», просто там неизбежно превалирует акцент на сохранении своей власти.

Между прочим, в 1994 году победу национал-капитализма в России предсказывал в своей статье, которая так и называлась – «Национал-капитализм», известный русский националист Александр Севастьянов. Как в воду глядел…

А где же остальные?

А остальных так мало в обществе, что и места в Думе им не нашлось.

Иных классов, кроме правящего, у нас нет. Нет и их представительства в парламенте. Миф о среднем классе, который, по оценкам некоторых социологов, политологов и экономистов, составляет чуть ли не 25 процентов трудоспособного населения страны, есть, а самого среднего класса – нет.

Есть наиболее богатая часть правящего класса, ориентированная не на этатизм, а на либерализм и индивидуализм, она и дала результат СПС – меньше 5 процентов. Почему раньше было больше? Потому что раньше (в 1999-м, когда уже был СПС, и еще раньше, когда либералы выступали под иными торговыми марками) либералы-избиратели знали, что либералы-политики входят в правящий класс и пользуются там большим влиянием. С 2000 по 2003 год ощущение того, что знание это соответствует реальности, стало истончаться. В 2003 году так считали уже только тугодумы. Арест Ходорковского открыл глаза и им.

Поэтому либералы-прагматики (то есть бизнесмены) переметнулись на сторону власти. И за СПС проголосовали только либералы-идеалисты, то есть нищие либералы (такие тоже есть).

«Яблоко» – партия русских интеллигентов, на каждых последующих выборах в Думу теряло по 1 проценту электората. В 1999 году оно подошло к результату в 5,5 или 5,6 процента, точно не помню. Соответственно, в 2003 году результат должен был быть 4,5 процента. Так и случилось. Просто потому, что современное российское общество, в отличие

от прежнего советского, интеллигенцию ни как класс, ни как социальную прослойку не воспроизводит. Электорат «Яблока» просто вымирал.

Такой профессионально-социальный слой, как российское крестьянство, – единственный из профессиональных слоев, с которым систематически, пусть не очень хорошо, работают партийные и квазипартийные структуры, – мог бы дать аграриям полноценную фракцию в Думе – как это один раз уже было, в 1993 году. Но у Аграрной партии Михаила Лапшина часть электората отобрало проединороссовское Российское аграрное движение.

Более никаких иных хоть в какой-то степени структурированных общественно значимых групп, слоев, классов в российском обществе нет. Следовательно, нет и партий, набирающих больше 4 процентов голосов избирателей. Следовательно, нет и не может быть их представительства в парламенте (ни реального, ни потенциального).

Двенадцать лет экономических и политических реформ так и не создали нового (в смысле современного) российского общества. Мы видим лишь остатки советских еще классов и социальных слоев: бюрократия, бюджетники, интеллигенция – и приматов из «общества будущего»: челноки, палаточники, олигархи, легализовавшийся криминалитет и прочее. Но приматы не есть существа общественные, тем более – политические. Приматы бродят стаями и подчиняются либо тому, кто кормит, либо тому, кто сильнее. Сегодня сильнее власть и жажда нового обретения державы (раз уж достойной зарплаты и пенсии все равно не дождешься).

Редакция газеты «Коммерсантъ» очень гордится тем, что в ее недрах родился термин «новые русские». Термин хорош, но, к сожалению, к жизни не приложим. Никаких «новых русских» нет (по крайней мере, среди тех, кого ими именует «Коммерсантъ»), что доказывается, кстати, и описанием самим «Коммерсантом» стиля жизни этих «новых русских». Есть новые приматы – единственное пока массовое человеческое достижение реформ.

А «новыми русскими», кстати, точнее было бы назвать лидеров блока «Родина».

Самоубийство либералов

По подсчетам социологов и политтехнологов, электоральная база либеральных реформаторов в начале 90-х годов составляла 30 процентов избирателей России, а к 2003 году она сузилась до 5 процентов.

Происками коммунистов, бюрократов, реваншистов, националистов и прочих такое сужение электоральной базы либералов объяснить нельзя. Его можно объяснить только тем, что либерал-реформаторы, составлявшие основу правительств Гайдара, Черномырдина и Кириенко, проводили такие реформы, которые уничтожали электорат либералов и расширяли сверх всякой меры электорат державников, государственников, этатистов, патерналистов, империалистов, антирыночников, – словом, кого угодно, но только не либералов. Это объективная составляющая самоубийства наших либерал-реформаторов.

Субъективная составляющая в том, что даже в 2003 году, даже за неделю до думских выборов либерал-реформаторы из СПС все еще объясняли избирателям, что они, во-первых, часть власти (то, что это не так, уже знали их потенциальные избиратели из предпринимательской среды), а во-вторых, что своими реформами они осчастливили российское общество (а в это не могли поверить склонные к либерализму потенциальные избиратели СПС из непредпринимательской среды). Лидеры СПС целых три недели из самой ответственной части предвыборной кампании оперировали лозунгами, в которые верили уже только они сами. И лишь в последние дни, почувствовав, что летят в пропасть, поменяли лозунги и забили тревогу: наступает национал-социализм!

Ну, допустим, и лозунг сомнительный. А главное – разве можно напугать каким-то неведомым национал-социализмом российских избирателей, переживших годы либеральных реформ?!

А как же свободный бизнес? Почему он не откликнулся на алармизм лидеров СПС? Просто потому, что никакого свободного бизнеса в годы ельцинских «либеральных» реформ создано не было. Лидеры СПС кричали в пустоту.

Политическое самоубийство конкретных лидеров русского либерализма дело печальное, но не трагическое. Но похоже, что они выжгли (может быть, на время) всю территорию русского либерализма. А вот это стало бы трагедией.

Надеюсь, что это не так. Надеюсь, что, впервые оказавшись в реальной оппозиции (вне комфорта думских кабинетов, думской трибуны и думской неприкосновенности), наши либералы сделают три ответственных шага:

1) сменят лидеров, а главное – весь аппарат своей партии, включая аппарат интеллектуальный;

2) выставят кандидата от либеральных сил на президентские выборы 2004 года;

3) не сбегут за границу, чем опровергнут хотя бы один аргумент из тех, которыми клеймят их конкуренты.

Справедливости ради нужно сказать и вот еще что. В экстазе борьбы за суперрезультат для «Единой России» Кремль не учел, что у региональных баронов свой счет к лидерам СПС и «Яблока» конкретно и русским либералам и демократам вообще. А административный ресурс, строго говоря, находится в руках не Кремля (в его руках, скорее, информационный ресурс), а в руках как раз глав субъектов Федерации. И, получив команду «не поддерживать», региональные бароны решили отомстить либералам и демократам по полной программе, проще говоря, выражаясь языком «новых русских», «замочить» их. Что и было сделано.

Подарок для Путина

Принято считать, что Дума, которую мы получили, есть лучший подарок для президента Владимира Путина. Я очень и очень в этом сомневаюсь.

Монополизм власти есть не подарок и не благо (диктаторами от хорошей жизни не становятся), а тяжелейшее бремя.

Давайте посмотрим, какие политические тенденции, зафиксированные и выборами 7 декабря, получил Владимир Путин к окончанию первого срока своего правления.

Первую мы уже зафиксировали: государственничество пухнет и ширится – либерализм хиреет. Но видеть в этом чью-либо злую волю, Кремля например, просто смешно. Лучше взглянуть правде в глаза. За 12 лет существования в России либерализма как политического течения и конкретной политики он почти полностью дискредитировал себя в глазах большей части избирателей.

Государственничество, державничество, или, на западный манер, этатизм, напротив, набирали силу. И как практическая альтернатива либерализму, так и не сумевшему решить экономические проблемы страны, а главное – дать нечто значимое большей части населения, и как политико-психологическая опора для тех, кого скорее шокировали и раздражали, чем радовали, проявления русского либерализма, часто столь же бессмысленного и беспощадного, как и русский бунт.

Вторая тенденция, ярко проявившая себя в политическом цикле 2000–2003 годов, – дряхление, казалось бы, совсем нестарой элиты, пришедшей к власти вместе и вслед за Ельциным. Ни новых идей, ни новой политики, ни новых людей. На либеральном и демократическом фланге – вообще ни одной новой крупной фигуры. Ни одной.

Третья тенденция – громаднейшая по значению, и я не раз об этом писал и говорил. Два главных политических вопроса: вопрос о власти и вопрос о собственности – так до конца и не решены в ходе политических и экономических реформ 90-х годов. Лично я придерживаюсь того мнения, что эта нерешенность фиксирует продолжение в России холодной (латентной) гражданской войны, что объясняет очень многие эксцессы последнего времени. Дело ЮКОСа, например.

А там, где не решены эти вопросы, нет настоящей политической стабильности, нет единства элиты внутри себя и единства элиты и общества. Это – четвертая тенденция.

В России по-прежнему нет общественного договора – свода писаных или неписаных пунктов общественного согласия, затрагивающих основные аспекты социального устройства

в реалиях рыночной экономики и политического плюрализма. Общество одновременно и расколото на просоветских традиционалистов и рыночных модернистов, и вообще атомизировано до местами почти полного распада. Война всех против всех и каждого против каждого – вот закон сегодняшней жизни России, вот закон жизни ее элиты.

Пятая тенденция – продолжающаяся неопределенность того, какой политический режим формируется в России. Никто с точностью не может сказать, останется ли в ближайшие десять лет Россия президентской республикой или станет парламентской, какие партии в ней сохранятся, а какие исчезнут, каковы будут отношения Центра и регионов.

Наконец, шестая тенденция, кажущаяся многим несущественной, но большинством ощущаемая (пусть неосознаваемая) как колоссальная проблема. Это тенденция продолжающейся геостратегической неопределенности. Новая (уменьшенная в размерах) Россия так и не нашла своей самоидентификации. Страна без естественных границ и с границами незащищенными. Разделенная нация. Страна с по-прежнему глобальными претензиями, но далеко не глобальными возможностями. Не вполне Европа, но безусловно не Азия. И даже – в силу указанного выше – не совсем Россия.

Это главные, но отнюдь не все тенденции, то есть растянутые во времени и нерешенные или плохо решенные проблемы, которые автоматически задают повестку дня для следующего четырехлетия власти Владимира Путина. Но главных пунктов в этой повестке три: проблема либерализма, проблема модернизации и проблема сохранения власти. Вокруг этих трех пунктов и будет крутиться вся внутренняя политика Путина в 2004–2007 годах.

Всевластие и бессилие

Думские выборы завершились. Представим, что думает Владимир Путин, анализируя их результаты.

Левые (КПРФ) – по-прежнему значимая сила. Особенно если найдут в себе силы модернизироваться.

Либералы слабы как никогда. А потому частью растеряны, частью озлоблены, частью напуганы. В общем – деморализованы, а потому способны на любые глупости.

Так называемые центристы, а точнее – управляемые державники имеют большинство в Думе. Казалось бы, желанный результат достигнут. Но радости нет.

Настоящей партией «партию победителей» назвать нельзя. Поэтому и бессмысленно строить на основе ее доминирования в Думе игру в двухпартийную политику. А однопартийная политика – это вся ответственность на президенте.

Более того, эта партия опасна, ибо ничем иным, кроме как партией бюрократии, она не является. А бюрократия, и это Путин прекрасно понимает, – главное зло России и главный враг того, кто во главе России стоит. Можно строить любые вертикали власти, но бюрократия все равно выхватит эти вертикали из рук президента. Можно быть либералом, можно – консерватором, можно – социалистом. Бюрократия все равно будет пропускать сквозь себя только такие решения президента, которые выгодны ей.

А теперь своими собственными руками президент еще и создал бюрократии политическую и партийную легитимность, дал рычаги воздействия на законотворческий процесс.

Сформировать правительство на основе этой партии? Не будет никакого движения вперед. Сформировать беспартийное правительство? Значит, противопоставить это правительство «партии победителей» и опять мучительно из Кремля руководить проводкой каждого из нужных законов. Зачем тогда нужно было затевать всю эту историю с партией власти?

А ведь нужно проводить зачистку губернаторов, явно засидевшихся на своих местах. Но все они – творцы успеха партии власти на выборах. И каждый попытается если и не сохранить свое место, то хотя бы оставить своего наследника на нем, продолжая контролировать из закулисья положение дел в своих регионах.

Словом, как ни крути, опять нет иного выхода, кроме усиления президентской власти и использования внеправовых мер борьбы с непокорными. И это в тот момент, когда в руках, казалось бы, вся власть, когда конкурентов нет и самое время заняться решением важнейших проблем страны, дабы, помимо прочего, оставить по себе добрую память в российской истории.

Что же теперь, когда вроде бы все у тебя в руках, а государственный механизм все так же неэффективен и неподконтролен, делать?

Проблема либерализма

Уничтожив либералов как политический класс, в первую очередь за счет их собственного самоуничтожения, Владимир Путин оказывается перед тем, что сам становится главным и единственным либералом во власти. Как отстаивать рыночные принципы, когда с одной стороны – коммунисты и державники, ратующие в лучшем случае за госкапитализм, а с другой стороны – центристы, желающие госкапитализма с олигархической добавкой, ибо их собственные богатства находятся внутри этих олигархических структур?

Надо начинать войну с губернаторами, держателями контрольных пакетов акций в тех крупнейших структурах, которые остались после разгрома и усмирения олигархов общероссийских. Но на кого опереться? Не на КПРФ же?

Общефедеральных олигархов не интересовал мелкий и средний бизнес – основа нормальной рыночной экономики – просто потому, что они делали деньги на другом. Они не помогали становлению этого бизнеса, но не убивали его. Олигархи региональные не столь равнодушны к этой материи. Для них средний и мелкий бизнес – конкурент. Они не равнодушны к нему. Они его ненавидят (если он не под их контролем) и уничтожают.

Проблема модернизации

Россия отстает. Удвоение ВВП или утроение проблемы не решает. Нет инвестиций в производственную и инновационную сферы. Сырьевым олигархам эти инвестиции были не нужны, но и региональные олигархи тоже в основном сырьевые. В природных богатствах, контролируемых ими, ключ их могущества и процветания. Но они не только являются партией власти, они – сама власть в регионах. Отобрать ресурсы на модернизацию у них гораздо сложнее, чем у федеральных олигархов, ресурсы которых идут на поддержание федерального бюджета со всеми его колоссальными расходами, так до сих пор и не покрывающими нужды страны.

Следовательно, остается традиционный вариант российской модернизации (Петр Великий, Екатерина, Александр II, большевики) – за счет народа. Но взять-то с него нечего. И где вообще этот план модернизации – с целями, приоритетами, механизмами, теми же ресурсами? Кто его читал?

Проблема власти

Она, как всегда, сводится к двум аспектам. Ее не хватает в пространстве и во времени.

Партия власти, являющаяся партией власти бюрократии, а не партией власти президента, создает больше проблем, чем решает. Следовательно, для того чтобы решить проблемы второй президентской легислатуры Путина, нужно эту партию власти либо разрушить, либо авторитарно возглавить (а дадут ли это сделать – ведь тут та же проблема, что и с неуправляемостью бюрократии в стране в целом). Во всяком случае, мало шансов на то, что удастся наложить налог на модернизацию на членов партии победителей, реально не подчинив их себе. А сразу же сделать это не удастся.

Но это можно попытаться сделать постепенно, для чего необходим резерв времени, явно превосходящий отведенные Конституцией четыре года президентства.

Словом, важнейшей проблемой второго президентства Владимира Путина автоматически становится проблема увеличения этого срока. Естественно, на вполне законных основаниях, без нарушения Конституции.

Со стопроцентной уверенностью можно сказать, что проблема легитимного продления пребывания Путина у власти станет одной из главных забот если и не его самого, то, по крайней мере, его команды. И причин тому, помимо той, что я уже назвал, много, всех и не перечислишь.

Как оставить Путина у власти?

Есть пять наиболее целесообразных и реальных сценариев решения этой задачи, и сегодня трудно сказать, какой из них будет выбран. Многое будет зависеть как раз от того, как сложатся реальные, а не официальные взаимоотношения Путина и «Единой России» после выборов 7 декабря и 14 марта.

А сценарии таковы.

Первый. Через референдум внести поправку в Конституцию, увеличивающую срок пребывания президента у власти с четырех лет до семи-восьми. При нынешней популярности Путина и отсутствии хоть какой-то альтернативной фигуры это наиболее простой способ, но он создает прецедент изменения Конституции, чего многие боятся, да и сам президент уже успел отвергнуть.

Второй сценарий. Он хорошо известен, ибо описывался еще в ельцинские времена и связан с созданием нового Союзного государства (России и Белоруссии или в более крупном масштабе). В принципе, это идеальный вариант, хотя и требующий для своей реализации решения очень многих сложных проблем. В любом случае, и не только по этой причине, политика интеграции постсоветского пространства во второй срок путинского президентства будет резко активизирована.

Третий сценарий. Превращение де-факто или даже де-юре России из президентской республики в парламентскую. Вот, строго говоря, для чего нужна «Единая Россия» как партия, обладающая большинством в Госдуме. Для реализации этого сценария, кроме партии власти, нужны еще несколько элементов: управляемость Совета Федерации (наличествует), Конституционного Суда (спорный вопрос), неамбициозный и верный наследник на посту президента в 2008 году (техническая на сегодняшний день проблема, хотя лично я предвижу, что к 2007 году в России непременно появятся две-три абсолютно новые сильные харизматические фигуры как претенденты на пост президента – слева и справа).

По этому сценарию Путин передает президентскую власть своему человеку, который не сопротивляется тому, чтобы реальная власть в стране перешла к главе правительства, которым становится Путин. А главой правительства, по Конституции, можно быть сколь угодно долгий срок.

Такое продление власти можно осуществить и без изменения Конституции.

Четвертый сценарий. Более жесткий вариант третьего. Россия остается президентской республикой, но только президент (что требует изменения Конституции) избирается не прямым всенародным голосованием, а парламентом. Этот сценарий маловероятен, ибо слишком недемократичен.

Пятый сценарий. Его я подробно описывал в «Российской газете» год назад в большой статье, посвященной 50-летию Путина. Коротко говоря, он сводится к следующему.

В ходе второго срока президентства Путин начинает «официально» возглавлять партию власти. Эта партия приводит к власти в 2008 году слабого или неамбициозного политика, но формирует сильное правительство во главе с Путиным. К выборам 2012 года (тогда ему будет всего лишь 59 лет) глава правительства становится главным кандидатом на пост президента, а Конституция России не запрещает повторного избрания на президентский пост после перерыва.

Этот сценарий требует того, чтобы фактически уже с 15 марта 2004 года Владимир Путин лично и каждодневно занимался делами «Единой России», превращая эту партию из номинально своей в реально свою.

Недореформированная Россия

Проблема власти слишком серьезна, чтобы ее мог игнорировать человек, находящийся у власти. Совершенно очевидно, что при всех успехах первого путинского четырехлетия за второе он не сможет и не успеет решить всех фундаментальных проблем, которые стоят перед Россией сегодня. Преемник в России – это всегда смена курса (это происходит не только с 1917 года, но фактически от Петра Великого). Наша Россия (при всей моей любви к ней) – это перманентно недоделанная (изящнее – недореформированная) страна, поэтому столь понятно подсознательное стремление правящего класса всякий раз длить до бесконечности пребывание на высшем посту того, кто его занимает.

Ельцин, сделав полушаг вперед, решил продлить себя не в самом себе (возможно, потому, что уже не чувствовал силы), а в преемнике.

Как решит эту проблему гораздо более молодой Путин?

И только ли от него будет зависеть его решение?

Монолитность рядов победителей, как правило, сохраняется только до первых кадровых назначений. Удовлетворить запросы всех, не обидеть никого просто невозможно. Многопартийность хороша уже тем, что даже личные склоки объективирует в политическую борьбу. Монопартийность и политическую борьбу превращает в аппаратные склоки. А кроме того, вне конкурентной среды, не опасаясь критики и разоблачений оппозиции, партия власти начинает, особенно если возникают сложные проблемы, которые она не способна решить, просто обманывать лидера. А он лишается возможности наказывать обманщиков, ибо всякое наказание становится дискредитацией собственной партии. С заунывностью зубной боли возникает тоска по мощной легальной оппозиции. Не может же ее заменить одна Генеральная прокуратура.

Но главное – получившие все чаще всего предпочитают вообще останавливать реформы. Ибо всякие реформы – это, как правило, начало отстранения от власти тех, кто их затевает и ведет. Если кому-то в нашем правящем классе это неизвестно по мировому опыту, то история Горбачева и русских либералов 90-х годов всеми глубоко прочувствована.

Ситуация, в которой оказался Путин, внешне столь благополучная, требует от него и его команды интеллектуального прорыва такой мощи и целеустремленности, какой не создашь простым вращением властных механизмов. По сути, нужна интеллектуальная революция. Единственная из всех революций, которая пока так и не случилась в России в конце XX века и в начале века XXI.

* * *

Раньше, для того чтобы войти в российскую Думу, нужно было ругать коммунистов. Теперь успех приносит клеймение и коммунистов, и либералов. Если к 20… году к ним добавятся еще и державники, то более клеймить будет некого. И соответственно, некого в пятую Думу будет избирать.

Мы имеем последний шанс – либо плод демократии в России все-таки созреет, либо опять сгниет. Согласитесь, есть причины быть неравнодушным и к делам седьмодекабрьской Думы, и к политическому процессу в нашей стране вообще. Можно сказать – впереди решающее четырехлетие.

Российская газета, 11. 12.2003

Почему победил Путин

Why do we need mr. Putin? (1)

(Президентские выборы: год спустя, за три года до)

Эта и следующая статьи написаны по итогам первых президентских выборов Путина, состоявшихся в 2000 году.

«Who is mr. Putin?» (Кто такой г-н Путин?) – над этим вопросом, заданным американской журналисткой год и два месяца назад в Давосе, возможно, кто-то еще ломает голову – есть, говорят, такие тугодумы.

Однако сегодня, год спустя после того, как этот г-н Путин выиграл президентские выборы в России, гораздо интереснее и важнее ответить на вопрос: зачем нам г-н Путин? (Why do we need mr. Putin?) Что он может сделать для страны, работая в должности президента президентской республики под названием Российская Федерация? Что способен (а что не способен) сделать? Что способен сделать вообще, а что – в оставшиеся три года до новых выборов? В этой связи предстоит в первом приближении ответить и на такой вопрос: стоит ли голосовать за него в марте 2004 года?

Для ответа на эти вопросы, небезынтересные, надо думать, и для зарубежных стран, придется заглянуть в год, прошедший с 26 марта 2000-го.

Если учесть тот масштаб хаоса, развала и анархии в стране, который Путин как президент наследовал от Бориса Ельцина, сделано за год немало.

Успешно завершена общевойсковая военная операция в Чечне. Несмотря на все остающиеся, крайне серьезные и по определению затяжные коллизии, связанные с Чечней, ряд фундаментальных проблем практически снят:

1) восстановлена территориальная целостность России;

2) в значительной (но далеко не в полной) мере восстановлено доверие Вооруженных сил и спецслужб к власти;

3) сама проблема Чечни выведена на периферию общественного сознания (но не политики).

Реализована первичная политическая реформа – из анархо-олигархического режима Россия переведена в режим управляемой (бюрократией) демократии.

Восстановлена (в значительной степени) управляемость страной в собственно управленческом и законодательном смысле: минимизированы правовая чересполосица и «бархатный» региональный сепаратизм. Сделаны первые робкие попытки (изредка удачные) разбюрокрачивания экономики и (еще реже успешные) попытки разбюрокрачивания самой бюрократии.

Поставлены под политический контроль государства (еще не нации) претендовавшие ранее на абсолютно независимую от интересов страны политическую субъектность финансовые группировки (олигархи).

Обеспечена лояльность, то есть в определенной степени и конструктивность, Думы, Совета Федерации, Федерального Собрания в целом.

Не порушена ни одна из политических свобод, и в чем-то повышен уровень обеспечения основных гражданских прав.

Наблюдаются определенные экономические успехи (не без благоприятного воздействия высоких цен на нефть). Реализуется достаточно либеральная налоговая реформа. Сделаны попытки перевести вектор активности естественных монополий с обслуживания эгоистических интересов их менеджеров (а фактически – негласных владельцев) на обслуживание интересов страны в целом.

Отчасти решены некоторые (самые горячие) социальные проблемы. Под решение других разрабатываются соответствующие реформаторские планы.

Восстановлена (через принятие смешанной государственной символики) историческая преемственность современной России не только по отношению к мифологизированной царской России, но и к еще живому для многих советскому периоду.

Исторический нигилизм перестал быть официальной, хоть и официально не провозглашенной идеологической доктриной страны.

У России вновь возникла внешняя политика. Пока еще не вполне адекватная суровым реалиям геостратегического доминирования США, но все-таки политика. Определены реальные внешнеполитические угрозы.

Публично поставлены (пока еще только поставлены) некоторые из фундаментальных в своей остроте проблем, о которых даже боялись заикаться при Ельцине официальные лица: проблемы депопуляции, русского языка, русских как разделенной нации, геополитической судьбы Сибири и Дальнего Востока, вписывания в процесс глобализации, утечки «серого вещества», проблема выживания России как совокупность всех перечисленных (и иных) проблем.

Путин неплохо (по крайней мере, активно) вписался в круг мировых (кроме президента США) лидеров.

Сохранен уникально высокий персональный рейтинг президента внутри страны.

Этот список можно было бы множить (точнее – дробить на составляющие). Но и сказанного достаточно, чтобы высоко, очень высоко оценить первый год президентства Путина, особенно если вспомнить, что еще два года назад, то есть в марте 1999 года, и сам Путин, и никто другой не подозревали, что человек по фамилии Путин станет не то что президентом России, а даже и просто видным публичным политиком.

Однако буквально каждое из приведенных выше в качестве позитива действий Путина можно уязвить или существенно умалить ошибками, провалами, побочными негативными последствиями, уродливостью (реформа Совета Федерации), нерешительностью, отступлениями назад, иногда безобразно глубокими отступлениями. В словах даже самых брутальных, самых неискренних, самых циничных, самых ангажированных критиков Путина содержится та или иная доля основательности.

Но задумаемся, что призван был сделать Путин в первый год своего президентства? Сделать он должен был следующее.

Животных (либеральные русские социал-дарвинисты меня поймут, а остальные – простят), включая хищников и пресмыкающихся, выпущенных горбачевской перестройкой и особенно ельцинской анархией из клеток зоопарка и пожиравших несколько лет подряд на улицах города друг друга, а заодно и мирных граждан, не загонять назад в клетки, а расселить в предназначенные им рынком, демократией и национальными интересами природно-экологические ниши.

От вольницы – к воле, от воли – к свободе. Вот, по большому счету, лозунг первого года путинского президентства.

В каком-то смысле это, конечно, попятное движение, создающее ощущение сползания к авторитаризму. Реальные же проявления авторитаризма, не столь уж и малочисленные, сегодня ничуть не более часты, чем при Ельцине. Только в системе ельцинского режима их сподручнее было бы определять советским политическим термином «волюнтаризм руководства».

* * *

По итогам первого года президентства Путина мы можем теперь дать описание, основанное на опыте не только позитивной, но и негативной составляющей реального образа политика Путина.

В позитивной составляющей я бы выделил четыре главных аспекта.

Первый.

Владимир Путин – это президент России, видящий свою миссию в возрождении величия России во всех его, величия, существенных компонентах – как страны, государства и нации. Причем величия в рамках рыночной экономики, демократической системы и материального благополучия населения, ибо все это суть основные гаранты конкурентоспособности страны в условиях глобального соревнования не только за лидерство, но и, взглянем правде в глаза,

за выживание. Именно в этом смысле Путин абсолютно справедливо утверждает, что либо Россия будет великой, либо ее не будет вовсе.

Второй аспект имеет отношение к феномену сохранения беспрецедентно высокого рейтинга (популярности) Путина в народе. Путин по-прежнему пользуется объективно выгодным для него контрастом между ним и Ельциным лично, а также между его политикой (действовать, строить) и ельцинской (бездействовать, разрушать). Судя по всему, запас прочности этого контраста настолько велик (очень уж запал в душу «дорогим россиянам» образ автора этого обращения к «электорату»), что на одном нем Путин сможет ехать еще год, а то и два.

Путин не имеет соперников. Наша политическая система абсолютно не способна рождать равновеликих Главному начальнику конкурентов. Наша оппозиция, что слева, что справа, умеет критиковать власть, но не умеет с ней конкурировать.

Третий аспект позитивного образа Путина тоже зиждется на сравнении (контрасте). Но это сравнение не столь оптимистично, как в случае с Ельциным.

Отчасти это ущербность нашей недоделанной и управляемой демократии, отчасти – ущербность оппозиции, переходящая в ее отсутствие (реальное, а не номинальное). Конечно, это еще и наследие генетического цезаризма русской системы власти (что в авторитарном, что в демократическом варианте), а также патерналистской ментальности страны, населения, избирателей, следовательно – и представителей оппозиции (Ельцин, надо признать, на восходящей линии своей оппозиционности Горбачеву инстинктивно отверг эту ментальность).

Четвертый аспект позитивного образа Путина внешне совпадает с первым: деятельность. Но только внешне. Ельцин (при власти) ведь тоже временами был активен до умопомрачения, правда главным образом когда дело касалось защиты его личной власти.

Путин не только деятелен (в отличие от позднего Ельцина). Он делает то, что нужно стране. Не всегда так, как нужно, но всегда берется за то, что нужно. Это, конечно, тоже вдохновляет народ на поддержку президента и даже на прощение ему ошибок.

*** * ***

Слава богу, мы не на политических похоронах Путина и даже не на его юбилее. Поэтому самое время сказать и о довольно многочисленных недостатках политики президента Путина, и о личных его недостатках как политика. Существенных недостатках, пока еще не перекрывающих его, Путина, и ее, политики Путина, достоинств, но за быстротечностью времени (через год надо начинать готовиться к предвыборной кампании 2004 года, а через два – начинать и саму кампанию) чреватых поражением. Не на выборах (это дело второе, к тому же по большому счету – его личное дело). Чреватых поражением того хорошего, что Путин начал в России и что в России началось при Путине.

Независимая газета, 23.03.2001

Why do we need mr. Putin? (2)
(От проекта «Путин» к проекту «Россия»)

Зачем нам, России, господин Путин? Продолжая рассуждения на эту тему, напомню, что в целом итог деятельности первого года президентства Владимира Путина я определяю сугубо положительно.

Однако и отрицательных черт в поведении и действиях президента проявилось достаточно. Какая-то их часть может быть отнесена на его неопытность как публичного политика, да еще в статусе главы государства. Какая-то – на комплексы, связанные со спецификой первой профессии. Какая-то относится к числу личных качеств, в том числе и таких, которые неважны, незаметны или нейтральны в обыденной жизни или на средних постах, но бросаются в глаза и мешают эффективной политике при работе в президентской должности.

Неопытность проходит и, безусловно, пройдет. Порукой тому предыдущий стремительный карьерный рост Владимира Путина – на пустом месте такой рост развиваться не мог.

От прежних, сугубо специальных привычек придется постепенно избавляться. Даже несмотря на очевидный популистский эффект демонстрации брутальности в поведении, тем более что направлена эта брутальность не на всех, кто этого заслуживает.

Человеческие слабости, имеющиеся у всех, могут быть компенсированы лишь очевидными успехами деятельности на президентском посту (что, собственно, в настоящее время и происходит).

Я, разумеется, не намерен делать полномасштабный обзор «недостатков» Путина, тем более чисто личных. Коснусь только того, что, на мой взгляд, значимо политически.

Главными недостатками политики Путина, проявившимися за год его президентства, я считаю следующие.

Во-первых, Владимир Путин, что, кстати, он сам отметил в своем последнем интервью главным редакторам четырех российских газет, не нашел рецепта победы над отечественной бюрократией.

А ведь некоторые из составляющих этого рецепта давно известны, и требуется лишь политическая воля для их реализации.

Кстати, то, что, по-моему, впервые президент обозначил борьбу с бюрократией (в злокачественной ее части) как важнейший приоритет – это само по себе беспрецедентно.

Во-вторых, президент, на мой взгляд, целеустремленно действуя там, где он уверен в своей правоте, излишне мягок там, где он не знает, как решить ту или иную проблему. С одной стороны, в этом случае он не хочет (видимо, по провозглашенной им логике «президент отвечает за все») полностью передавать ответственность тем, кто, собственно, и должен отвечать за такое решение. С другой стороны – он слишком снисходителен к ошибкам тех, кто ему симпатичен, верен или тем более находится с ним в приятельских или дружеских отношениях.

Жесткость и даже временами наблюдаемый бонапартизм Путина далеко не абсолютны. Он вовсе не напоминает того «железного» чекиста, образ которого ему приписывают. Мне даже кажется, что в некоторых случаях Путин опасно уступчив.

Конечно, Путин боится ошибиться. И прежде всего потому, что понимает, как велика сегодня цена ошибки в России. Но его попытки во всем разобраться самому (что я, кстати, видел во время встречи президента с главными редакторами 13 января, когда Владимир Путин вникал в такие нюансы излагаемых ему проблем, которыми должны бы заниматься его многочисленные министры и помощники) – эти попытки часто нерациональны с точки зрения приоритетов президентской ответственности.

В-третьих, что вытекает из «во-вторых», Путин почему-то не решается расставаться с откровенно слабыми сотрудниками – даже если они не являются крупными политическими фигурами.

А власть в этом плане должна быть не только жестка, но и жестока: сантименты и нерешительность обходятся в конечном счете очень дорого.

В-четвертых, что, безусловно, ведет и к нерешительности кадровой политики Путина, президент до сих пор не сумел подвигнуть свою команду на разработку реального и инструментального плана, или, как сейчас говорят, проекта «модернизации России». Многочисленные либеральные и псевдолиберальные проекты, к которым Путин тяготеет прагматически, либо банально очевидны, либо утопичны (то есть неграмотны), либо корпоративно ангажированны. Этим планам Путин, естественно, интуитивно не доверяет.

Консервативные проекты, к которым Путин неравнодушен психологически, пугают Путина своим очевидным реваншизмом.

Но в совокупности все это означает пока только то, что Путин не имеет не только продуманной и развернутой программы политических и экономических реформ (кроме очевидных их направлений), но и такой важнейшей, а в чем-то и решающей ее

составляющей, как кадровая политика. Если не считать под таковой, что, конечно, слишком узко, опору на верных друзей и раздачу губерний олигархам, а там, где не хватает олигархов, – военным.

Наконец, многих, меня в том числе, настораживает отношение Владимира Путина к народу. Он, кажется, слишком идеализирует его патриархальность и начальстволюбие, а кроме того – довольно цинично видит в нем скорее материал для реформ, чем их движущую силу.

Полнейшее игнорирование (не на словах, а на деле) развития местного самоуправления – материальной основы гражданского общества, – кажется, стало нормой. Даже в советские времена местное самоуправление было масштабней и влиятельней.

Увлечение идеей реформ только сверху, а отсюда и использование административных рычагов взамен политических, политических взамен судебных и экономических – опасное увлечение. По крайней мере, если это увлечение чрезмерно.

Часто решение наиболее сложных проблем нужно начинать бюрократически (что в данном случае означает – политически). Создание министерства местного самоуправления и министерства реформ стало бы первым и эффективным шагом к выработке реальных проектов в этих областях. В иных случаях ведомственная бюрократия топит любую работающую, а потому опасную для нее идею.

Почему до сих пор не разработана реформа правительства – совсем не понятно. Точнее – совсем понятно. Ее разработка поручена тем, кого предстоит реформировать.

Мне кажется, что Путин (как бывший директор ФСБ) слишком хорошо знает внутреннюю жизнь нашей бюрократии, а потому – боится ее. Здесь бы не помешала толика дилетантского авантюризма.

* * *

Я совсем не считаю прошедший (первый президентский) год потерянным для России. Сделать больше, конечно, было возможно, но вряд ли намного.

Важно, какие уроки извлек Владимир Путин из этого года. Если это было утаптыванием стартовой площадки – все нормально. Если просто первым годом президентского четырехлетия – тогда плохо. Это мы должны понять по содержанию Послания Президента Федеральному Собранию, по действиям Путина весной-осенью этого года.

Почему президент не пошел на предлагавшийся ему проект роспуска Думы? Если потому, что понимает, что пока ему не с чем выйти к обществу, прося его об еще большей, чем сейчас, политической поддержке, – это нормально. Если ищет, с чем выйти, – это хорошо. Если найдет – блестяще.

Сама по себе идея роспуска Думы была чисто спекулятивной, ибо политическая технология не может заменить политику. Она может лишь усилить ее или ослабить политику оппозиции – но ослаблять-то было нечего.

Ей-богу, сейчас нет времени на политические спекуляции. Проект «Путин» давно завершился успехом. Выжимать из него 150 % успеха вместо 100 – бессмыслица. А запустить с помощью успеха проекта «Путин» успешный проект «Россия» – вот достойная и исторически, и прагматически задача, вот в чем миссия президента.

Независимая газета, 24.03.2001

Почему победил Путин

Эта статья написана сразу после вторых выборов 2004 года. Анализ того, почему Владимир Путин, неофит большой политики, за четыре года добился такого успеха, который и не снился тем, кто, десятилетиями обретаясь в высших эшелонах власти, предшествовали ему в Кремле, просидев там (пока ещё) дольше Путина, – Горбачёву и Ельцину.

Случилось то, что не могло не случиться. Владимир Путин победил. Причем с результатом, превышающим его же результат на выборах 2000 года.

То, что случается с вероятностью восхода солнца по утрам, тоже нуждается в осмыслении. И даже раньше, чем случайные экстравагантности. Ибо под тем, что неизбежно, лежат, скорее всего, фундаментальные закономерности, то, на чем держится сама жизнь того или иного общества.

Михаил Горбачев пришел к власти в 1985 году. Через четыре года, в 1989 году, во время первого Съезда народных депутатов СССР, вся страна увидела, что нет никакого единства ни правящего класса, ни правящей партии КПСС, ни даже внутри высшего руководства страны. Кредит доверия народа у самого Горбачева еще был, но Ельцин, обернувший против генсека его собственное оружие – гласность, фактически стал вождем всех оппозиций, мечтавших разрушить советский строй. Раскол в правящей элите стремительно привел к дезорганизации экономики и вслед за этим к подрыву материального благополучия населения страны. С каждым днем становилось все хуже. Следовательно, судьба Горбачева была предрешена.

Ельцин воцарился в 1991 году. С невиданным кредитом доверия населения России. Через четыре года, к 1995 году, мы уже имели катастрофический развал экономики, колоссальную бедность, прошли через расстрел парламента, наблюдали процесс развала уже самой России, происходящий как в ползучих формах, так и в открытую – Чечня. Сама странная война в Чечне продемонстрировала слабость того, во что привыкло верить общество, – спецслужб и армии, а главное – двурушничество правящего класса, одной рукой посылавшего солдат на Северный Кавказ, а другой отнимавшего у них победу. Плюс позор взаимоотношений с Западом.

Результат – нижайший рейтинг Ельцина, победа коммунистов на думских выборах и прогнозируемая победа Геннадия Зюганова на президентских выборах летом 1996 года.

Чрезвычайным усилием сил, окончательно погрузившись в коррупцию и порушив все демократические принципы, во имя которых Ельцин вроде бы и приходил к власти, более того – пойдя на фактическую капитуляцию перед чеченскими сепаратистами и приготовив на всякий случай потенциального военного диктатора Александра Лебедя, правящая верхушка сумела переломить ситуацию в свою пользу, заставив народ еще раз проголосовать за Ельцина. Политическая смерть которого тем не менее уже состоялась.

К 1999 году и население страны, и правящая элита сошлись во мнении, что России нужен новый лидер. Главное качество которого – сила. Главная цель которого – наведение хотя бы элементарного порядка в стране, ликвидация опасности распада России (Чечня) и самых кричащих социальных проблем (невыплата зарплат и пенсий). При сохранении, разумеется, власти и собственности тех, кто ими к 1999 году обладал. Последняя цель волновала не народ и делала политику нового президента противоречивой. Но правящий класс был согласен пожертвовать малым, чтобы сохранить за собой главное – накопленные богатства.

Так появился Владимир Путин.

И нельзя не признать как очевидный факт то, что за первые четыре года своего пребывания в Кремле он с этими задачами справился.

То есть впервые с 1985 года ему удалось (в отличие от Михаила Горбачева и Бориса Ельцина) одновременно и улучшить жизнь основных масс населения, и не поставить под вопрос властные и имущественные интересы правящего класса в целом.

Путин – успешный президент или, во всяком случае, таким представляется населению. Вот почему в марте 2004 года он получил на выборах больше голосов, чем в марте 2000-го, в начале своего пребывания у власти.

Проще говоря, после более чем десятилетия хаоса, развала, беспредела, бедности, национального унижения и оплевывания всех святынь русских как нации Владимир Путин сказал самые элементарные, но и самые эффективные для таких обстоятельств слова: нельзя плевать в стариков и безучастно смотреть, как плачут голодные дети. Надо победить постыдную бедность и возродить величие России, хотя бы перестав отступать там, где мы отступали на протяжении 90-х годов. А мы отступали всюду.

Здравый житейский смысл сравнялся с политикой. Более того – впервые с конца 80-х годов возобладал над ней и обеспечил успех политики Путина и его более чем убедительную победу 14 марта 2004 года.

Российская власть моноцентрична. В отсутствие демократических традиций и привычки различать законодательную, исполнительную и судебную власти, при наличии, наоборот, привычки воспринимать власть как единство гигантского сонма начальников, во взаимоотношениях между которыми можно понять только одно – от главного начальника, сидящего в Кремле, зависит всё, население страны (большая часть его) с благодарностью относит на счет президента (как ранее царя или генсека) все то, что у него не отняли. Тем более все то, что ему дали.

При Путине стали жить лучше. Вот рецепт его успеха. В общем-то – главный рецепт успеха любого политика во все времена и во всех странах.

А если бы страной руководил не Путин, а те, кто его критиковал (слева и справа), то есть оппозиция, может быть, мы жили бы еще лучше? Этот вопрос перед большинством населения просто не стоял. Ибо в 80-90-е годы население России приобрело следующий физически ощущаемый опыт: оппозиционеры (Горбачев против КПСС, Ельцин против Горбачева), приходя к власти, всякий раз делают жизнь народа хуже.

Справедливое ли это ощущение? Во-первых, смешно спорить о его справедливости-несправедливости, если, повторюсь, опыт населения дает (пока) однозначный ответ на этот вопрос. Во-вторых, здесь стоило бы поговорить о качестве нашей оппозиции. Во всяком случае, так, как ее воспринимает на основе того же опыта народ.

Оппозицией в строгом смысле слова у нас считается оппозиция демократическая, либеральная. А к какому восприятию этой оппозиции и ее лозунгов пришел народ к концу 90-х годов? Увы, к следующему:

– демократия равно анархия и преступность;

– либерализм равно коррупция и воровство;

– рынок равно бедность и нищета;

– сотрудничество с Западом равно национальное унижение, отступление и развал страны.

Для того чтобы разрушить эти стереотипы, пусть во многом (но не во всем) несправедливые, потребуются десятилетия.

Я с уверенностью могу утверждать, что к позитивному восприятию этих ценностей население России (да это еще если все будет развиваться спокойно) вернется не ранее, чем еще через два избирательных цикла. То есть примерно к 2016 году. Какова будет демократичность и либеральность мира в целом и его европейской части к тому времени – отдельный и весьма неоднозначный по ответу вопрос.

Но разве Путин не делал ошибок? Делал, и громадные.

Разве при нем не происходили в стране ужасные, с прямо катастрофическими последствиями события? Происходили.

Разве радикально решены в России проблемы бедности, безопасности, глобального отступления? Нет.

Разве многое из того, что сделал Путин, не предлагала либеральная и коммунистическая оппозиция, причем в еще более решительных формах? Предлагала.

Почему же власть Путина не была поколеблена? Почему его пресловутый рейтинг не уменьшался, а лишь рос в дни самых больших провалов и катастроф? Почему он стал так называемым тефлоновым президентом, на популярности которого не сказывалось ни одно общественное потрясение?

В принципе, я уже ответил на эти вопросы. Уточнить нужно лишь одно: на фоне катастроф распада Советского Союза и 90-х годов катастрофы, неудачи и поражения путинского периода воспринимались как малые и случайные величины, а путинские достижения – как выход из хаоса, причем выход, являющийся следствием действий сильного президента.

Кроме того, Путину удалось удачно маневрировать между соблюдением интересов населения в целом и правящего класса, чего абсолютно не умел, да и не желал делать Ельцин, провозгласивший в свое время наличие киви в стране победой и демократии, и рынка одновременно. Сколько человек из полутора сотен миллионов жителей России к тому времени могли, да и хотели есть киви, Ельцина не интересовало. Наконец, Путин вобрал в свои лозунги и действия всю левопатриотическую политическую и экономическую риторику (державничество), вычеркнув из нее только один пункт – коммунизм.

Это, наряду с ошибками самой КПРФ и целенаправленной деятельностью Кремля по дискредитации коммунистов, и обеспечило поражение старых левых на выборах 7 декабря.

Вообще, все партии, прошедшие в Думу 7 декабря, есть партии державнические и государственнические (антилиберальные, то есть – в нашем традиционном раскладе – левые).

В этом – парадокс власти в России, в том числе и власти Путина: побеждая под «левыми» лозунгами (лишь очищенными от ортодоксального коммунизма), проводить политику, сочетающую интересы «левого» большинства и либерального меньшинства.

Выступая 12 февраля 2004 года со своим главным предвыборным заявлением, Путин сказал поразительные вещи. Он заявил, что в начале 90-х годов страна окончательно сделала исторический выбор в пользу свободы и рынка. После этого он описал цену, которую Россия заплатила за этот выбор, – распад страны и нищета, для борьбы с которыми (первый срок путинского президентства) нужно было частично отказаться от свободы и рынка. А затем (финальная часть выступления) заявил, что целью его второго президентского срока станет построение в России полновесной демократии (многопартийность, независимость судов и СМИ и прочее) и полноценного свободного рынка, то есть того, что в свое время уже привело страну к развалу и нищете. В этом – кому как нравится – либо расчетливый прагматизм, либо здравый консерватизм Путина. В ночь с 14 на 15 марта на пресс-конференции Путин отказался от провозглашения, как он выразился, «завиральных идей», то есть от большой социальной утопии, вновь провозгласив своей целью всего лишь «повышение благосостояния граждан». Но это же лозунг всех последних десятилетий нахождения у власти КПСС. Слово в слово. Правда, лозунг, который в реальной политике всегда отодвигался на второй план более политизированными целями и амбициями.

А как же демократия? Многопартийность? И прочее?

Видимо, по простой и традиционной для России схеме, кстати, так до конца никогда целенаправленно и не реализованной. Реформа с учетом текущих интересов народа и перспективных интересов элиты. Закрепление на достигнутом рубеже. Лишь далее – новая реформа, более политическая, чем предыдущая.

Проблема в том, что, как я уже неоднократно писал, в России есть лишь три главных субъекта политики. Глава государства (в данном случае президент), бюрократия (правящий класс) и народ. И в этом треугольнике пассивной силой (сколько может терпеть) всегда остается народ. Внешне активной – всегда глава страны. Но внутренне активной – всегда бюрократия. Она отбирает себе основные плоды всех реформ, никогда не подпуская народ к власти до такой степени, чтобы он сам, а не она мог решать судьбу передачи властных полномочий в стране от одного ставленника бюрократии к другому.

Никакой антибюрократической революции Владимиру Путину провести не удалось – и последняя история переназначения старых министров в замы новых членов кабинета это великолепно показывает.

Антибюрократическая революция – это глубокая политическая реформа, очертания которой и само желание провести которую до сих пор не проглядываются. Трудность в том, что антибюрократическую революцию нужно осуществлять либо прямо революционным путем (с опорой на массы), то есть через некоторое насилие, либо скрыто, тайно от бюрократии. Но что значит тайно, если в этом случае реформу должен осуществлять сам бюрократический аппарат, сегодня, в отличие от советских времен, к тому же весь погрязший в коммерческих интересах?

Частная собственность в России легитимирована. Это факт. Рынок (более или менее огосударствленный) останется. Это тоже факт. Демократические институты или их декорации останутся. И тут сомнения нет. Будет ли политическая реформа – вот в чем вопрос. Ответа пока нет. Тонкая игра на маневрировании между интересами правящего класса и населения (если нужно – повысим цены на квартиры, а где окажутся те, кто не сможет платить, не важно, пока до бунта дело не доходит; если нужно – посадим Ходорковского) – дело ненадежное.

Более 70 процентов голосов – результат Путина на выборах – плюс его реально высокая популярность в народе плюс отсутствие какого-либо второго и оппозиционного политика национального масштаба дают президенту весь набор необходимых условий для решительного политического маневра. Но маневра все равно рискованного, ибо обрушить нынешнюю более или менее наметившуюся тенденцию к росту благосостояния бюрократия сумеет очень легко. Да и без нее эта тенденция обрушиться может – при падении цен на нефть. И тогда не Путин будет подбирать себе наследника. Это сделают другие.

Президент упорно не хочет говорить о каких-либо радикальных своих намерениях, то есть никого не хочет пугать, делая своим врагом.

Может быть, это и верно. Может быть, политика малых, но верных дел сегодня самая эффективная.

Прорыва при этом не будет. Резкого взлета.

Впрочем, оставить после себя страну в лучшем состоянии, чем получил, – это для последнего двадцатилетия России уже немало. Но это означает, что политическим реформатором станет тот, кто придет вслед за Путиным. С его благословения или без оного.

Российская газета, 16.03.2004

Второе пришествие Владимира Путина

В этой статье, написанной незадолго до второй инаугурации Путина, вы найдёте и те слова, которыми он ответил на один из пассажей моей статьи, которую вспомнил во время нашего обеда в Кремле, о котором я упоминал выше. Я передаю эти слова в несколько смягчённом виде.

Вот уже пятый год Владимир Путин действует на авансцене российской политики. Все его деяния – и успешные, и провальные – открыты для всеобщего обозрения, а соответственно, и для осмысления и оценок. И тем не менее до сих пор все раздаются и раздаются недоуменные голоса: почему у Путина такой высокий рейтинг? Почему ни одна катастрофа, ни один провал, ни одна трагедия, ни один теракт (а всего этого за последние четыре года случилось немало) не то что не снижает, но даже не колеблет этого рейтинга? Почему очевидно усилившаяся, особенно на федеральных телеканалах, всеохватная и все больше панегирически лобовая пропрезидентская пропаганда, прямо ассоциирующаяся с тем, что многие помнят по брежневским временам (скорее, все-таки по горбачевским, периода 1985–1988 годов), не отталкивает население от Владимира Путина, а напротив – лишь укрепляет его светлый образ?

Почему, наконец, остающиеся до сих пор по существу нерешенными все главные проблемы страны, знание или ощущение чего, безусловно, присутствует в обществе, не заставляют десятки миллионов людей разочаровываться в Путине и его политике, а наоборот, побуждают верить в него или, по крайней мере, смотреть на президента с надеждой?

Социологи так прямо и говорят:

Путин – это президент надежды. Его политику и многие конкретные шаги население оценивает критически, во всяком случае, не поддерживает на те 70–80 процентов, которым равен его персональный рейтинг. Но при этом все равно надеется, что он решит проблемы страны, в том числе и те, которые касаются лично каждого из опрашиваемых.

А на кого еще надеяться?

Легче всего объяснить такое отношение к Путину с помощью упрощенного, но не совсем далекого от реальности политологического силлогизма.

От чего или от кого зависит будущее каждого из граждан России сегодня, когда легче описать, какие общественные и собственно юридические (писаные) законы не действуют, чем те, что действуют?

Будущее каждого зависит: от самого себя, от судьбы, по-разному называемой, и от власти.

На самого себя сегодня мало кто надеется – во всяком случае, из тех, кем управляют и кто зависит от воли других, а таковых абсолютное большинство. Надеяться на судьбу можно, но основания для веры в успех при этом оказываются какими-то слишком зыбкими. Остается надежда на власть. Кстати, для России последних столетий, а последнего двадцатилетия определенно (это уже собственный, а не исторический опыт), власть – это и есть самое точное определение судьбы. Решила власть – разрушила страну.

Решила – уничтожила все накопления. Решила – позакрывала предприятия, лишив людей привычного заработка. Ну и так далее.

Понять обычному человеку, что это не власть, а история, непреклонные законы развития общества, в конечном итоге – сами люди, возжелавшие свободы и в потоках ее захлебнувшиеся, невозможно. Не может обычный человек, если только он не истово верующий во что-либо, мыслить себя как игрушку столь абстрактных и эфемерных сил. Вот соседи, сослуживцы, родственники, начальник на работе, районное или городское начальство – это да. Это то, что на нашу жизнь влияет. И конечно, судьба – общий, не зависящий от тебя и твоего ближнего окружения ход событий, определяемый, однако, самой конкретной из всех абстрактных категорий – властью.

От нее, от власти, надо ждать самых больших напастей, самых подлых ударов. Но зато и самых больших подарков. Если вдруг, по собственной прихоти или услышав жалобы народа, власть станет на время умной и доброй.

А что есть власть? Настоящая, большая, способная быть доброй и умной. Это, конечно, не местное начальство, кондово-алчное, цинично-бессердечное, знакомое в каждом повороте своей лжи. Нет, это не власть. Власть – то, перед чем эти местные владыки сами трясутся. Это Москва. Это Кремль. Это президент.

Это именно президент, потому что власть едина и неделима. Правительство – это, конечно, тоже власть. Но их там слишком много. И еще они, члены правительства, постоянно меняются. Власть не может быть столь суетливо меняемой – это непривычно, а потому опасно. Даже президентов (настоящая власть) сколько раз меняли в последние годы – столько и потрясений.

Парламент, Государственная Дума – этих еще больше. Это тоже не власть. И надеяться на него, на парламент, смешно.

Высокий рейтинг Владимира Путина – это есть всегда объективно высокий рейтинг центральной власти в России, если она не совершает очевидных и больших глупостей или преступлений, если она хоть сколь-нибудь заботится о благе народа и не погрязает в безделье.

И соответственно, власть, не являющаяся властью распада и безнадежности, всегда является властью надежды. А президент, то есть воплощенная и персонифицированная власть, – президентом надежды.

Высокий рейтинг Путина и надежды, связанные с ним, возникли сразу, как только Путин появился на публичной арене – молодой, решительный, делающий дело (тогда – в Чечне) на фоне старого, дряхлеющего, ничего не делающего Ельцина. А в 1990-91-х Ельцин, как казалось, тоже делающий дело и борющийся за интересы народа, был президентом надежды на фоне потерявшего контроль над страной Горбачева. А до того и сам молодой Горбачев – на фоне раз за разом умиравших престарелых генсеков – был лидером надежды и имел запредельный рейтинг доверия у населения.

Пока ты в Кремле, пока ты успешен и пока, соответственно, не появилась альтернатива тебе, глава государства в России всегда будет иметь высокий рейтинг, и всегда надежды на него будут превышать оценку реально совершенного им.

Закон преемника

Если тот, кто есть в Кремле, успешен, России не нужен альтернативный политик – это не мое мнение, а доминирующее в общественном сознании убеждение. Да и возникнуть такому политику неоткуда, ибо постоянно действующих и отлаженных механизмов (партий и настоящей публичной политики), производящих альтернативы, в России до сих пор нет.

Парадокс, пока являющийся законом для России, состоит в том, что если Владимир Путин останется успешным президентом и во второй срок своей легислатуры, то к 2008 году у нас не появится политик, который мог бы объективно, а не по схеме «наследник» претендовать на лидерство в стране, опираясь на народные симпатии.

Чем успешнее будет Путин действовать в ближайшие годы, что, с одной стороны, и нужно обществу, тем меньше шансов на появление альтернативной ему политической фигуры, что, с другой стороны, отвратительно, ибо подрывает саму основу демократических выборов. Действие этого закона мы повсеместно видим сейчас на губернаторских выборах.

Даже когда местным избирателям уже физиологически обрыдли их областные, краевые и республиканские начальники, нигде на смену им не приходят альтернативные публичные политики. Только либо «наследники», либо специально подготовленные ставленники Москвы (центральной власти), либо, когда процесс оказывается максимально демократическим (точнее стихийным), – случайные люди (как, например, Евдокимов на Алтае), часто – из криминальной среды. Ибо она – единственно организованная, помимо центральной и местной властей и еще крупных бизнес-групп, сила в стране.

Вообще, важно понять, что в России до сих пор только эти четыре силы (центральная власть, региональная власть, крупнейшие бизнес-группы и оргпреступность) являются субъектами политического процесса. До последнего времени был и пятый субъект – КПРФ, единственная настоящая партия России. Не случайно, что она одна могла оспаривать власть Кремля на федеральных выборах (до 2003 года) и конкурировать с властью региональной (региональной бюрократией), бизнес-группами и криминалом на выборах региональных. Но 7 декабря 2003 года нанесло по КПРФ удар такой силы, что пока не ясно, как скоро и в каких масштабах КПРФ возродится.

Так что как бы случайно брошенное Владимиром Путиным 12 февраля сего года замечание о необходимости поиска преемника есть, увы, не прихоть Кремля и не дань его самодержавным комплексам, а пока еще государственная и общественная обязанность центральной власти, ее политическая ответственность перед нацией.

Можно, конечно, не искать преемника. Но тогда до 2007 года надо успеть – ни много ни мало – создать пару-тройку настоящих партий.

Что легче? Ответ очевиден…

Итак, для любого лидера России пока не стоит вопрос о том, как ему быть настолько успешным, чтобы альтернативный политик, претендующий на власть, не появился или, появившись, проиграл.

Вопрос существенно иной: как просто оставаться успешным (или казаться таким)? Правильный ответ на этот вопрос исключает в принципе появление альтернативы и автоматически обеспечивает тому, кто такой ответ дает, высочайший рейтинг доверия среди населения.

Как это удается Путину, особенно сейчас, когда воспоминания о Ельцине все больше и больше стираются, когда груз собственных ошибок и провалов нынешнего президента должен бы клонить (но не клонит) его рейтинг к земле?

Об этом стоит поговорить подробнее.

Путин в телевизоре

Но сначала о том, почему безудержно панегирическая телепропаганда образа действующего президента и назойливо частое его присутствие на телеэкране не приводят к усталости общества от Владимира Путина. Хотя, казалось бы, такая усталость давно должна наступить.

Все очень просто – даже если отрешиться от успешности Путина как президента, хотя в данном случае эта успешность тоже работает.

Те, кто морщатся от слишком частого появления Путина на экране и от чрезмерной благостности президентского телеимиджа, просто забывают, что уже довольно давно политика в России (как и в других «цивилизованных странах») функционирует не только по законам собственно политики, но и по законам массовой культуры и шоу-бизнеса.

И в этом смысле любой более или менее известный политик – это, как сейчас выражаются, «звезда», а точнее «телезвезда». Собственно, без такой телезвездности современной политики и особенно современных политиков на Западе (а мы в этом смысле давно уже Запад) нет вообще.

Путин – суперзвезда. А суперзвезда и должна появляться на телеэкране не только чаще других, но и вообще так часто, как только возможно.

Мало уже кто может сказать, что сегодня поет Пугачева и о чем она, почем. Но каждодневное обязательное появление «Аллы» на экране фиксирует статус суперзвезды вне зависимости от качества и содержания ее песен.

Ни один музыкальный критик (я имею в виду, естественно, масскультную музыку) не задается вопросом: а зачем Киркоров каждодневно торчит в телевизоре? Ответ очевиден. Если бы он или Пугачева перестали, как сейчас принято выражаться, светиться на экране, то очень скоро они пали бы до уровня просто звезд, а затем и вообще исчезли из сознания публики.

Главное в шоу-бизнесе – появляться не тогда, когда есть что сказать публике (многие в этом случае вообще не появлялись бы, но до такого счастья мы не доживем), а появляться гораздо чаще, чем другие. Причем другие тоже должны непременно быть, но в дозах, не создающих опасности главным звездам, держащим монополию в данном жанре.

То же самое и современный политический бизнес. Лидер, исчезающий на недели и месяцы, чтобы «не надоесть нации», – сегодня это просто не лидер. В лучшем случае заговорят о его болезни. В худшем его не будут воспринимать всерьез.

Российские региональные бароны стремятся контролировать хотя бы по одному телеканалу не столько для того, чтобы громить в любое время дня и ночи своих конкурентов. Конкурентов и не будет, если главная звезда на региональном телевидении – это ты. Находясь даже в Москве, это очень легко проверить, взглянув на передачи канала ТВЦ.

Меня поражают язвительные прогнозы некоторых политологов: дескать, если телепропаганда Путина в таких масштабах будет продолжаться и далее, он просто надоест стране. Умные и современные люди, а в этом плане мыслят стереотипами, да еще брежневской эпохи.

Очевидно, что Кремль совершенно целенаправленно использует механизмы массовой культуры для поддержания статуса Владимира Путина как политической суперзвезды. А его, Кремль, и два главных телеканала пытаются обвинить в том, что они чуть ли не вредят президенту.

Поскольку создание двух-трех полноценных партий в России – дело долгое и не исключено, что на нынешнем этапе бесперспективное, то хочу дать простой, но эффективный рецепт того, как к 2007 году выпестовать десяток более или менее полноценных (по крайней мере, внешне) публичных политиков.

Это с легкостью могут исполнить два человека – Константин Эрнст (Первый канал) и Олег Добродеев (ВГТРК, канал «Россия»). Им достаточно запустить по принципиально уже разработанной технологии «Фабрики звезд» и «Народного артиста» два новых телепроекта – «Фабрика политиков» и «Народный политик».

Уверяю, что в случае принятия моего предложения кого бы Кремль ни выдвинул в качестве преемника на выборы 2008 года, победить ему будет непросто – слишком сильные конкуренты из этих политических телефабрик бросятся на бой с ним. Кстати, прошу считать это официальной заявкой обоим телеруководителям, подтверждающей мои авторские права на саму идею и на обе программы, под какими бы названиями они ни вышли, – сценарную разработку готов выслать по первому требованию.

Профессия: президент

Не только в среде мирных обывателей, но даже и в головах многих политиков, политологов и журналистов бытует совершенно фантастическое представление о том, что президент, стоит ему захотеть, может все. И следовательно, проблема состоит в том, что президент (в данном случае Владимир Путин) что-либо хорошее и полезное для страны сделать не хочет. Или (мягкий вариант) не знает, что нужно сделать, чтобы было хорошо. А знал бы, то непременно сделал.

Нет ничего более далекого от реальности, чем эта убежденность в том, что начальник, а уж тем более президент, может все. Впрочем, это почти всеобщее заблуждение легко объясняется тем, что большинство людей сами никогда не были начальниками.

Конечно, и закон о влиянии отдельных личностей на ход общественного развития тоже существует, но по сути это закон исключений, а не нормы. А закон нормы, то есть фундаментальный закон, гласит: начальник может только то, что позволят ему подчиненные.

Этот закон лапидарен в формулировке, но сущностно весьма сложен. Один отдельно взятый подчиненный не ровня начальнику, но все они в совокупности, особенно в больших иерархиях, даже превышают его по силе. Конечно, начальник может снять любого подчиненного. Но для того чтобы снять именно того, кто тормозит дело, нужно знать, кто тормозит. А поди разыщи его в глубинах подчиненного тебе аппарата. А чем больше начальник, тем больше у него подчиненных. Вроде бы – показатель силы. На самом деле – мера бессилия.

А ведь кадровое оружие – возможность снимать и назначать – одно из самых мощных и эффективных в боевом арсенале начальника. Однако и оно, будучи примененным неправильно или неточно (а это случается очень часто), не дает ничего.

Я не буду раскрывать далее в общем-то хорошо всем известную систему борьбы начальника с его подчиненными, лишь еще раз обращу внимание читателей на то, что, став президентом, Владимир Путин оказался практически один на один с сотнями тысяч сплоченных аппаратным искусством и корпоративными и бизнес-интересами чиновников.

Только главнейших из них, которыми ему нужно руководить фактически лично, больше сотни: члены правительства, руководство парламента, силовые министры, высший генералитет, собственная администрация, руководители различных центральных ведомств, губернаторы самых важных регионов, наконец, так называемые олигархи.

Я легко себе представляю, как Путин, исполненный, возможно, самых благих намерений и умных планов, оказавшись в главном кабинете Кремля, отдал первые десять распоряжений, выполнение каждого из которых сдвинуло бы Россию на несколько лет вперед. И через некоторое время понял, что все десять его распоряжений в лучшем случае просто не выполнены, а в худшем – выполнены прямо противоположным образом. И когда президент попытался выяснить, кто и почему проигнорировал распоряжения главы государства, не смог обнаружить не то что концов, но даже начал этих концов.

Вряд ли это было именно так, но по сути иначе быть не могло.

Я даже имею подтверждение этому от самого президента. В начале 2001 года у меня вышла статья, в которой, в частности, указывалось на опасность создания в России корпоративного государства. При встрече Владимир Путин мне сказал: «О каком корпоративном государстве вы говорите! Элементарной управляемости страной нет».

Неизбежность авторитаризма

Что в этих условиях сделал бы на месте Путина любой другой, оказавшийся в кресле президента? Каждый легко ответит на этот вопрос сам, я же напомню, что к моменту прихода Путина к власти на российской политической сцене действовали следующие главные субъекты, или, как сейчас модно выражаться, акторы: центральная власть, региональная власть, олигархи (крупнейшие бизнес-группы), оргпреступность, КПРФ.

Взаимоотношения между этими акторами были сложными. Возьмем эти взаимоотношения в несколько утрированном виде.

Региональная бюрократия, олигархи, оргпреступность и КПРФ – все работали на ослабление либо подчинение себе центральной власти. И только КПРФ как легально существующая партия имела на это законные основания. И лишь КПРФ действовала в этой борьбе, используя более или менее демократические методы и процедуры. Все остальные акторы были и глубоко авторитарны внутри себя, и уж конечно не демократическими средствами воевали с конкурентами (друг с другом) и с центральной властью.

Более того, четыре нижних в приведенном списке субъекта находились в корпоративных отношениях, в том числе и отстроенных против центральной власти друг с другом. Например, КПРФ и региональная власть (не вся, конечно). Или региональная власть (тоже, надеюсь, не вся) и криминал. И разумеется, всюду, где можно, оргпреступность проникала в бизнес, в том числе и крупный.

Наконец, и сама центральная власть, не будучи монолитной и безгрешной, смыкалась фактически в борьбе против самой себя с крупным бизнесом, региональными баронами, в том числе и сепаратистски настроенными, и даже с оргпреступностью. А вот от КПРФ пыталась держаться подальше, хотя и вынуждена была сотрудничать с отдельными ее членами. Но это как раз не предосудительное сотрудничество – как всякое сотрудничество с легальной, пусть и оппозиционной партией в рамках республиканского строя.

И последнее, что здесь нужно заметить. Центральная власть, вырисовывающаяся в этой системе в виде исключительно или почти исключительно положительного героя, в реальности являла собой и еще бюрократию в худшем смысле этого слова, то есть управляющую силу, максимально игнорирующую интересы общества – по крайней мере, до того предела, за которым может последовать общенациональный социальный взрыв.

Но иного механизма управления страной, кроме как центральная власть и бюрократия, ни у какого главы государства нет.

Если отбросить всякого рода нюансы и политические пристрастия, то мы увидим, что все действия Владимира Путина как президента страны после того, как он получил власть, были абсолютно логичны и неизбежны. Он последовательно и методично разрушал, ослаблял или уничтожал всех крупнейших альтернативных центральной власти политических акторов как угрозу единству управления страной и ее единству вообще. Причем действовал Путин, как правило, авторитарно, ибо демократическими методами, если только не считать таковым народную революцию, столь мощных авторитарных противников победить нельзя.

Начал Путин с самых легких, но и самых политически активных соперников центральной власти – с олигархов, особенно тех двоих, что фактически монополизировали информационное пространство страны, а следовательно, могли в современных условиях нанести публичное поражение самому Президенту. И с глав региональной власти – ликвидация Совета Федерации как органа контроля губернаторов над действиями центральной власти, Кремля.

В деструктивной части действия Путина по этим двум направлениям были эффективны. В конструктивной – весьма неоднозначны, а порой и откровенно слабы. Наиболее яркий пример – новая конструкция Совета Федерации. Но деструктивная цель, как во всякой войне, доминировала (и справедливо) над конструктивной.

Далее наступила очередь КПРФ. Ее ослабили в два приема. Сначала за счет объединения «Единства» и ОВР с сателлитами в предыдущей Думе, а затем – в ходе предвыборной кампании в Думу нынешнюю.

Довольно спорный вопрос, нужно ли было тратить столько усилий для разгрома КПРФ, но, видимо, логика была простая. Создать реальную и мощную провластную некоммунистическую партию просто невозможно. Поэтому нужно, создав хотя бы фантом такой партии, расчленить электорат коммунистов. Так возникли «Единая Россия» (первая часть задачи) и блок «Родина» (вторая часть).

Что же касается оргпреступности, то, естественно, этот полностью нелегально действующий субъект российской политики ни в один, ни в два, ни даже в пять приемов не уничтожить. Здесь, соответственно, и успехов меньше всего. Да и борьба серьезная, по сути, не начиналась.

На кого мог положиться Путин в этой борьбе одновременно на четырех фронтах с учетом коллаборационизма самой центральной власти? На тех, кто достался в наследство от Ельцина, – лишь в борьбе с КПРФ. Во всем же остальном – только на своих людей, на лично преданных, пусть менее опытных, чем старожилы кремлевской политики ельцинского периода.

По этой причине и потянулись в Москву питерские юристы, питерские чекисты, питерские экономисты. И еще генералы чеченской войны, ибо чеченская кампания – это, по сути, место рождения Путина как публичного политика, и его главный до сих пор политический успех, и полигон, на котором была испытана система методов его политических действий.

А система эта такова. Громко и публично обозначить зло, с которым президент собирается бороться, или цель, которую он хочет достигнуть. Далее – публичное же обозначение тех, кто препятствует искоренению зла или достижению цели. Далее – сообщение о бескомпромиссности борьбы («будем мочить в сортире»). Затем, естественно, «мочение» тех, кто не сложил оружие. Капитулировавшим – более или менее приемлемые условия сдачи.

На войне все спрямленнее. В мирной политике приходится и отступать, и лавировать, и выжидать момент, когда созреют условия для решающего удара. Эти политические маневры президента мы видели на протяжении всего первого четырехлетия его пребывания в Кремле.

Вспомним, что еще совсем недавно Путин, уже давно окруженный всеми своими питерскими силовиками, юристами и даже экономистами, имеющий право отправить премьер-министра в отставку фактически одним росчерком пера, в ответ на свое требование радикальной реформы правительства получил публичный ответ Михаила Касьянова: радикальной реформы не будет – будет тонкая настройка.

Несмотря на свой пресловутый высокий рейтинг, практически не менявшийся все четыре года, лишь к самому концу своего первого срока правления, консолидировав под своей президентской дланью губернаторов, посадив в СИЗО самого богатого человека страны и разгромив коммунистов, Путин смог продемонстрировать, что отныне только он начальник в России. И ответить, наконец, на реплику Михаила Касьянова о «тонкой настройке» – отправить премьер-министра, фактически поставленного на этот пост Ельциным, в отставку.

А теперь о рейтинге

Фиксируемый всеми социологическими опросами высокий уровень доверия населения страны Владимиру Путину складывается из позитивного отношения к делам и словам президента.

При этом неизбежно подсознательное сравнение дел и слов нынешнего президента, с одной стороны, с опытом предшествующего правителя, чьи дела и слова еще живы в памяти людей, а с другой стороны – с неким идеалом, с желанным образом президента – главного начальника России.

Понятно, что политика Бориса Ельцина являет для абсолютного большинства граждан страны такой фон, на котором Владимир Путин выглядит весьма и весьма позитивно.

В качестве же идеального образца, к которому общественное сознание примеряет действующего президента, всегда выступают не умозрительные политические конструкции,

на которые ориентируются политологи и иные крайне рационально мыслящие особы, а конкретные исторические фигуры. Точнее, их мифологизированные, но все-таки опирающиеся на реальность образы. Даже не заглядывая в архивы соответствующих социологических опросов, я с уверенностью могу сказать, что это Петр I (Великий), Екатерина II (Великая же) и Иосиф Сталин.

Что объединяет эти три весьма противоречивые и неоднозначные, в том числе и по плодам их деятельности, фигуры – западника Петра, космополитку Екатерину и славянофила Сталина?

Победоносность, всевластие, длительность правления и рост могущества и территорий России за годы этого правления. Не случайно, что определение «Великий» фактически официально закрепилось за двумя из них, да и Иосиф Сталин, безусловно, получил бы такое поименование, если бы это было возможно в XX веке в светском и немонархическом государстве.

Таким образом, Владимиру Путину, если бы он сознательно стремился иметь тот высокий рейтинг доверия, который у него сложился сначала почти стихийно, нужно было бы ориентироваться на эти образцы. Что, впрочем, с какого-то момента и стало практической задачей кремлевской администрации.

Нужно было демонстрировать всевластие, в первую очередь проявляющееся в покорении не столько народа, сколько многочисленных начальников, считающихся в России вполне серьезно едва ли не большим злом, чем даже вполне мифологическое ныне «татаро-монгольское иго» или еще реально памятная многим «немецкая оккупация».

Победоносность лучше всего, естественно, проявляется в военных победах, но в наше время еще и в международном авторитете лидера. Ну и в победах при одолении самых острых проблем, терзающих общество и страну.

Рост могущества и территорий, а равно длительность правления как критерии успешности правителя в пояснениях не нуждаются. Вопрос состоит в том, что в сегодняшней политической реальности России соответствует этим критериям.

Надо думать, что рост могущества – это экономические успехи и укрепление военной безопасности. Территориальный рост пока невозможен, но, по крайней мере, нужно было приостановить распад страны, шедший при двух предыдущих президентах – Горбачеве и Ельцине.

Аналог длительности правления в условиях демократических норм ограничения срока пребывания у власти – это сожаление общества об уходе данного президента даже и в законный срок, вполне искренние просьбы об отказе от конституционной догматики ради сохранения в Кремле того, чье правление обществу нравится.

Очевидно, что в случае дальнейшей успешности путинского президентства такие просьбы, причем не только притворные и эгоистически-расчетливые, но и совершенно душевно и политически искренние, будут нарастать как снежный ком.

Насколько деятельность Владимира Путина соответствовала этим «великим критериям»? Судя по его рейтингу, в значительной степени.

Были успешные дела, а там, где их недоставало (а недоставало часто) или и не могло доставать объективно, имелись правильные слова. Дела и слова, нравящиеся народу, обществу.

Я коротко разберу всего два таких дела и отдельно скажу о путинских словах.

Чечня и Ходорковский

Любое общество, а уж российское тем более, не ждет, чтобы пришедший к власти новый глава государства решил все существующие проблемы страны. Но вот решения самых кричащих проблем – этого общество не просто ждет, но жаждет.

Чечня и была для российского общества одной из двух-трех таких самых кричащих проблем на протяжении почти всех 90-х годов. Все, что воспринималось как угрозы для России в целом и каждого из ее граждан в отдельности, как в фокусе собиралось в проблеме

Чечни: распад страны, слабость армии и спецслужб, преступность, терроризм, политическое бессилие руководства, продажность и коррумпированность правящего класса, униженность перед внешним миром и глубочайшее падение в собственных глазах и т. д.

Тому, кто избавил бы Россию от всего этого ужаса, не меркнущего даже на фоне еще не забытой трагедии распада СССР, просто суждено было стать любимцем народа.

Избавил Путин. Теперь, кстати, это очевидно даже для тех, кто и два, и тем более три года назад говорил, что действия Путина в Чечне полностью неправильны. Ведь нельзя не признать, что сегодня и психологически, и сущностно проблема Чечни переместилась во второй ряд вызовов для России.

Короче говоря, на примере Чечни Владимир Путин продемонстрировал свою способность делать дело и быть победителем.

Причем делать такое дело, которое казалось уже безнадежным, и быть победителем над тем, что победить почти невозможно.

Может быть, и есть народы, которые останутся равнодушными к лидеру, способному на такое, но русский народ к ним не относится.

В первое президентство Путина было немало таких побед, пусть менее ярких внешне, но крайне чувствительных именно для рядовых граждан. Например, прекращение невыплат зарплат и пенсий. Одно это для десятков миллионов людей стало не меньшей победой Путина, чем Чечня.

Так до конца и не ясно, что же послужило главной причиной ареста Ходорковского, но сделать лучшего дела для народа и одержать большей победы в его глазах президент не мог. Особенно накануне выборов.

В понятии «нефтяной олигарх», справедливо или несправедливо – другой вопрос, для большей части общества сосредоточилось все зло мира, все причины бед простых людей (избирателей). Политик, поднявший руку на олигарха, да еще наказавший его, есть сегодня безусловный спаситель Отечества.

Об этом, кстати, стоило бы помнить г-ну Березовскому, своими нападками на Путина лишь укреплявшему веру российских избирателей в президента.

Слова

Всех дел не переделаешь, да и бюрократия не даст. А кроме несделанных дел есть еще и прямые провалы, и проблемы, о которых все говорят, но к решению которых власть не только не подступалась, но, судя по всему, даже и не знает, как подступиться: всеохватная преступность и не менее всеохватная коррупция; полнейшее всевластие бюрократии, и не снившееся в советские времена; детская беспризорность; позорно массовое нищенство; вымирание страны; окружение России натовскими и американскими военными базами и т. п.

Отсутствие реально значимых дел в решении всех этих не то что кричащих, а прямо вопиющих проблем эффективный политик должен уметь заменить либо имитацией активности, либо правильными словами.

Во-первых, для многих слово – то же дело.

Во-вторых, слово есть начало дела.

В-третьих, слово есть не сокрытие проблемы, а, по крайней мере, признание ее наличия. Не многие политики, находящиеся во власти, способны и на это. Яркий пример – Ельцин, просто не замечавший большинства проблем, которые волновали общество.

Наконец, в-четвертых, слово есть боль о проблеме, переживание ее, что в каком-то смысле для масс населения не менее важно, чем ее решение. Например, оппозиционные политики, не имея возможности решать проблемы, набирают популярность тем, что громко и с болью в душе об этих проблемах говорят.

Путин лишил российскую оппозицию (в первую очередь коммунистов, но и либералов тоже) этого преимущества, к которому они привыкли за годы ельцинского правления, когда, несмотря на внешний демократизм, Ельцин вообще не признавал существования

большинства проблем, волнующих людей. И уж тем более не говорил о них с болью и состраданием.

Путин, несмотря на свой чрезмерно жаргонизированный язык, я бы сказал, виртуозно владеет политикой слова, проникающего в души простых людей. Ельцин не умел, да и не желал этого, хотя его речь была куда ближе к народной, чем речь Путина. Несмотря на любовь последнего к рискованной, спецслужбистской и блатной лексике – знаменитое «мочить в сортире» лучшее, но не единственное тому доказательство, было и «сопли жевать» и многое другое, неведомое Ельцину.

Но Ельцин, в отличие от Путина, слишком долго, практически всю жизнь, был начальником. Сентиментальным, как многие начальники, он бывал часто, а вот искренне человечным – лишь дважды. На октябрьском пленуме ЦК КПСС 1987 года, на котором подвергся экзекуции (и на предшествующем пленуме Московского горкома КПСС), и в своей прощальной речи 31 декабря 1999 года, когда попросил прощения у людей. Я, впрочем, в искренность этой просьбы тоже не верю, но по форме она была. Путин, проведший в начальниках меньшую половину жизни (всего лишь 13 лет из пятидесяти), несмотря на гораздо большую внешнюю жесткость, по сути, оказался гораздо более, извините за эти слова, добрым, человечным и простым, чем Ельцин. Этого не может не чувствовать народ, избиратель, массы.

Я бы сказал, что Путин, видимо, не специально, но весьма виртуозно пользуется своей искренностью, и у него есть несколько чаще всего употребляемых приемов политики слова.

Прежде всего это уже упоминавшаяся мною откровенность – признание реальности существования той или иной проблемы. Это совсем простой прием, но им крайне редко пользуются политики, находящиеся во власти. Уже в первый год своего президентства Путин публично заявил, что в стране существует проблема всевластия бюрократии, острейший демографический кризис, опасность отторжения от России Сибири и Дальнего Востока. Ничего нового Путин этим не открыл, но до него (при Ельцине) на таком и даже на более низком уровне эти проблемы вообще не упоминались. И сейчас для их решения мало что сделано, но населению не может не нравиться, что власть их, по крайней мере, не скрывает.

Позже Путин заговорил и о бедности, о коррупции, о запредельном уровне преступности, о детской беспризорности и о многом другом. В том числе о несправедливости сверхдоходов богатых, когда народ бедствует, – известная реплика о слишком высоких заработках руководителей РАО «ЕЭС России». Вряд ли с того момента заработки были понижены, но этой репликой Путин солидаризировался с народом.

Напомню его слова, произнесенные при возвращении гимна на музыку Александрова: «Возможно, мы с народом ошибаемся». Если это и популизм, то крайне рафинированный.

Апофеозом путинской откровенности я бы назвал его признание в том, что если по-настоящему работать на посту президента, то за 8 лет (два срока) можно сойти с ума.

Правда, эта откровенность была использована весьма специфично – для объяснения того, почему Путин не собирается изменять срок президентского правления. Тут задействован и другой прием путинской логики (абсурдизация ситуации), о чем – ниже. Кстати, в словах, как и в делах, Путин всегда одновременно отвечает на запросы сразу многих социальных групп, иногда групп с прямо противоположными интересами. Наиболее показательна в этом смысле история с государственной символикой: царский герб для одних, имперский флаг – для других, гимн Александрова и красное знамя в Вооруженных Силах – для третьих. Почти все выступления Путина построены по этому принципу.

Он одновременно и западник, и славянофил, и либерал, и государственник, и демократ, и автократор, и противник восстановления СССР, и империалист.

В 1999 году я уже сравнивал Путина с пылесосом, всосавшим все самые серьезные и популярные лозунги и правых, и левых. А позже писал, что Геннадию Зюганову ради сохранения результатов КПРФ на выборах стоило бы не клеймить лично Путина за

антинародную политику, ибо ни по лозунгам, ни по многим действиям она антинародной не является и уж во всяком случае не кажется таковой как раз самому народу.

У Путина есть более изощренный, чем Геннадий Зюганов, критик – писатель Александр Проханов. Есть такие и в либеральном лагере. Против таких критиков, точнее против их доводов, как правило, неопровержимых в силу фундаментальности сути этих доводов и брутальности формы, в которых они преподносятся, президент действует не менее изощренным и брутальным оружием – аргументами, либо основанными на игре смыслами, либо просто абсурдными.

Когда Путина спросили, не волнует ли его то, что американцы начинают размещение своих военных в Грузии, он ответил так: если в Центральной Азии можно, то почему нельзя в Грузии. И уточнять, а почему, собственно, можно в Центральной Азии, никто не стал, столь абсурдным (или абсурдистским) был ответ.

Кто-то из западных журналистов упрекнул Путина в том, что при нем в России уменьшилась демократия. Путин заявил: она не могла уменьшиться, так как ее никогда в России не было. Что, между прочим, в общем-то верно, но вопрос предполагал более узкую трактовку термина «демократия».

Из этой же серии и знаменитый сверхлаконичный ответ на вопрос о том, что случилось с подлодкой «Курск», – «Утонула».

Сама откровенность Путина порой имеет вызывающе резкую форму, как правило, облекаемую в жаргонизмы или недалекую от них профессиональную лексику спецслужб. Все помнят, что, заняв ключевую позицию в государстве, он прямо под телекамеры на собрании сотрудников ФСБ заявил, что задание по внедрению в руководство страны выполнено. Либералы чуть не попадали со стульев от такого неприкрытого цинизма.

Но тогда Путин был в хорошем расположении духа, и с его стороны это была, скорее всего, словесная провокация.

Гораздо чаще он переходит на резкости, когда вопрос ему не нравится и он не хочет или не может на него отвечать откровенно. Не помню уж точно, по какому поводу, но, кажется, в ответ на вопрос о коррупции в рядах высших чиновников Путин потребовал: «Имена, адреса, явки!» Знаменитое предложение приехать в Москву и сделать обрезание, чтобы уже ничего не выросло, последовало, естественно, в ответ на вопрос о Чечне западного журналиста. Совершенно очевидно, что что-то подобное Путин хотел бы сказать кому-то из западных политиков, возможно, очень высокопоставленному, но президентский статус не позволил. Разрядка произошла на журналисте, подвернувшемся под руку с неприятным и надоевшим вопросом.

Кстати, на западных журналистах Путин срывается гораздо чаще, чем на русских. Думаю, как раз по той причине, что не все, что хотел бы, он может сказать в лицо некоторым западным политикам. А внутри России ему с этим проще. Собственно, о российских политиках президент частенько отзывался весьма нелицеприятно, правда, не называя их имен. Последний пример этого – объяснение отказа участвовать в предвыборных дебатах с остальными кандидатами в президенты.

Но при этом Путин удивительно легко находит общий язык с простыми людьми. В этом ему помогает не раз уже упоминавшаяся мною откровенность, а также самоирония. Ею он пользуется, по моим наблюдениям, исключительно в беседах с простыми людьми и никогда, что понятно, в разговорах со своими непосредственными подчиненными. При встречах с последними он, наоборот, скорее иронизирует по поводу них, начальников для всех остальных. И это, естественно, тоже нравится простым людям.

В свое время мне приходилось писать, что разговор в Видяево с родственниками моряков, погибших на «Курске», был проведен Путиным исключительно проникновенно, с неподдельным сочувствием и предельно искренно – так, как только и нужно было говорить с этими людьми. Правда, при этом Путин умудрился избежать какой-либо критики руководства Военно-морского флота. Что можно, глядя с разных позиций, рассматривать и как абсолютно правильный, и совершенно неправильный ход.

При всем этом Путину удается в разговорах с подчиненными и особенно простыми людьми не подавлять в них желание и саму возможность спорить и не соглашаться с собой. Правда, у большинства его собеседников все-таки очевидно возникает восхищение-оцепенение, даже если они отваживаются на полемику с президентом.

Но, может быть, главный из приемов словесной политики Путина – это использование аргументов, основанных на здравом смысле. Против них, как правило, невозможно возражать, а простым людям это тем более близко. Я бы даже сказал, что 95 процентов аргументации Путина относится к этому разряду, а оставшиеся пять (по самым деликатным проблемам) – это абсурдистские аргументы.

Но те, кто помнит 38 снайперов Ельцина, проглатывают эти пять процентов, тем более что понимают: за ельцинскими снайперами стояла просто дезинформация президента со стороны подчиненных, в которую верил сам Ельцин, а за путинским абсурдом – объективная невозможность откровенности по данному поводу.

Как победить Путина?

В принципе, это невозможно. По крайней мере, до тех пор, пока дела в стране идут более или менее нормально – даже если и без радикальных улучшений.

Не случайно избиратели Владимира Путина рассредоточены среди симпатизантов всех партий – от КПРФ до СПС.

Есть, однако, один шанс. И шанс этот как раз в слове, ибо делом ни один оппозиционер не может соперничать с действующим президентом, причем успешно (в целом) действующим.

Шанс в слове, точнее – в идее. Ведь гармоничная эклектичность путинской идеологии-фразеологии все-таки не породила до сих пор того, что принято называть национальной идеей. А в такой книжной, такой словесной, такой идеофильской стране, как Россия, правильно найденная идея (и лозунг на ее основе) может буквально вознести политика к вершинам власти. Ельцину, например, хватило только лозунга (даже без идеи) борьбы с привилегиями, чтобы эту власть получить.

Но такую идею еще надо найти.

А если это (на ближайший срок) идея борьбы с олигархами, то ее Путин уже забрал себе.

Российская газета, 29.04.2004

Нужен ли нам Путин после 2008 года?
(Если да, то какой и при каких условиях)

То, с какой уверенностью и решительностью Путин начал действовать в первый год своего второго президентского срока – и главным индикатором тут стал, конечно же, арест Михаила Ходорковского, – заставило задуматься многих, и в первую очередь тех, кто при Ельцине и даже ещё во время первого срока правления Путина ощущал себя главной силой в России: а нужен ли нам (им) дальше такой президент? А что, если он и в 2008 году не уйдёт из Кремля?

Надо отметить, что одних перспектива того, что Путин так или иначе продолжит руководить Россией и после 2008 года, пугала, а других – основную массу населения – обнадёживала и радовала.

Так или иначе, но вопрос этот не только висел в воздухе уже с 2005 года, когда до очередных президентских выборов было ещё далеко, но и потихоньку начал обсуждаться в кулуарах власти.

Я решил ответить на этот вопрос публично. Причём не столько в том плане, а останется ли, сколько так, как и сформулирован заголовок моей статьи.

Полностью эта статья вышла в двух номерах журнала «Политический класс», который я начал издавать в январе 2005 года. Кроме того, название этой статьи стало и названием моей книги, выпущенной в конце 2005 года издательством «Российской газеты».

«Как ты думаешь, он останется?» Вот вопрос, который в последнее время все чаще задают мне и многим другим людям, занимающимся политической аналитикой. Расшифровки вопрос не требует. Вопрошающий уверен, что я или кто-то другой, чьим мнением на сей счет он интересуется, прекрасно поймет, о ком и о чем идет речь.

Но ведь гораздо более важен не этот вопрос – наше гипертрофированное представление о якобы абсолютном всесилии власти в России выводит его на первый план. Ведь и с философской, и с политической точек зрения, и исходя из национальных интересов страны, надо прежде всего задать другой вопрос: а нужен ли нам, гражданам России, Владимир Путин как лидер страны и нации и после истечения, согласно действующей Конституции, его президентских полномочий в начале 2008 года?..

Хороший ли Путин президент?

Прелюдией к ответу на этот вопрос должно быть прояснение ситуации с качеством исполнения президентских функций Владимиром Путиным за то время, что он занимает главный кабинет в Кремле.

Если судить по публикациям в центральной российской прессе, беря ее в совокупности всех значимых изданий, то, несмотря на обвинения в том, что Кремль ее контролирует и цензурирует, а также вообще всячески ограничивает свободу ее самовыражения, мы увидим самые противоположные оценки: от положительных до негативных и прямо обличительных. Главные телеканалы, безусловно, в основном действуют в рамках апологетики путинского курса и конкретных действий президента, что, впрочем, распространяется только на штатных сотрудников этих каналов, но отнюдь не на всех приглашаемых экспертов. Критика же положения в стране, критика «этой власти» без упоминания самого Путина, но явно подразумевающая, что это «его власть», фактически повсеместна. Во всяком случае, в выступлениях (весьма многочисленных) всякого рода «деятелей культуры», писателей (из числа тех, что давно уже больше выступают по телевизору, чем пишут) и т. п. Кроме того, фактически оппозиционен политике Путина канал РЕН-ТВ. То же самое можно сказать и об НТВ, оппозиционность которого не повсеместна, но вполне ощутима, хоть и выражается, как правило, не в прямой критике Кремля или лично Путина, а в иронии или даже примитивном ерничанье по адресу и того, и другого. Фактически оппозиционны и телекомпании, ведущие вещание на третьем канале, правда, эта оппозиционность никогда не распространяется лично на Путина, а всегда – на правительство и значительную часть президентской команды. То есть если анализировать сумму информации, оценок и мнений, передаваемых по главным телеканалам страны, то говорить о благостно-положительной оценке если не самого Путина, то, по крайней мере, его политического курса во многих составляющих не приходится.

Словом, много свободы и плюрализма в наших СМИ или мало, но сделать на основе суммы их выступлений вывод об исключительно и повсеместно положительной оценке того, что сделал Путин за годы президентства, нельзя. Во всяком случае, трудно предположить, что если завтра Путин объявит о желании сохранить власть и после 2008 года, то все или подавляющее большинство наших центральных (общефедеральных) СМИ, работающих в них журналистов и выступающих в них экспертов и иного рода лидеров общественного мнения начнут безоглядно хвалить и приветствовать это решение. Более того, думаю, что поток критических и прямо отрицательных мнений будет очень и очень солидным.

Есть, однако, еще пресловутый «президентский рейтинг», который, во-первых, несмотря на постепенное снижение, остается очень высоким, а во-вторых, значительно превосходит аналогичные показатели доверия избирателей к какой-либо другой политической фигуре в стране. В общем и целом нельзя отрицать, что рядовой избиратель, который так или иначе и делает погоду на общенациональных выборах, качество работы Путина как президента оценивает положительно или даже радикально положительно. А это все-таки мнение народа, в конечном итоге – самое важное в политике.

Политическое и политизированное сообщество (включающее всех активистов медиаполитики) субъективно и пристрастно по-своему, просто общество (или просто

избиратель) – по-своему. Есть ли более объективный показатель, позволяющий оценить качество работы Путина как президента? Конечно, есть. Это сравнение состояния страны, в котором он принял Россию из рук Ельцина, с тем состоянием, в котором она находится сейчас. При соблюдении минимальной объективности абсурдно утверждать, что по совокупности показателей (при всех нынешних проблемах) Россия 1999 года находилась в лучшей форме, чем она же образца года 2005-го. При Ельцине было хуже, при Путине стало лучше (в некоторых сферах – гораздо лучше) – это, собственно, и есть синтетическая и универсальная оценка исполнения последним президентских функций.

Другое дело, что это, так сказать, ретроспективная оценка, оценка, основанная на сравнении настоящего с прошлым, но без учета проблем, которые возникли или обострились при власти Путина и в полной мере проявят себя в близком или более отдаленном будущем. О будущем, о возможностях Путина вновь стать «президентом надежды», а не только «президентом стабильности» (нынешний статус) мы, безусловно, еще поговорим, но при всей проблемности этого будущего нельзя же полностью игнорировать то, что Путину удалось сделать, ориентируясь лишь на провалы и неудачи.

Таким образом, можно спорить, сделал ли Путин свою работу, если воспользоваться привычными нам с советских времен оценками, удовлетворительно, хорошо или отлично, но то, что он не сделал ее плохо, а кроме того, сделал лучше, чем два предыдущих президента, бесспорно.

А кстати, почему Путин не сделал свою работу отлично? И почему сделал много ошибок и много неправильного? Это тоже существенные вопросы.

В чем причина ошибок и провалов Путина?

Не буду разбирать сейчас сами ошибки, ибо то, что одним кажется успехом власти, другие определяют как провал и чуть ли не как преступление (типичнейший пример – политика Кремля на чеченском направлении). Однако само наличие ошибок, причем часто грубейших, и провалов, порой почти катастрофических, сомнения не вызывает. Правда, удивительно то, что очень часто не только далекие от политики люди, но и активнейшие комментаторы политических событий все, определяемое ими как ошибочные или провальные решения путинской администрации, объясняют исключительно тремя причинами – злой волей, некомпетентностью и желанием захватить чужую собственность.

Не знаю, как насчет злой воли, ибо тут мы переходим в сферу если и не иррационального, то, по крайней мере, психологического, но некомпетентности, безусловно, у путинской команды хватает. Отрицать использование отдельными членами этой команды властных и административных возможностей для перераспределения в свою пользу финансовых и материальных ресурсов невозможно. Тут, правда, не совсем ясно, чем же в худшую сторону путинская команда отличается от команды Ельцина, при котором якобы процветали демократия, экономические свободы и справедливость.

Однако вернемся к ошибкам и провалам Путина и его людей.

Итак, часть этих ошибок – безусловное следствие некомпетентных решений.

Другая часть мотивирована чисто эгоистическими инстинктами, заставляющими принимать решения, противоречащие национальным интересам. Замечу, что это может касаться далеко не только вопросов собственности. Возможно, собственность здесь вообще не самое главное. Обществу ведь в конце концов все равно, кто конкретно владеет той или иной собственностью. Ему важно то, насколько эффективно она используется, выполняет ли собственник обязательства перед окружающими и государством, не нарушаются ли законы в процессе перераспределения собственности и т. п.

Часть ошибок сделана потому, что их (или каких-то других) нельзя было не совершить.

Еще одна часть стала неизбежным следствием выбора определенного идеологического и политического курса. Если бы курс был избран другой, то ошибки и провалы тоже были бы, но, скорее всего, противоположного характера.

Если брать лично президента как главу государства, то необходимо признать, что огромное число ошибок, в том числе и ассоциирующихся с самим Путиным, сделано фактически предшествующей (ельцинской) администрацией, но проявили они себя в полной мере лишь в последующий период, и нынешняя власть просто не успела их исправить. Или не сумела.

Кроме того, никакого авторитаризма в чистом виде у нас нет. Как нет пока, естественно, и чистой демократии (кстати, что это такое в современном мире?). Но, во всяком случае, в России достаточно демократии или анархизма, для того чтобы множество фактически не подконтрольных президенту людей и структур, сколь бы ни были сильны его личные авторитарные замашки, вполне самостоятельно делали огромное количество ошибок, аккумулирующихся в конечном итоге в общефедеральные провалы.

Если вспомнить, что президент России есть фактический глава всей системы исполнительной власти в государстве, то тут же придется признать, что эта система являет собой гигантский бюрократический аппарат, распластанный по территории еще более гигантской страны. И этот бюрократический аппарат способен, руководствуясь собственными, не подконтрольными никакому Кремлю и никакому президенту инстинктами и интересами, сам принимать решения о том, выполнять или не выполнять решения Путина, а если выполнять, то в какой мере.

Именно бюрократия была и до сих пор остается правящим классом России, и никто, в том числе и Путин, не сумел пока подчинить этот класс своей воле. Фактически Путин сам признал это в соответствующих пассажах о бюрократии и чиновничестве в своем последнем послании Федеральному Собранию. Что есть личные ошибки и провалы Путина, а что – великой и ужасной российской бюрократии, правящей страной как минимум последние три века? Кто способен это определить?

Кадровые ошибки президента, возможно, самые загадочные. Обычно все сводят к массовому приходу во власть вслед за Путиным так называемых питерцев и чекистов. Это, конечно, бросается в глаза и, наверное, может вызывать недоумение и раздражение. Здесь, однако, возникает закономерный вопрос: а как вообще новый начальник, придя к руководству какой-либо очень большой структурой, до него находящейся в плачевном состоянии, то есть так называемый кризисный менеджер, формирует руководящую команду? Принципа всего два: оставляются лучшие кадры из прежних руководителей (как правило, меньшинство) и приводятся те, с кем в прежние годы работал новый начальник, кого он лучше знает и кому больше доверяет (чаще всего таких большинство). Именно так Путин и действовал. Именно так действовал бы на его месте любой другой, в том числе и те, кто критикует Путина за кадровую политику. Иначе не бывает.

Другое дело, что в государственной власти при смене главы государства через процедуру демократических выборов действует еще принцип раздачи ключевых постов и синекур не просто старым знакомым и сослуживцам, а партийным кадрам или выдвиженцам, как сейчас выражаются, аффилированным с партией, которую представляет победитель, профсоюзных, политических, молодежных, исследовательских и даже бизнес-структур. Но, во-первых, российская Конституция 1993 года в этой, как и в некоторых других частях, подогнанная под желания Ельцина, не накладывает совершенно никаких ограничений в смысле кадровых назначений на вновь избранного президента (и это очень существенный ее дефект). А во-вторых, у нас фактически нет партийной системы, и если даже считать «Единую Россию» пропутинской партией, то очевидно, что и в 2000 году, и в 2004 году на президентских выборах Путин побеждал не благодаря поддержке «Единой России» (в 2000-м это еще было «Единство»). Наоборот, электоральные успехи «Единства» в 1999 году и «Единой России» в 2003-м были производным от разрекламированной телевидением близости этих квазипартий к Путину.

Сказанное не означает, что я, например, в восторге от всех или даже большинства кадровых назначений президента. Но, повторюсь, на его месте так же действовал бы любой иной. И даже пережим с питерскими и чекистами, то есть с теми, многих из которых Путин

действительно, видимо, выбрал по принципу личной преданности в ущерб профессионализму, вполне понятен и, в общем-то, был неизбежен.

Нельзя забывать, что Ельцин вместе с властью передал Путину и целую группу не сменяемых аж до конца первого срока президентства министров, включая главу кабинета Михаила Касьянова. Естественно, что Путину, в тот момент фактически все еще новичку в большой политике, важно было уравновесить, а желательно и перевесить кадровое наследство Семьи. В подобной ситуации любой политический лидер такого уровня вынужден делать ставку в первую голову на «своих людей», игнорируя возможные изъяны в их профессиональных качествах.

Есть еще одна причина кадровых просчетов и провалов путинской администрации. Суть ее в том, что, кого и за что снять, в Кремле, как правило, хорошо знают. Проблема в том, что не знают, кого назначить. Особенно остро эта проблема стоит, например, в плане смены глав некоторых регионов, и в первую очередь – глав республик в составе Федерации. В целом надо признать, что в России до сих пор нет не только эффективной и продуманной, а тем более узаконенной или с учетом демократических процедур естественным путем сложившейся общегосударственной кадровой политики. Фактически у нас нет никакой кадровой ни системы, ни политики. Есть лишь кадровые назначения. Частью удачные, частью случайные, частью замешенные на корпоративных, а то и прямо коррупционных связях. Частью – вообще непонятные.

Наконец, говоря о причинах ошибок и провалов в политике Путина, нельзя не упомянуть фактор времени. Шести лет, которые Путин руководит Россией, да еще с учетом того, в каком состоянии она ему досталась, да еще с учетом всех перечисленных выше факторов и с учетом идейного кризиса, безусловно, царящего в нашем обществе, этих шести лет, очевидно, недостаточно для того, чтобы не только решить главные проблемы, стоящие перед страной и буквально вопиющие о своей остроте и неотложности, но даже просто минимизировать число ошибок и провалов.

О демократичности и честности

Все сказанное в предыдущем, изрядно затянувшемся (ибо и ошибок много, и причин их появления немало) разделе статьи – не оправдание Путина и его политики, а лишь объяснение некоторых обстоятельств ее появления и проявления. Хотя я не раз и без всякой уклончивости писал, что в целом политику Путина поддерживаю, моим претензиям и ко многим конкретным действиям нынешнего президента, и к его политической линии в целом несть числа. Некоторые из этих претензий весьма принципиальны. О них я скажу в специальном разделе статьи, который так и будет называться – «Главные недостатки политики Путина». Сейчас же пора перейти к аргументации того, почему я считаю, вполне осознавая, сколь внешне недемократично это выглядит, что продолжение пребывания Владимира Путина на посту главы государства не только целесообразно, но даже более того – при определенных условиях отвечает национальным интересам России.

При этом я исхожу из трех принципиальных соображений.

Первое – демократический алгоритм передачи высшей государственной власти в России фактически не сложился, и одновременно его нельзя считать эффективным, то есть максимально отвечающим интересам страны. Следовательно, мы обязаны воспользоваться имеющимся пока временем, прежде чем нынешняя система не затвердеет в виде традиции, для того чтобы усовершенствовать этот алгоритм.

Второе – Россия должна оставаться президентской республикой, в обозримом будущем форма парламентской республики ей категорически противопоказана, а потому все, что касается института президентства в нашей стране, не может и не должно быть догмой, даже конституционной, по крайней мере до тех пор, пока мы не найдем оптимальной формулы этой догмы.

Третье соображение – лицемерие в политике, конечно, весьма распространено и часто весьма эффективно, но все-таки в некоторых, самых главных вопросах внутренней политики

и политического реформаторства, тем более такого радикального, которое сегодня переживает Россия, честность и предпочтительнее, и эффективнее.

Совершенно ясно, что если в 2008 году Владимир Путин не будет, как предполагается нынешней Конституцией и как он сам не раз заявлял, претендовать на продление своего пребывания на посту главы России, в чем бы, что весьма существенно, большинство избирателей ему не отказали, то главным и, скорее всего, самым удачливым претендентом на этот пост станет тот, кого, по примеру операции «Наследник» 1999–2000 годов, сам же Путин с группой ближайших сподвижников определят.

Конечно, демократия – это процедуры (одно из определений). Но и от содержательной части демократии нельзя отказываться, причем отказываться исключительно ради соблюдения ее формы. Ответим себе честно и беспристрастно: что демократичнее – избрать конкретно Владимира Путина третий раз президентом России, если этого реально желает абсолютное большинство избирателей и если на прямых и демократично организованных альтернативных выборах эти избиратели за Путина проголосуют, или позволить тому же Путину самому подобрать себе преемника, причем, что понятно, с совершенно не гарантированным (а кто тут что-либо может гарантировать?) результатом?

Еще одно важное замечание. В принципе, я, конечно, стою за самое жесткое соблюдение действующей Конституции и за не менее жесткое соблюдение принципа сменяемости при занятии высших постов в государстве. Также я являюсь сторонником принципа политической и юридической ответственности высших лиц государства, даже получивших посты путем реализации всеобщего избирательного права (при сохранении института неприкосновенности этих лиц, но не абсолютной и ограниченной во времени). Однако все это опять же не должно превращаться в догмы, мешающие снятию политических конфликтов и развитию страны.

Например, когда весной 1999 года в Думе был инициирован процесс вынесения импичмента президенту Ельцину и самую активную роль в этом процессе после коммунистов играла партия «Яблоко», я, при всем своем крайне негативном отношении к Ельцину и его политике, выступил с самой жесткой и, возможно, даже грубой по форме критикой этой партии, за которую и за лидера которой до той поры постоянно голосовал на всех выборах. Тем самым, кстати, совершенно и окончательно испортив до того дружеские отношения с Григорием Явлинским, который решил, о чем мне сам сказал, что эти статьи я писал по заданию Березовского. Не слишком оригинальная, надо признать, гипотеза.

Логика же моя была такова. До проведения очередных президентских выборов остается год. Ельцин, судя по целому ряду признаков, готов их проводить и не собирается что-либо менять, дабы вновь остаться в Кремле. То есть все идет к тому, что через год впервые за всю историю России (может быть, исключая 1613 год) высшая власть в ней будет передана законным и демократическим путем, а не по принципу династического преемства и не в результате госпереворота, революции или смерти предыдущего лидера. Ельцин – неудачный президент, но через год он все-таки уйдет из власти. Если же попытаться реализовать идею импичмента (чего, в принципе, Ельцин заслуживал, правда, не по всем пунктам, которые ему тогда вменялись в вину), то стоящая за Ельциным группировка пойдет буквально на все, чтобы этого не допустить, а потому о демократическом и легитимном переходе власти к новому лицу придется забыть. И это еще самое малое, что нам в этом случае грозило. Таким образом, объективная политическая целесообразность требовала не допустить проведения импичмента.

Вывод прост и очевиден: не страна для демократии, а демократия для страны – тем более для страны, которая совершенно явно, хоть и галсами, в сторону демократии движется.

В нынешней же ситуации интересы России как нации и страны и, кстати, интересы развития демократии в этой стране требуют продления пребывания Владимира Путина на высшем властном посту еще на один (подчеркиваю – только на один) срок. Если, конечно, к началу 2008 года в России не появится сильная и ответственная политическая фигура, обладающая и качествами президента, и высокой популярностью среди масс избирателей.

Зачем нам Путин?

Первый ответ состоит как раз в том, что, к сожалению, новой политической фигуры соответствующих статей и альтернативной Путину как единственному на сегодняшний день образцу успешного российского президента не наблюдается и не предвидится. Еще полтора года назад я был уверен, что такая фигура непременно появится. Даже не одна, а две-три. Увы, состояние нашей политической системы, нашего политического сообщества и нашей политической элиты таково, что я, написавший в свое время немало статей, в которых утверждалось, что «альтернатива всегда есть», вынужден признать, что на нынешний момент это правило у нас в силу целого ряда причин не действует. Разумеется, я имею в виду не вообще людей, достойных стать президентом России, а тех, кто сочетает это качество (вполне распространенное, например, среди некоторых моих знакомых) с избирабельностью (или электорабельностью?) – да простятся мне эти неологизмы, если это неологизмы.

Причем я говорю об объективном показателе этой самой избирабельности, а не о том, каким этот показатель может быть в результате возгонки с помощью административного и информационного ресурсов. Ведь последнее возможно только при реализации операции «Наследник-2».

Несколько слов о возможных кандидатах в президенты России – как «стихийно возникших», так и «наследников».

Альтернативы?

Всех тех, кто уже проявил себя в качестве кандидатов в президенты России на предшествующих выборах, я отметаю скопом. Это – несмотря на различия в возрасте – уходящее, а часто и ушедшее политическое поколение России. И по своим качествам, и, на мой взгляд, по рациональному и иррациональному отношению к ним избирателей.

Из новичков можно и нужно назвать лишь три фамилии: Касьянов, Рогозин и Иванов (здесь – с именем Сергей). Объективно, по уровню популярности у избирателей, ни один из них президентом избран быть не может. Даже некоторые из старожилов президентских выборов способны их легко обойти по числу поданных голосов.

Михаил Касьянов просто не публичный политик. Дмитрий Рогозин – политик безусловно публичный, со значительным потенциалом, но в силу ряда причин, о которых я сейчас говорить не буду, не сможет – без общефедерального административного ресурса – быть раскручен до необходимых рейтинговых высот. То есть проходимость его возможна только по схеме наследника, но для этого, что для данной схемы в условиях России принципиально, нужно сначала быть назначенным Путиным главой правительства. Чего, конечно, не случится.

Вот Сергей Иванов, и по давно циркулирующим слухам, и по своим кондициям, премьер-министром стать может. Кроме того, он единственный из всех наших членов правительства и вообще высших должностных лиц, кроме разве что еще генерального прокурора Владимира Устинова, но в данном контексте речь о нем, естественно, не идет, позволяет себе делать политические заявления и комментарии, далеко выходящие за пределы его непосредственной должностной компетенции и заступающие на площадки других аналогичных ему по рангу должностных лиц. Это очень верный показатель того, что на премьерскую должность Сергея Иванова, возможно, готовят.

Больше, собственно, и назвать пока некого. Ни как наследников, ни как «вольных» серьезных кандидатов.

Правда, все вспоминают случай самого Путина и говорят: в России можно в последний момент вынуть любого человека из кармана президентской шинели и затем с помощью телевидения превратить в популярную фигуру. Вообще-то, большое заблуждение – думать, что такие штуки проходят в нашей стране дважды кряду и с гарантированным успехом. Россия 2008 года не будет такой же, какой была в 1999-м. Да и сегодня она уже не такая. Кроме того, в 1999 году у никому не известного Путина были не только пост премьера и

колоссальный административно-информационный ресурс. Этого все равно недостаточно. Еще была вторая чеченская кампания, в которой он себя прекрасно и именно так, как ждали десятки миллионов избирателей, проявил. Вряд ли будущему премьеру «повезет» с чем-то подобным для возможности быстрого и мощного самопроявления.

Кстати, сценарий сохранения Путина во главе России по схеме «новый слабый президент – сильный премьер Путин» (без соответствующего изменения Конституции) весьма сомнителен по результату. До того, как кто-то окажется в главном кабинете Кремля, он может давать любые обещания, причем совершенно искренне, но как этот человек поведет себя, реально оказавшись в этом кабинете? Вкус к власти приходит порой прямо вместе с властью.

Я уже не говорю о принципиальных политических разногласиях, которые могут возникнуть между двумя ранее близкими друзьями. Не затевать же, в самом деле, эту и так весьма рискованную политическую и аппаратную операцию, для того чтобы посадить в кресло президента России чистую марионетку. Это совсем последнее дело. Да и опасное до чрезвычайности.

Теоретически нельзя исключить появление на нашей политической сцене такой альтернативы Путину, каким в конце 80-х оказался Ельцин для Горбачева. Но практически это крайне маловероятно. Во-первых, ситуация, к счастью, не та. Во-вторых, еще раз отмечу, что мало что в политике повторяется столь буквально на таком коротком историческом отрезке. В-третьих, «цветные революции», конечно, ныне вроде как в моде, но ведь Россия действительно уже пережила такую революцию как раз в конце 80-х – 91-м годах. И с какой стати у нас должен произойти этот исторический дубль?

Вернусь, однако, к иным причинам, по которым нам нужен Владимир Путин. Часть из них я по ходу рассуждений назвал ранее. Теперь перейду к остальным.

Явление политической философии

Глава России, особенно в условиях нынешнего времени, смутного не только социально и политически, но и идейно, должен обладать ясной и стройной политической философией. Идейно-политическая эклектика, характерная для наших известных политиков и наблюдавшаяся до сих пор в словах и делах и Путина, вроде бы наконец сменилась пусть пока абрисом, контуром, наброском такой политической философии, появившейся в последнем президентском Послании Федеральному Собранию.

Имя этого наброска философии – суверенная демократия в России. Ключевые понятия – не Православие, Державничество, Народность, как предсказывали многие из либеральных критиков Путина, а Свобода, Суверенность, Справедливость. Неплохо, хотя многое в этой формуле еще требует и прояснения, и разработки, и конкретизации.

Пока политическая философия Владимира Путина проговорена весьма тезисно, с пропусками некоторых существенных составляющих (случайно или специально сокрытыми), не до конца стратегически продумана, почти совершенно не проработана инструментально, но все-таки уже достаточно привлекательна и потенциально плодотворна.

В недрах президентской администрации на седьмом году правления Владимира Путина наконец-то родился не конъюнктурно-прагматический, а философско-политический текст. Значит, осмысление с нами происходящего и грядущего ощущается президентом не только как абстрактно-стратегическая, но уже и как неотложно злободневная миссия власти. Это – самоценно. Это – доказательство того, что Кремль вернулся к пониманию бесценной истины, что нет ничего более практичного, чем хорошая теория. Это – успех всех тех, кто не давал последние годы власти зациклиться на переделах собственности и абстрактных рассуждениях о величии России. Это – высшая политическая заявка на право продолжать свое лидерство в России.

И на эту заявку мы должны среагировать. То ли отвергнув ее – если есть лучшие проекты политической философии для России, если есть лучшие претенденты на руководство

страной в рамках этой или другой, своей, но не менее привлекательной философии. То ли согласившись.

Выбор ведь за нами. Если, конечно, мы не попытаемся его избежать. По причине привычного недоверия ко всему, исходящему от власти. Из-за лени, апатии, усталости. И т. п.

Иначе выбор сделают за нас. Кто-то. Та же бюрократия. Возможно, сам Путин. А должно быть наоборот.

* * *

В первой части статьи я попытался обосновать несколько в общем-то простых умозаключений, некоторые из них, правда, не настолько банальны, чтобы совсем остаться незамеченными.

Первое. Несмотря на всем известные конституционные препятствия (сценарии обхода которых, впрочем, тоже хорошо известны и описаны), честнее, ответственнее и в конечном итоге демократичнее не проводить выборы из десятка заведомо слабых и не слишком популярных у нации кандидатов и не ждать, что операция «Наследник-2» (или «Преемник-2») будет столь же удачной, как и первая.

Второе. Президент Владимир Путин, несмотря на все возможные и во многом справедливые претензии к его правлению, – безусловно, успешный президент. И главное доказательство тому – сравнение результатов его правления с итогами пребывания у власти двух предыдущих руководителей страны.

Третье. Мы не имеем, в том числе и из-за весьма слабой публичности действий нашей власти, точного представления о причинах провалов и ошибок политики Путина. Достаточно очевидным, однако, представляется факт обусловленности, по крайней мере, некоторых действий или бездействия Путина теми ограничениями, которые сумели наложить на своего преемника, передавая ему власть, президент Ельцин и связанные с ним люди.

Четвертое. Полностью или в значительной мере освободившись от этих ограничений к началу второго срока своего правления, Владимир Путин в последнем президентском послании наконец-то сформулировал абрис своей политической философии, пока еще не слишком определенной и дающей лишь один, скорее охранительный, чем креативный принцип стратегии развития России, а именно принцип суверенной демократии, то есть права и намерения России строить свое будущее, исходя из обстоятельств и условий собственной истории.

Пятое. Россия остается недореформированной страной. И на сегодняшний день, в том числе и из-за того, что реформы, проводимые Владимиром Путиным, частично неясны, частично противоречивы, частично неудачны, частично обратимы, а главное – ясно и определенно как стратегия национального развития так и не заявлены, нет никаких гарантий, что следующий президент, особенно если он окажется слабой политической фигурой (а иных пока даже на горизонте не просматривается), сможет не то что завершить эти реформы или нащупать новую необходимую стратегию развития России, но хотя бы сохранить в стране стабильность и в целом поступательный курс ее движения в довольно тревожное будущее, переполненное, как, впрочем, и настоящее, весьма серьезными вызовами и угрозами.

Четыре главные угрозы, актуальные уже сегодня, таковы:

– угроза распада страны или отторжения от нее территорий;

– угроза депопуляции, а попросту говоря, вымирания населения;

– угроза дальнейшего углубления морального кризиса, проникновения организованной преступности во власть, холодной гражданской войны и неэффективного управления;

– угроза окончательной потери Россией полноценной международной и даже внутренней суверенности.

Очевидно, что в конечном итоге реализация любой из этих угроз приведет к тому, что развитие событий сведется к более или менее стремительному распаду страны. То есть первая угроза вбирает в себя все остальные и не может быть ликвидирована сама по себе

«простыми» и однозначными средствами, например исключительно поддержанием высокого уровня обороноспособности и сохранением мощных стратегических сил ядерного сдерживания.

Новый президент России должен суметь создать условия для минимизации, а еще лучше ликвидации всех этих (и многих иных, более частных) угроз – это главное к нему требование. Причем положение страны сейчас таково, что мы не можем себе позволить ошибиться в его выборе, понадеявшись, например, на то, что в случае ошибки еще через четыре года или восемь лет процесс демократических выборов непременно позволит нам эту ошибку исправить. Ни четырех, ни тем более восьми лет в запасе у нас нет. И это императив, которым необходимо руководствоваться. Этот императив, фактически императив сжимания с каждым новым днем срока, отведенного России для принятия решения о том, собирается ли она выжить, а если да, то как, отводит на второй план все остальные соображения, тем более соображения политкорректности в соблюдении статей и пунктов во многом весьма неудачной Конституции.

Главные ошибки Путина

Объективности ради следовало бы перечислить и главные достижения Владимира Путина, но для краткости всю комплиментарную часть я решил опустить. Да и вообще это не в духе дня – хвалить нынешнего президента.

Отранжировать по значимости главные ошибки (и недостатки) политики Путина крайне тяжело, поэтому в своем перечне никакой системы придерживаться не буду. Но выделить постараюсь действительно главное, не останавливаясь на мелочах, которые в масштабах такой страны, как Россия, тоже могут оказаться существенными.

Итак, я бы выделил следующее.

Путин так и не сумел решить проблему российской бюрократии (в чем, собственно говоря, и сам признался в последнем своем послании Федеральному Собранию). Суть этой проблемы состоит в том, что бюрократия как была, так и остается единственным правящим классом России. Она не делится и не собирается делиться своей властью ни с кем (тем более с каким-то там народом), за исключением владетельного класса, то есть класса крупных и сверхкрупных собственников, с которым она частично вновь, как до 1917 года, слилась. Административная рента, то есть доходы чиновников, получаемые ими – нелегально и противозаконно – сверх официальных зарплат, по объемам своим, безусловно, огромна. Но главное даже не в этом, а в том, что наша бюрократия при этом чрезвычайно неэффективна и обслуживает в основном собственные интересы, которые, по понятным причинам, далеко не всегда совпадают с общенациональными интересами, а очень часто им и противоречат.

Извинительным моментом здесь является то, что эту проблему не мог решить до сих пор ни один российский лидер, за исключением прямых диктаторов (Петр Великий, Иосиф Сталин), которые, впрочем, тоже ограничивали власть бюрократии исключительно репрессивными методами и только на срок собственного деспотического правления.

Хуже, что политическая и экономическая стабилизация – безусловные и очевидные достижения путинской политики, – почти сняв проблему безвластия и анархии, царивших при Ельцине, вновь вернули мощь бюрократического бремени в России. Мне даже показалось, что в какой-то момент Владимир Путин, осознав, что противостоять этому невозможно, проникся идеей создания идеального государства как оптимально действующей бюрократической машины. Но, естественно, это оказалось утопией, еще менее достижимой, чем ограничение власти бюрократии.

То, что Путин фактически отступил перед данной проблемой, доказывает, на мой взгляд, еще одна ошибка нынешнего президента, на свершение которой он, конечно же, пошел сознательно. Я имею в виду отказ не от выборности глав субъектов Федерации, а отказ от ограничения сроков их пребывания у власти. Мотивы продления Кремлем срока полномочий абсолютного большинства глав регионов в каждом отдельном случае понятны. Но в целом ситуация непонятна и необъяснима. Ее негативные последствия, на мой взгляд, многократно

превосходят те отдельные и, как правило, спекулятивно раздуваемые тактические или оперативные проблемы, которые центральной власти пришлось бы решать в случае замены некоторых фигур, стоящих во главе отдельных республик в составе РФ.

Еще менее объяснимым представляется мне то, что до сих пор Кремлем не сформулирована ясная и однозначная стратегия национального развития России на более или менее долгосрочную перспективу.

Не представляло и до сих пор не представляет никакого труда собрать три-четыре альтернативно ориентированные группы экспертов (не только, разумеется, политологов), которые получили бы государственный заказ на разработку идеологически близких им вариантов такой стратегии.

Сколько бы ни насмехались над попытками привнести какую-то национальную идею в современную политическую практику России, эти насмешки не могут умалить необходимости обретения такой идеи. Самое главное, что никто не требует от Кремля или лично от Путина сделать определенный идеологический выбор в кратчайшие сроки. Речь всего лишь о том, чтобы потратить минимальные в масштабах российского бюджета средства на интеллектуальную деятельность трех-четырех экспертных групп в течение года-двух, максимум трех лет.

А далее достаточно, используя сотую часть ресурса нашего телевидения, расходуемого сегодня на развлечения и отвлечение людей от политики, дать обществу в целом и интеллектуальной элите в частности возможность свободно обсуждать не бессодержательные и противоположно толкуемые слова «демократия», «рынок», «либерализм», «консерватизм», «национализм», «державничество», «права человека», «международный терроризм» и т. п., а законченные теоретически и инструментально проработанные концепции.

Кстати, побочным, но не самым бесполезным результатом таких дискуссий могло бы стать рождение партийных идеологий, на основе которых, не исключено, рано или поздно выстроились бы и партии. Сегодня же мы имеем прямо противоположный опыт, когда многочисленные квазипартийные структуры, большинство которых бесплодны даже как электоральные машины, не могут извергнуть из своего чрева ничего, хотя бы отдаленно напоминающего какую-то идеологию.

Но все-таки оптимальный вариант требовал бы того, чтобы стратегия национального развития была Владимиром Путиным сформулирована. Тем более что в отдельных его действиях и словах контуры такой стратегии отчетливо просматриваются. Правда, другие его слова и действия ставят под сомнение осознанность или неслучайность первых.

Очень большой ошибкой Владимира Путина я считаю практически полное игнорирование, кроме упоминания в отдельных выступлениях, проблемы депопуляции, а точнее и откровеннее говоря, вымирания России.

Еще три конкретных провала или ошибки, не требующих долгих пояснений.

Запредельная, а порой просто алогичная и бессмысленная закрытость власти.

Отсутствие (при наличии гигантских финансовых резервов) набора из хотя бы четырех-пяти общенациональных экономических программ, решающих одновременно проблемы занятости, экономического роста и развития инновационных технологий.

Поразительная терпимость по отношению к очевидно неправильным кадровым решениям, в том числе и собственным.

Безусловно, переполнена провалами, ошибками и невнятностями, кстати, и кадровыми, политика на постсоветском пространстве.

Я до сих пор не могу понять, как Владимир Путин, о чекистских комплексах которого много говорят и пишут, мог довериться господину Кучме, сделавшему сначала все, чтобы была загублена идея Единого экономического пространства, а затем подбившему Кремль на априори проигрышную игру на президентских выборах на Украине. И это при том, что любой мало-мальски смыслящий в украинской политике эксперт сказал бы, что действовать можно было только по одной логике: послушай Кучму и сделай наоборот.

Вообще, на постсоветском пространстве Кремлю нужно менять нашу политику кардинально. Все эти «цветные революции» заострили данную проблему (в смысле невнятности российской политики) до предела, а кризис Евросоюза, связанный с переходом им своих естественных границ роста, открывает перед Россией новые и, по существу, беспредельные возможности для маневра.

И еще два пункта. Первый: несмотря на неоднократно провозглашенную цель преодоления бедности и достигнутые здесь скромные успехи, все-таки скандально-неприличным и политически опасным остается разрыв между уровнем дохода беднейших и сверхобеспеченных слоев населения.

Все столь популярные сегодня рассуждения о социальной справедливости вообще и о справедливости как особой ценности российской цивилизации конкретно в этих условиях в лучшем случае повисают в воздухе, в худшем – порождают то, что однажды было названо гроздьями гнева, но в любом случае вызывают улыбку, циничную или печальную, в зависимости от того, чью очередную тираду об этой самой справедливости мы в данный момент выслушиваем.

Наконец, последнее, что необходимо отметить, – многочисленные возвраты назад, часто мало чем мотивированные, и невнятица в проведении политических реформ, действительно порой создающие впечатление отступления от демократической тенденции развития. Вообще, проблема конкретной демократической конструкции, подходящей для условий России, – это отдельная тема, но то, что и на этом направлении общество в каждый данный момент должно ощущать не потери, а приобретения, сомнения не вызывает. Как создать не только эффект этого, но и возродить процесс реальной демократизации, я опишу ниже – в том месте, где буду говорить о реверсивной демократизации.

Константы 2007–2008 годов

Итак, какой представляется, исходя из сегодняшних тенденций, ситуация в России на конец 2007-го – начало 2008 годов?

Если не случится каких-то грандиозных потрясений или изменений, на выборах в Государственную Думу семипроцентный барьер преодолеют всего три партии. Это «Единая Россия» (с результатом в 35–40 %), КПРФ (видимо, не более 20 %) и «Родина» (10–12 %). Традиционный электорат ЛДПР, скорее всего, будет частично отобран «Родиной», и партия Жириновского покинет парламентские ряды. Так называемые правые (СПС) пока никаких перспектив прохождения в Думу не имеют, и ощущения, что эта тенденция изменится, тоже нет. «Яблоко», на каждых последующих выборах показывающее худший результат, чем на предыдущих, тоже останется за пределами Думы. Создание новой либеральной партии, которая может хотя бы теоретически преодолеть семипроцентный барьер, вообще, а в оставшееся время тем более, представляется совершенно фантастическим. Прежде всего потому, что нет лидера, вокруг которого такая партия могла бы возникнуть и сплотиться.

Персональный политический расклад будет не менее определенным и скудным. Владимир Путин со своим по-прежнему высоким рейтингом, далеко выводящим его за пределы популярности (а точнее, непопулярности) других политиков. Геннадий Зюганов (менять которого на посту лидера КПРФ до думских выборов теперь уже бессмысленно), не способный составить какую-либо реальную конкуренцию представителю партии власти на выборах президентских. Дмитрий Рогозин, способный показать на президентских выборах второй, но никак не первый результат. И выдвинутый Кремлем через «Единую Россию» преемник или наследник Путина, каковым, скорее всего, опять окажется тот, кто будет к тому времени занимать пост главы правительства. В менее реалистичном сценарии – председателя Государственной Думы.

Появление внесистемной фигуры типа той, каковой стал Ельцин в середине горбачевского правления, то есть стихийного народного вождя, лидера улицы, представляется крайне маловероятным. Во всяком случае, я никаких показаний к этому не

вижу, несмотря на то что некоторые эксперты, и особенно некоторые либеральные политики (незначительного статуса и веса), предрекают России свою «цветную революцию».

Если, впрочем, предположить, что такой лидер появится – в ходе раскручивания революции или вне ее, – он все равно поломает любые сценарии, ибо против харизматического лидера общенационального протеста никаких, кроме запрещенных, приемов политической борьбы нет. Победа такому лидеру будет обеспечена волей масс, а эта воля (если она наличествует) сильнее всех политтехнологий и телевизионных манипуляций.

Изменение сроков правления нынешнего главы государства через изменение Конституции по совокупности обстоятельств и, в частности, в силу многократных заверений Путина, что он на это не пойдет, кажется крайне маловероятным, хотя к этому варианту я еще вернусь.

Сценарий продвижения в президенты преемника Путина при назначении последнего главой правительства как формального (к тому времени) или неформального лидера победившей на думских выборах «Единой России» чреват многими политическими осложнениями и в нынешней конституционной конструкции не гарантирует никому ровным счетом ничего. Зато дестабилизировать политическую ситуацию этот сценарий способен стремительно.

Превращение России из президентской республики в парламентскую (что тоже требует изменения Конституции) и нереально, и – при отсутствии полноценных партий – вредно и опасно. Да и при их наличии (с этим, кажется, согласны почти все) не отвечает специфике России.

Таким образом, наиболее реальный вариант оставления Путина у высшей власти в стране, если, конечно, он сам того желает, – сценарий создания нового государства (Россия – Белоруссия или шире). Но понятно, что тут далеко не все будет зависеть исключительно от воли Москвы и Кремля.

Поскольку я уже вполне определенно заявил, что в принципе в сложившихся обстоятельствах мне представляется весьма целесообразным все-таки продлить срок нахождения Владимира Путина во главе нашего государства, то одновременно честных, эффективных и демократичных сценариев всего два. Изменение конституционного срока (еще на одну, возможно – пятилетнюю легислатуру) нахождения на посту президента России (для Путина и всех последующих президентов) через совершенно официальную, публично и откровенно мотивированную процедуру корректировки Конституции. Либо избрание Путина главой вновь созданного российско-белорусского государства.

И теперь, конечно, необходимо перейти к описанию качеств, которые должен проявить нынешний президент России, для того чтобы политический класс страны и нация в целом осознанно пошли на такой шаг, представляя все имиджевые потери, которые понесет Россия (прежде всего на Западе), приняв названное решение. Во-первых, принять это решение, в принципе, наша страна вправе. Во-вторых, принять его, на мой взгляд, целесообразно и даже необходимо. В-третьих, оно не является чем-то экстравагантным или скандальным, ибо и в практике вполне развитых и успешных западных демократий исполнение обязанностей главы государства или правительства (в парламентских республиках) в течение трех сроков или 14–15 лет достаточно распространено. При сохранении, естественно, демократической процедуры подтверждения подобного нахождения у власти.

По сути, речь идет лишь об исправлении дефекта нынешней Конституции России, дефекта, малозначимого для уже сложившейся политической системы, но крайне серьезного для переходного периода, тем более в России, где реформы (эволюционные изменения) традиционно требуют априори большего срока для завершения, чем в меньших по масштабам странах. Аномальным и опасным было бы введение более чем 15-летнего срока пребывания президента России у власти или единократного его избрания сразу на более чем 10-летний срок. Вот этого допустить действительно нельзя.

Какой Путин и при каких условиях?

Вообще-то, речь идет не исключительно о Путине, а о любом политике, который способен проявить качества, нужные сегодня нации. О Владимире же Путине приходится говорить только потому, что на сегодняшний день более удачных кандидатур-2008 не просматривается и стоит вопрос о том, как бы в слепом следовании дефектной конституционной норме и в эфемерной попытке заменить неясным и негарантированным «лучшим» нынешнее «хорошее» нам всем не потерять страну и шанс довести реформы в ней до более или менее вразумительного конца.

Условия

Первым условием является отсутствие сильной альтернативной фигуры, сопоставимой с Путиным по популярности, то есть такой фигуры, которая смогла бы реально выиграть президентские выборы в случае участия в них нынешнего президента. Ибо появление такой фигуры будет означать, что комбинация с устранением упомянутого мною дефекта нашей Конституции проводится не в интересах нации, а в интересах сохранения у власти конкретного лица.

Конечно, оценки того, насколько реальным конкурентом Путину является этот пока гипотетический кандидат, должны быть максимально объективными и не основываться лишь на субъективных определениях экспертов и самого кандидата. Впрочем, грамотные и корректно проведенные опросы нескольких авторитетных социологических служб позволяют получить достаточно точный ответ на этот вопрос.

Вторым условием является тоже уже упомянутый мною момент: корректировка конституционной нормы проводится лишь абсолютно открытым и, естественно, конституционным же путем, а также ограничивается разумным удлинением срока пребывания президента России у власти. Практически это может означать следующее:

– три срока подряд пребывания на посту президента по четыре или пять лет каждый, причем новый срок конкретно для Путина будет последним;

– два срока подряд пребывания президента у власти по семь лет каждый, причем конкретно Путину добавляется возможность (с подтверждением его кандидатуры через выборы) находиться на посту президента еще три года.

Предпочтительнее первый вариант.

Иных условий для изменения данного конституционного дефекта (который все равно нуждается в исправлении) ввиду возможности участия Владимира Путина в третьих подряд президентских выборах я не вижу.

Другое дело, если данную конституционную норму менять на более целесообразную, вводя ее в действие только с момента избрания нового президента России при неучастии самого Владимира Путина в этих выборах. Тогда никаких проблем с дополнительными условиями вообще не возникает.

В случае создания нового объединенного государства, а именно и в первую очередь реального союзного государства Россия – Белоруссия, за что лично я горячо выступаю и считаю такой шаг одной из главных составляющих необходимой нам национальной стратегии, выгодной и белорусскому народу (с чем он, разумеется, сам должен согласиться), условия для того, чтобы Владимир Путин через выборы и в борьбе с другими кандидатами занял пост главы такого государства на срок и на условиях, определенных Конституцией нового государства, появляются автоматически.

Чего мы ждем от Путина?

Теперь о том, что должен сделать сам Владимир Путин, чтобы, если он того желает, нация приняла осознанный выбор его права (и обязанности, между прочим), оформленного открыто и законно, оставаться президентом еще на один срок. Здесь позиций несколько больше.

Во-первых, Владимир Путин должен сформулировать ту самую долгосрочную стратегию национального развития, о которой, в частности и я, столько говорят и пишут, но которой до сих пор нет. Ибо дополнительный срок дается Владимиру Путину не просто для сохранения политической стабильности в стране и не просто потому, что нация не видит лучшего кандидата (то есть по негативным основаниям), а по основаниям позитивным – нынешний президент предлагает стратегию национального развития, в которой общество нуждается и которую непременно нужно начать реализовывать.

Во-вторых, в данной стратегии должны быть ясно и откровенно сформулированы все существенные угрозы и вызовы, перед которыми оказалась Россия. Время формулировок, гласящих, что «врагов у нас нет», «прямых военных угроз тоже» и тому подобного, прошло. Кроме того, в этом же документе должны быть перечислены реальные и потенциальные враги и союзники России.

В-третьих, Владимир Путин должен сформулировать, какова конечная цель проводимой под его руководством политической реформы, к построению какого политического режима и в какие сроки эта реформа ведет.

В-четвертых, нынешнему президенту необходимо, наконец, внести ясность относительно своей партийной принадлежности. Либо он вступает в наиболее близкую ему «Единую Россию», либо и третий срок остается внепартийным национальным лидером, что должно автоматически дистанцировать «Единую Россию» от него и Кремля, а его – от «Единой России».

В-пятых, Владимир Путин должен конкретно и недвусмысленно сформулировать свои намерения относительно возможности (или отказа от этого) воссоздания единого союзного государства, включающего часть стран постсоветского пространства, огласить предполагаемую им концепцию такого государства, назвать возможных участников нового союза, а также, естественно, внести ясность в перспективы создания и формы союзного российско-белорусского государства, если дело, по его мнению, ограничивается пока только этим.

В-шестых, президент должен высказаться по проблеме, вообще никогда им прямо не упоминавшейся, а именно – о русских как разделенной нации, о перспективах и возможных планах их воссоединения в рамках одного государства.

В-седьмых, Владимир Путин должен предложить концепцию Общественного договора для России и механизм принятия такого договора в целях окончательного примирения нации, ликвидации продолжающейся холодной гражданской войны в России (деления на красных и белых, коммунистов и антикоммунистов), в том числе и ликвидации эксцессов и коллизий, порожденных этой холодной гражданской войной в условиях приватизации и передела собственности.

В-восьмых, президент должен сформулировать ясные параметры своей кадровой политики, ибо, конечно, не может продолжаться та вакханалия безответственности, безнаказанности и кулуарных назначений, в которой мы живем до сих пор. Последнее важно и на перспективу, ибо кадры, назначенные президентом в третий срок его пребывания у власти, не должны иметь ту свободу определения политического выбора за народ, которую они имели и имеют до сих пор.

В-девятых, президент должен обнародовать конкретные политические и экономические цели, которые он ставит перед собой и сформированным им правительством на третий срок, а также критерии оценки работы правительства, отдельных ключевых министров, руководителей спецслужб и обстоятельства, служащие поводом для их безоговорочной отставки.

В-десятых, и это последний пункт кажущейся мне необходимой президентской программы испрошения у нации права на дополнительный срок правления: Владимир Путин должен заявить о плане того, что я называю планом реверсивной демократизации, о которой уже упоминал и которой отведу два последних раздела данной статьи.

Реверсивная демократизация

Реверсивная демократизация есть процесс постепенного «размораживания» политических процессов и гражданских инициатив, отчасти свернутых в годы правления Владимира Путина. В последнем Послании Федеральному Собранию президент, на мой взгляд, близко, местами очень близко подошел к тому, чтобы предложить обществу нечто, подобное тому, что я имею в виду, но все-таки ключевых и главных слов не сказал. Поэтому я и изложу то, как я вижу план реверсивной демократизации и как (по форме) этот план мог бы преподнести обществу сам президент, более подробно.

Сам факт реверсивной демократизации и начало ее реализации должны быть публично аргументированы и поданы как этап заранее спланированной стратегии, восходящей еще к первому сроку президентства.

Мотивы обращения к провозглашению реверсивной демократизации, очевидно, следующие.

В ходе первого президентского срока требовалось решить ряд крайне острых проблем, так как нерешенность некоторых из них, помимо прочего, прямо угрожала безопасности государства, общества и отдельных его граждан. Простое перечисление этих проблем (причем далеко не всех), как легко заметить, показывает, что их решение с неизбежностью требовало некоторого ограничения гражданских прав, свобод и принципов демократии. Вот неполный список таких проблем:

– угроза отторжения части территории России и проведение в связи с этим военной антитеррористической операции в Чечне;

– массовое вхождение во властные органы представителей организованной преступности, в том числе и в первую очередь – через процедуру демократических выборов;

– использование многими владельцами частных средств информации подконтрольных им журналистских структур для проведения антигосударственной и антинациональной политики, фактически – для подготовки свержения высших должностных лиц страны или абсолютного и неконституционного контроля над их деятельностью;

– общая слабость государственной власти, общественная анархия, коррумпированность правоохранительных и судебных органов, неспособность государства к выполнению самых элементарных своих обязанностей (в частности, выплаты зарплат и пенсий), массовое уклонение от выплаты налогов и т. п.;

– разочарование абсолютного большинства граждан в самой идее демократии, неверие в то, что демократически функционирующие политические и государственные структуры действуют в интересах народа в целом и отдельных людей в частности, что совокупно выражалось в требовании «наведения порядка»;

– региональная самостийность отдельных субъектов Федерации, доходящая до таких пределов, что в некоторых регионах России фактически действовали законы и правила, ущемляющие права и свободы граждан в гораздо большей степени, чем это позволяла себе даже не очень демократически действовавшая федеральная власть. Конституирование деспотических, авторитарных, клановых и предельно коррумпированных режимов на региональном уровне;

– общий экономический упадок, не позволявший реально обеспечивать не то что высшие гражданские права и свободы, но и элементарные социальные права, а именно – право на жизнь, личную безопасность, минимальное медицинское обслуживание и т. п.

В совокупности своей нерешенность этих и других аналогичных проблем грозила настолько массовыми выступлениями граждан, что для их подавления потребовались бы самые жесткие репрессивные меры (на что у власти не хватило бы сил и воли), а при реальном развертывании таких выступлений наиболее предсказуемым сценарием дальнейшего хода событий стал бы полномасштабный общественный и политический хаос, распад страны либо установление диктатуры.

В связи со всем сказанным была продумана и практически реализована политика лимитированного и выборочного ограничения некоторых гражданских прав и свобод, так сказать, «подмораживания общественной и политической демократии», не являющаяся, однако, самоценной и не предусматривающая ее развития на стратегическую глубину. Сразу же предполагалось, что как только острота перечисленных выше проблем будет хотя бы частично (даже не полностью) снята, государственная политика будет вновь сориентирована на постепенное (не обвальное) возвращение на путь наращивания демократических свобод, гражданских и политических прав. Таким образом, реверсивная демократизация сразу же была заложена в стратегию общественного развития России, а процесс «подмораживания» предполагал свою конечность и непременный переход к обратному процессу постепенного, но последовательного «размораживания».

Несмотря на то что вполне ясно прогнозировалась весьма острая критическая реакция на «подмораживание» как внутри страны (что было неприятно), так и из-за рубежа (что вообще-то гораздо меньше волновало власть), из тактических соображений было решено не предавать гласности этот стратегический замысел.

К настоящему моменту можно признать свершившимися два факта:

– во-первых, в связи со снятием остроты большинства перечисленных выше проблем политика «подмораживания» может считаться исчерпавшей себя;

– во-вторых, эта политика набрала определенную инерцию, и для ее сворачивания потребуются дополнительные усилия.

Некоторые практические шаги по развертыванию реверсивной демократизации

1. Ограничение срока пребывания на посту глав регионов с момента первого назначения шестью годами.

2. Возвращение к выборности глав субъектов Федерации, в случае если к такому решению придет парламент, в 2017 году.

3. Разработка закона об оппозиции.

4. Предложение Общественной палате в качестве основного направления ее работы выработки текста Общественного договора для России.

5. Переход к выборности членов Совета Федерации путем прямых выборов в соответствующих субъектах Федерации.

6. Учреждение на всех телеканалах, включая государственные, Наблюдательных советов.

7. Создание Общественного телевидения на базе одного из государственных телеканалов.

8. Законодательный запрет для любых органов власти на владение любыми печатными СМИ. Вводится немедленно специальным законом, реализуется в течение ближайших двух лет.

9. Запрет для любых органов власти, кроме федеральной власти, на владение телевизионными каналами. Вводится с 2010 года. Федеральная власть имеет право владеть не более чем двумя общенациональными общеполитическими каналами, причем Наблюдательный совет одного из этих каналов формируется из числа лиц, выдвинутых как минимум всеми партиями, имеющими самостоятельные фракции в Государственной Думе.

10. Введение института парламентского расследования – первоначально по ограниченному составу проблем (уже предложено президентом).

11. Свертывание системы должностных привилегий до самого узкого списка и для крайне ограниченного, оговоренного специальным законом состава должностных лиц.

12. Государственная программа стимулирования роста профсоюзных организаций, в том числе для госслужащих и военнослужащих.

13. Демократизация законодательства о проведении митингов и демонстраций.

14. Разработка государственной программы радикального укрепления независимости судебной системы как от государственного вмешательства, так и от воздействия бизнес-структур.

15. Введение ограничений на показ зарубежной кино- и телепродукции на телевидении и в кинопрокате (квотирование).

16. Разумное, но радикальное ограничение демонстрации сцен насилия по телевидению.

17. Стимулирование развертывания российских правозащитных организаций при запрете любых форм их финансирования из-за рубежа.

18. Возвращение еженедельных аналитических программ на все государственные телеканалы.

19. Создание общенациональной системы молодежных парламентов, функционирующих в качестве консультативных органов при президенте, главах субъектов Федерации и главах муниципальных образований.

20. Отказ от планов назначения мэров городов.

21. Всемерное укрепление и максимальная демократизация местного самоуправления, увеличение объемов его финансирования за счет местных налогов.

22. Разработка закона о пределах политтехнологической деятельности в России, включающего, помимо прочего, запрет на деятельность любых зарубежных политтехнологических структур на территории РФ.

23. Усиление борьбы с авторитарно организованными религиозными и иными неформальными организациями.

24. Запрет на ношение военной формы любыми не находящимися на военной или приравненной к ней службе – в том числе и для частных охранных предприятий.

25. Вводится практика составления ежегодных докладов о состоянии прав и свобод граждан и функционировании демократических институтов в различных субъектах Федерации.

Программа реверсивной демократизации объявляется предельно широкой, ее реализация максимально растянута во времени – до 15 лет. Демократизация проводится в пошаговом режиме, однако президент должен указать, какие пункты этой программы будут им выполнены в срок лично его нахождения у власти.

Президент провозглашает себя гарантом этого процесса, ежегодно выступая по этому вопросу перед Государственной Думой и в ее здании.

Политический класс, № 5, 6 *(29, 30), май, июнь 2005 г.*

Смутное время для Путина

Вопросы Смутного времени

(Для всех нас и для президента Путина)

Предлагаемый ниже текст – это попытка в предельно сжатой форме изложить квинтэссенцию идей и сомнений читателей, исключительно неравнодушно отнесшихся к предложениям президента России о трансформации политической системы страны. К этим идеям и сомнениям я добавил и свои выводы.

Суммарно – это вопросы для Владимира Путина и всех нас, изрядно запутавшихся в том, что до сих пор называлось реформами в России. Вопросы и проблемы Смутного времени. Одновременно – извечные проклятые вопросы России, ответив на которые, мы сделаем, наконец, нечто качественно новое, не ответив – впадем в еще большее прозябание, либеральное или авторитарное, демократическое или деспотическое – не так уж и важно.

Либерально-демократической проект провалился в России с треском и практически полностью.

Объяснения разные. Одни видят причину в авторитарных замашках и алчности власти, другие – в «отсталости» и «патриархальности» народа. Третьи – и в том, и в другом вместе.

Многие считают, что этот проект просто не подходит России.

Для большей части «демократия» и «либерализм» стали ругательными словами. Настолько, что, как мне кажется, задача власти сегодня – не добивать демократию

окончательно, а защитить ее от пусть справедливого гнева народа, в том числе и значительной части образованного сословия. Нам достались от «демократии» лишь гнилые плоды, но это не значит, что она не способна, в том числе и в России, приносить плоды золотые.

Фаталисты (оптимистические) верят только в Россию (в целом), просто оптимисты (нерассерженные) – в президента Путина, скептики – только в себя.

Власти как таковой не верит никто. Но очень многие по-прежнему верят лично Путину.

Злом считают не только международный и немеждународный терроризм, но и нашу бюрократию и нашу милицию (или шире – «правоохранительные органы»). Причем если террористы вызывают страх и недоумение (как такое может быть?), то бюрократия и милиция – страх и презрение.

Коррупция, по всеобщему почти убеждению, связывает в единое целое терроризм, бюрократию и правоохранительные органы.

Олигархи – по силе ненависти к ним – стоят лишь на четвертом месте.

Большинство приветствует отмену прямых выборов губернаторов и президентов республик в составе РФ, однако много и тех, кто считает эту меру неразумной и даже опасной.

Об отмене прямых выборов региональных начальников не сожалеют, потому что никто не считает то, что это были честные выборы и они отражали волю народа. То есть основание здесь негативистское, а отнюдь не позитивное.

И все-таки об отмене прямых выборов многие сожалеют, однако (вот действительно шокирующий факт) никто не назвал ни одного регионального начальника, об исчезновении которого с занимаемого им ныне поста можно пожалеть.

Опасность террористической войны против России большинство воспринимает так же остро, как Путин.

Но большинство же не верит, что с нынешней бюрократией и правоохранительными органами эту войну можно выиграть, даже обратившись к централизации, которую теоретически или ностальгически многие приветствуют.

Почти никто не верит, что новая система отбора региональных начальников улучшит их работу вообще и их заботу о населении в частности.

Мало кто просматривает прямую и даже косвенную связь между борьбой с терроризмом и новой системой отбора губернаторов.

Многими не улавливается связь между предложенными Путиным политическими реформами и экономическими проблемами, стоящими перед страной.

Никто не понимает, куда сегодня уходят деньги, изымаемые у олигархов и получаемые от нефтяных сверхдоходов.

Экономическую политику правительства не понимает тоже никто.

Большинство считает, что можно одновременно добиться двух целей – и сохранить страну, и не порушить в ней демократию.

Но очень и очень многие утверждают, что то, что было до сих пор, – это не демократия и ее строительство надо начинать заново – с чистого листа.

Политические предложения президента многие считают вынужденными или неизбежными, хотя теоретически возможен и более демократический вариант реформ.

Проект создания Общественной палаты неясен практически всем.

Все недовольны Думой, но никто не хочет ее лишиться.

Нет веры в то, что с помощью голосования по партийным спискам в стране удастся создать развитую и качественную партийную систему. В бюрократию не верят конкретно и практически, в партии – даже гипотетически.

На нижнем, местном уровне демократии никто не ощущает вовсе: «демократия должна реализовываться ежедневно, это возможность без страха и унижений воспользоваться своими правами на всей территории родины и не раз в 4 года».

Любые политические реформы и даже саму демократию большинство рассматривает как инструмент, средство, а не цель. Тому, кто использует власть и ее инструменты во благо страны и нации, готовы довериться в реформах любого направления. Но называют только одну фамилию – Путина. Налицо полный крах, по крайней мере в глазах общества, всей элиты.

Гораздо чаще, чем за другие демократические институты, заступаются за парламент и прессу. Никто не заступается за суд, ибо в независимость наших судов тоже не верит практически никто.

По-прежнему предлагаются радикальные экономические реформы, но «в пользу народа»: «дать землю народу, но бесплатно – иначе это будет новый виток обдирания – без налогов и с правом строительства на своей земле. Никогда народ не бунтовал против власти, которая дает ему землю».

Большинство приветствует переход России от федерального к унитарному государству, но при этом среди тех, кто отвечал на вопросы, почти нет жителей национальных республик в составе РФ.

Часто встречаются утверждения, что в своих последних обращениях президент Путин недостаточно «прозрачно» разъяснил «истинные» цели предлагаемых мер, что что-то важное «недоговорил», а потому и не может рассчитывать на полное понимание и поддержку своей политики.

А кроме того, верные цели, поставленные Путиным, как считают многие из тех, кто их так оценивает, еще нужно правильно реализовать, что отнюдь не гарантировано.

Наконец, всех целей, отраженных в поставленных вопросах, можно достичь, если «люди увидят, что власть начнет с себя». Судя по общему контексту всех ответов, это и есть главный дефицит сегодня – дефицит веры в то, что власть начнет с себя.

Смутное время.

Российская газета, 7.10.2004

Мои вопросы национальному лидеру

С 2008 года по предложению тогдашнего главного редактора газеты «Известия» Владимира Мамонтова я начал вести колонку в этой газете. Посему ряд последующих публикуемых здесь статей впервые появились в ней.

А относительно публикуемой ниже статьи важно напомнить то, что Владимир Путин, отдав в 2008 году президентскую власть Дмитрию Медведеву и переместившись в кресло председателя правительства, не отменил свои ежегодные многочасовые прямые телевизионные общения с гражданами России. И это, помимо многого прочего, сразу же показало, что покидать главную политическую сцену страны Путин не только не намерен, но лишь на время отступил на второй план.

Случайным образом выход этой моей колонки совпал с прямой трансляцией разговора Владимира Путина «с нацией» в лице тех, кому повезло добраться своими вопросами до председателя правительства страны.

Безусловно, сегодня это политический хит дня, а потому все остальные тексты падут жертвами премьерского красноречия.

По правилам журналистики, следует, раз уж выпало выступать одновременно, «прицепиться» к главной теме дня, имеющей, между прочим, две составляющие. Первая – ответы Владимира Путина. Вторая, о чем не многие задумываются, – заданные ему вопросы.

Поскольку моя статья пишется в среду, я не знаю ни содержания первого, ни списка второго. То есть в любом случае играю втемную.

Ответы Путина будут комментировать еще долго, поэтому опоздать здесь невозможно. А вот о вопросах забудут уже завтра. Поэтому я и решил «прицепиться» сегодня именно к ним.

Еще не услышав этих вопросов – ни в полном виде, ни в избранном для эфира, могу предположить, что среди них (возможно, случайно; возможно, потому, что тема

экономического кризиса заслонит всё остальное) не окажется тех, что более всего волнуют сегодня меня.

Волнуют ли эти вопросы значимое число других граждан России? Утверждаю, что да. Кажутся ли они особо важными самому Владимиру Путину? Гадать не стану, но с определенностью могу сказать: хотелось бы, чтобы казались. И хотелось бы, чтобы ответы на них им были даны публично. Если даже это случится не 4 декабря 2008 года, а чуть позже. Ибо кризис преходящ, а вопросы эти – стратегические и концептуальные. И мнение на сей счет того, кого не без основания называют «лидером нации», знать важно. Причем не только вообще, но и именно сегодня, в момент этого злосчастного кризиса, когда пропорционально, а порой даже и не пропорционально росту финансовых затруднений, опять стремительно растет устаканившееся было за время политической стабилизации и высоких нефтяных цен смятение в умах.

Последнее утверждение не является плодом моего воображения. Ведь не зря же, выступая с Посланием Федеральному Собранию, уже другой лидер нации, на сей раз официальный, президент Дмитрий Медведев, весьма грозно предостерег некие не названные им политические силы от попыток воспользоваться трудностями кризисного периода для дестабилизации страны.

Что касается президента Медведева, то в последние недели он выступил с несколькими политическими заявлениями, уходящими в определенную оперативную, но все-таки не стратегическую перспективу. Однако сегодня день публичных заявлений Владимира Путина, а кроме того, мне представляется, что у лидера политической партии, а Путин заявлен в сегодняшнем разговоре и в этом своем статусе, гораздо больше пространства для идейных маневров и стратегических оценок. Ведь в случае несогласия с ними президент в силу своего мандата волен просто не прислушаться к ним.

Итак, вопросы.

Начну с того, что внешне обращен не в стратегическое будущее, а как в давнее, так и в не совсем давнее прошлое, но в реальности и к настоящему, и к будущему имеет непосредственное отношение. Это, разумеется, вопрос о российской (или русской) истории. Пора уже Владимиру Путину вполне определенно и достаточно развернуто высказаться на сей счет. И не только потому, что наши внешняя и внутренняя политика постоянно спотыкаются об эту проблему. Только что, причем с очень большим опозданием, мы отреагировали на «мифологию голодомора», но впереди 2009 год. А это 70-летие так называемого пакта Молотова – Риббентропа. И разве можно сомневаться в том, что все, кто могут, в том числе и прямые наследники участников «мюнхенского сговора», вновь отпляшут антироссийскую польку на этой дате. Это лишь один из примеров – наиболее близкий и показательный. А их – десятки. Лидеры нации не могут не высказываться об истории этой нации. Иначе за них говорят другие.

Межнациональные отношения в России. Нельзя не заметить, что эта проблема, с одной стороны, все обостряется, а с другой – становится уже имиджевым обременением для России. По умолчанию предполагается, что мы исповедуем и реализуем проверенную советскую доктрину «дружбы народов». Только вот получается гораздо хуже, чем в СССР. Но абсолютно все официальные уста на сей счет не произносят ни слова. Это молчание понятно – тема сложная и деликатная. То есть как раз такая, для взятия высот которой требуются смелость и авторитет лидера нации.

Кстати, не надоело ли Владимиру Путину то, что упреки практически всем официальным лицам страны, в том числе и ему лично, в постоянном замалчивании «русского вопроса» и в неупотреблении самого слова «русский» все множатся и множатся?

Еще одна постоянно обсуждаемая в обществе проблема: вероятность глобальной войны и готовность страны в целом (но особенно её армии и элиты) к такому развитию событий. Об укреплении вооруженных сил и их реформе (вызывающей слишком много сомнений у специалистов) говорится много. Концептуально и стратегически не сказано ни слова.

А вот вопрос, о котором, напротив, наговорено столько, причем часто прямо противоположного, что лучше бы и не говорилось вовсе: о вхождении России в «Европу» и достижении каких-то «западных стандартов» и уровня «цивилизованных стран», что так или иначе, но все равно воспринимается как вечное, а потому, как все вечное, совершенно бессмысленное для нормальных людей, «догоняние Запада». Может быть, пора сказать, что, во-первых, никого мы догонять не собираемся; во-вторых – если в чем-то от кого-то мы и отстали, то в другом – далеко впереди; в-третьих – не всякое сегодняшнее лидерство есть благо в будущем. А главное, нельзя же в конце концов постоянно культивировать в нации «комплекс отстающего». Ведь только постоянно отстающий постоянно думает и твердит о том, чтобы кого-то догнать.

Два года назад был сделан прекрасный, но, увы, до сих пор, по сути, и единственный шаг в попытке найти решение главнейшей проблемы современной России, а именно: демографической. Обрадованные последовавшим в общем-то незначительным всплеском рождаемости, практически все, кроме, разумеется, самого общества, теперь об этом почти забыли. Или делают вид, что не забыли. Недавно я услышал, какие суммы выделяются тем, кто готов переехать на Дальний Восток из-за рубежей России. И рассмеялся, ибо ясно, что на эти деньги и в соседнюю деревню перебраться сегодня не удастся. Вот уж об этом (в нашем сегодняшнем состоянии) лидеры России должны высказываться никак не реже, чем раз в девять месяцев…

Эх, коротка кольчужка (то есть колонка), а то бы еще много вопросов задал я Владимиру Путину…

Известия, 4.12.2008

На фронте или в тылу?

Эта статья вышла в «Известиях» в несколько сокращённом виде и под заголовком «Цели неясны, задачи не определены». Публикую её здесь в полной авторской редакции и под авторским заголовком.

Неожиданно вброшенное Владимиром Путиным предложение создать Общероссийский Народный фронт (ОНО), бесспорно, оживило довольно застойную политическую жизнь России и вызвало массу пересудов и вопросов в нестройных рядах российской политической элиты.

Автор идеи обрисовал своё предложение пока еще в самых общих чертах. Но при этом настаивает на вполне жёстком и определенном названии новой организации – именно фронт. А раз фронт, хоть и гражданский, значит, это мобилизация, пусть и только политическая. Значит, где-то рядом большая опасность. Значит, есть враг.

Собственно, первая группа возникающих вопросов вокруг этого и формируется. Что это за опасность? Кто этот враг? Какого уровня мобилизация потребуется для противостояния ему?

Нельзя было не обратить внимания на то, с каким энтузиазмом встретили активисты и руководители «Единой России» предложение Путина. Между тем он сказал, что именно «Единая Россия» нуждается в притоке «новых идей и лиц». Думают ли руководители ЕР, что эти «новые лица» просто пополнят ряды их подчиненных, а «новые идеи» станут лишь приложением к тем идеям, что уже входят в «интеллектуальный капитал» этой партии?

Боюсь, что тут первоначальная радость может смениться вполне реальным саботажем аппаратных структур «Единой России». Кто же захочет, чтобы «новые лица» вытеснили старых с их постов, а партийные ресурсы были перераспределены от носителей «старых идей» и курируемых ими проектов в пользу авторов идей «новых»? Или у кого-то на сей счет есть сомнения?

Мобилизация в обществе, вся психология которого строится на идеологии потребления, а высшие слои которого нацелены исключительно на сверхпотребление, возможна лишь при отказе именно от этой идеологии и радикальном обновлении элиты, ибо ни одна элита от своих привычек и своих богатств никогда не отказывалась и отказаться не способна. Вряд ли

Владимир Путин задумал провести столь революционный, да еще в оставшиеся до думских выборов месяцы, переворот.

Уже высказывалось предположение, что с помощью ОНФ, собранного вокруг «Единой России», но не под её доминированием (последнему, впрочем, мало кто верит), Владимир Путин хочет освежить и расширить электоральную базу этой партии.

В этом смысле мобилизация уже произошла, но только не самой «Единой России» и дружественных ей организаций, а как раз политических конкурентов ЕР – КПРФ прежде всего, ЛДПР и «Справедливой России». Выльется ли эта реактивная мобилизация во что-то конкретное, пока не ясно, но то, что предложение Путина взбодрило прежде всего эти партии, сомнения нет.

Можно ли укрепить «Единую Россию» с помощью кольца сателлитов из ОНФ? Сомнительно. Да и зачем?

Для власти потеря «Единой России» конституционного большинства в Думе никаких особых проблем, кроме чисто технических, легко решаемых аппаратными методами, не создает. А вот самой ЕР переход в статус партии относительного большинства только бы пошёл на пользу. Вот уж тут она точно стала бы модернизироваться – под давлением усилившейся внешней, а соответственно, и внутрипартийной конкуренции.

Кроме того, сама по себе народофронтовская конструкция предполагает максимальную демократизацию и минимальную бюрократизацию при принятии совместных решений, а потом и при их выполнении. Но это означает прямо противоположное тому, к чему до сих пор стремилась «Единая Россия». А стремилась она к тому, чтобы все начальники были в её рядах. Народные фронты до сих пор создавались для того, чтобы по отдельности слабые силы в совокупности своей стали преобладающими в обществе и в политике. Но «Единая Россия» и сама по себе претендует на политическое доминирование в стране и, кажется, до сих пор своей властью ни с кем делиться не намерена.

Народный фронт – это практически всегда борьба с властвующей бюрократией, причем с использованием самых демократических (народных) методов. И тут опять получается, что участие в таком фронте, да еще в качестве системообразующего центра, «Единой России» есть нечто, подобное оксюморону. Фронт против самих себя?

Совсем не ясно, как сочетается идея Народного фронта с ныне существующей партийной системой. Выборы в Думу по партийным спискам еще никто не отменял. Конкурирующим с «Единой Россией» партиям нет резона консолидироваться с ней (разве что только очень слабым) перед выборами. Политическим и общественным организациям, не являющимся партиями, резон есть. Это места в Думе. Но готова ли ЕР сделать действительно широкий жест и объявить, например, что треть завоеванных ею мест в Думе она готова отдать народофронтцам? И гарантировать это?

Лично мне идея Народного фронта нравится как раз тем, что она принципиально противостоит изжившему себя, на мой взгляд, институту политических партий. Но для того, чтобы полномасштабно и полновесно реализовать этот перспективный проект как «антипартийный», необходимы, как минимум, революционные изменения в Конституции, чего в ближайшее время ждать не приходится.

Итак, стратегическая (не тактическая, если таковой являются думские выборы) цель создания Народного фронта пока не ясна.

Объединение всех «хороших сил» против «всего плохого» (коррупции, власти бюрократии, социального неравенства, преступности и пр.) может быть такой целью, но в подобном случае конструкция Фронта очень аморфна, его правовой статус сомнителен, а потенциал реальной солидарности и тем более мобилизационные возможности весьма невелики.

Можно предположить, что проект Общероссийского Народного фронта предполагает наличие какого-то внешнего врага. Но пока сам автор данной идеи не сделал на сей счет даже скромного намека. А уж если таковой враг наличествует (или предполагается), то объединение должно идти не вокруг одной из партий, а либо вокруг самих властных

институтов, либо вокруг какой-то личности, обладающей характеристиками лидера нации (реального или официального).

И вот здесь естественным путем подходишь к мысли о том, что идея Общероссийского Народного фронта и призвана материализоваться как раз в виде политического движения, консолидирующего разнонаправленные интересы различных сил общества и слоев населения вокруг одной фигуры.

В этом случае вопрос о том, зачем и когда нужна такая фигура, имеет единственный ответ: на президентских выборах 2012 года.

Думаю, что до того, как ответ на этот вопрос будет получен не из моих или чьих-то иных рассуждений, а от самого автора идеи, большинство структур и лиц, не рискующих отказаться от участия во Фронте, реально будут отсиживаться в тылу.

Известия, 11.05.2011

Психология невозвращения капиталов

Опросы не врут. У Владимира Путина высочайший рейтинг (обычно приводят цифру в 85 процентов), то есть гигантская поддержка населения.

Но не все так просто и не все так радужно с этим рейтингом.

Во-первых, эта поддержка связана с внешнеполитической деятельностью Путина и прежде всего, конечно, с блестящей и бескровной операцией по воссоединению Крыма с Россией. Между тем каждый год присоединять по Крыму не удастся, а глубочайший и нескоротечный кризис в отношениях с Западом будет продолжаться.

Во-вторых, это личный рейтинг Путина. Ничего подобного не наблюдается у любых иных институтов власти в стране.

В-третьих, кто бы и что бы не говорил, материальное положение значительной части населения уже ухудшилось и продолжает ухудшаться. В первую очередь из-за резкого падения курса рубля и соответствующего повышения цен. Бухгалтерски-статистически инфляция у нас, может, и 8 или 9 процентов. Реально в последние месяцы – никак не меньше 30–35 процентов.

В-четвертых, рейтинг не космическая ракета. Лететь в бесконечность он не может. Даже 100 процентов он не может достичь. А точнее, не может быть больше 90 процентов. Следовательно, рано или поздно (и при нынешней экономической ситуации, скорее рано, чем поздно) рейтинг снизится.

И главной причиной этого снижения (хорошо еще, если не падения) станет как раз экономическая ситуация.

Публично сейчас принято расхваливать экономическую часть выступления Путина 4 декабря. Между тем не публичные, но очень распространенные оценки этой части речи весьма скептические, причем как справа, так и слева.

Вот, например, провозглашенная в этом выступлении «полная амнистия капиталов, возвращающихся в Россию». По моим наблюдениям, мало кто верит не столько в «полную амнистию» (хотя и в нее – не очень), сколько в то, что капиталы вернутся. Провозгласи Кремль хоть не просто полную, а «полнейшую» амнистию.

Вера в «невидимую руку рынка», которая все устроит во благо всех, осталась у нас только в анекдотах. Все давно уже знают, что «невидимая рука рынка» сначала все сворует и все выведет за рубеж, а потом… Какая разница, что она будет делать потом?..

Да, вера в «невидимую руку рынка» у нас испарилась, а вот экономический детерминизм в сознании нашей власти остался. Между тем психология сильнее экономических теорий, а уже тем более их рахитичных отпрысков, называемых ныне «дорожными картами».

И если в экономических теориях разбираются только экономисты, то в психологии – все, кто обладает приличным жизненным и политическим опытом.

Мой опыт мне подсказывает, что никакие сколь-либо существенные капиталы в Россию не вернутся. И причина проста. Те, кто ими обладает, не верят ни в саму Россию, ни власти в ней. И боятся народа России. Предполагаю, что многие из них к тому же опасаются и лично Путина.

Главная проблема сегодняшней России (и, соответственно, Путина) – это проблема двойной лояльности правящего (властно-владетельного) класса.

Владетельной части этого класса Россия нужна как место создания капитала, а Запад – как место его хранения и траты. Можно назвать их космополитами. Можно выбрать определение и пожестче – значительная часть этих людей точно является компрадорами и даже коллаборационистами. Но дело в том, что помешать им вывозить капиталы из России невозможно, а заставить вернуть – нереально. Им даже не нужны ни Крым, ни Сочи как место отдыха и траты денег – они уже давно ориентированы, в том числе и нашим телевидением, на другие места.

Я бы даже сказал, что при умной и эффективной экономической политике скорее можно привлечь иностранные миллиарды в Россию, чем заманить к нам уже выведенные за границу миллиарды наших богачей.

Властная часть нашего правящего класса имеет иную двойную лояльность (хотя и первой тоже заражена): на своих рабочих местах она служит сначала себе, а потом (и то, если это не противоречит ее интересам и время на это остается) государству, в котором получила свои посты. Исключения, конечно, есть. Но не они определяют жизнь нашей экономики.

Жизнь нашей экономики определяет как раз этот властно-владетельный класс, его описанная мною двойная лояльность, а также величайший по норме прибыли бизнес – бизнес на реформах. Придумывание и проведение реформ ведь требует только пачки бумаги, смены вывесок и перестановки кадров. Зато в доходной части: высокие должности, гигантские бюджетные потоки, имущество, недвижимость, свои люди всюду, куда дотянулась рука реформатора. И никакой ответственности даже при отрицательном результате реформы.

Психологию не запретишь и указом или распоряжением не переделаешь. И даже Общероссийским народным фронтом не испугаешь. Надо менять либо сам властно-владетельный класс, либо экономическую политику, либо и то, и другое.

Мне представляется, что Владимир Путин ждал, что обещанный ему синергетический эффект от проводимых по всем фронтам реформ вот-вот проявит себя. И вслед за 5-7 процентами ежегодного роста ВВП однажды обнаружатся 10–15, а то и 20 процентов. Вместо этого мы получили нулевой рост и то ли стагнацию, то ли стагфляцию. И кажется, никакой инновационной экономики. Что, как минимум, означает банкротство предыдущего экономического курса и бесконечного реформирования всего и вся.

В 2016 году состоятся выборы в Государственную Думу. Это значит, что уже к концу 2015-го вся политическая мысль власти будет сконцентрирована не на экономике, а на задабривании избирателей. Чем? Плодами реформ ЖКХ, здравоохранения, образования и науки? А они разве золотые?

Поддержка основной массы населения у Путина есть. Но и властно-владетельный класс, погрязший в выгодном только ему перманентном реформаторстве, свою психологию не изменил, да и не может изменить – таким он родился, таким и умрет. Вопрос в том, умрет он, сидя на нашей шее или где-то на средиземноморских виллах, с которыми он, конечно, не расстанется.

Но если виллы у него уже не отнять, то власть – можно. И нужно. Ибо столько вилл народ России не выдержит. Или не вытерпит.

«Свободная пресса», 9.12.2014

Десять вопросов Путину (Вопросы к главе государства перед ежегодной пресс-конференцией президента 18 декабря 2014 года)

Я не отношусь к числу тех, кого нужно убеждать, что суверенитет для России в сто крат выше хамона; что воссоединение Крыма с Россией не только абсолютно справедливо исторически, не только стало осуществлением сохранявшейся 23 года мечты подавляющего большинства крымчан, – это воссоединение разом стратегически подняло военную безопасность России на порядок; что на санкции против твоей страны нужно отвечать

контрсанкциями; что Россия не поссорилась со «всем миром» и что США со своим, увы, политическим вассалом Евросоюзом – это далеко не весь мир, хотя и весьма значимая, а часто и доминирующая часть этого мира…

Но одновременно я понимаю, что, решившись на действия, которые, очевидно, не понравятся Западу и обязательно будут трактоваться им так, что Россия – это агрессор, а украинские расисты – защитники демократии и свободы, Владимир Путин перевел международную политику в стадию форс-мажорного с точки зрения Вашингтона развития. И США уверены, что либо они «поставят Россию и лично Путина на место», либо разрозненные части пока еще в основном молчащего глобального антимайдана, уставшего от американской гегемонии и безрассудств, рушащих страны и вызывающих войны, причем вдали от самих США, могут соединиться в целое. И видимо, как раз под идейным лидерством России. А там уже вопрос времени, когда и каким образом этот антимайдан низведет США до уровня «региональной североамериканской державы».

Я полностью согласен с тем, что в реальных обстоятельствах конца 2013 – начала 2014 года Россия не могла поступить иначе, чем она поступила. Но я знаю и то, что Запад вообще, и США в первую голову, не мог не поступить так, как он поступил, в очередной раз объявив Россию «мировым злом».

И именно в связи с этим у меня возникают вопросы к Владимиру Путину, ответы на которые я жду не во время его выступления 18 декабря, хотя это и было бы идеальным вариантом, а в ближайшие недели и месяцы. Причем ответы эти не обязательно должны быть словесными. Делами даже лучше. Хотя некоторые вещи лучше бы все же сначала продекларировать.

1-й вопрос. По-моему, ясно, что при нынешних политических лидерах Европы отношения России и Евросоюза к прежнему (и тогда-то не очень впечатляющему) состоянию не вернутся. Не стоит ли российской дипломатии перейти, наконец, к традиционной для Запада методике – открытой работе не только с официальными властями западных стран, но и к постоянным контактам с оппозицией?

2-й вопрос. Сегодня Россия выступает в почетной роли единственной политически инакомыслящей страны мира. Роль почетная, но, как видим, уязвимая. Между тем международная политика очень прагматична, чтобы не сказать, цинична, и складывается впечатление, что многие страны, не менее нас заинтересованные в крушении американской гегемонии, отсиживаются за нашей спиной, наблюдая, удастся ли России не проиграть. Не пора ли России открыто призвать к созданию альтернативного западному политического союза, гарантирующего военную безопасность от вмешательства извне для стран, которые в него войдут? И начать привлекать в этот союз страны, находящиеся на периферии Pax Amerikana?

3-й вопрос. Вы уже примерно сформулировали идеологию этого альтернативного политического альянса: гарантированное невмешательство во внутренние дела других стран; опора на собственные (традиционные) политические и демократические традиции; полный отказ от «экспорта революций»; сохранение традиционных моральных и иных ценностей; максимальная социальная справедливость. Не стоит ли громко и впрямую продекларировать эту концепцию и предложить всем желающим присоединиться к ней в форме международного пакта?

4-й вопрос. Очевидно, что нынешняя искусственная политическая система России с ее фантомными партиями, некритично перенесенная к нам с Запада, почти полностью не соответствует реалиям нашей страны, а потому не только не функционирует эффективно и демократично, но и вообще трещит по швам. Не пришло ли время для широкомасштабной конституционной и политической реформы в России?

5-й вопрос. Не пора ли начать выводить Россию из-под фактической юрисдикции Запада, евросоюзовских юридических законов и норм, объявив законодательство России высшей юридической нормой для всех ее граждан, юридических лиц и любых властных институтов,

а международные правовые нормы и договоры – лишь в той части, где они не противоречат российскому законодательству?

6-й вопрос. Очевидно, что географические и иные особенности России никогда не позволят создать в нашей стране тот уровень жизни, который характерен для некоторых малых и средних стран Европы, причем уровень, относящийся уже скорее к прошлому (60-90-е годы XX века), чем к настоящему и будущему. Не стоит ли разработать и продекларировать как цель собственные стандарты уровня жизни в России (причем разные для разных ее регионов) и соответственно перестроить экономическую и социальную политику?

7-й вопрос. Не пора ли перестать упрекать население России в том, что производительность труда у нас в 2–3 раза ниже, чем на Западе? Во-первых, представляется, что это просто неправда. Во-вторых, как тогда в этом смысле оценивать производительность и эффективность труда наших чиновников всех уровней, а особенно самого высокого уровня, получающих, в отличие от наших рабочих, крестьян, инженеров, ученых, вполне западные зарплаты? И не пора ли в нынешних условиях, когда каждый сравнивает свою зарплату не только с соседним городом, но и со странами Запада, найти новую модель для мотивации к высокоэффективному труду: сначала плати больше, потом требуй лучшей работы?

8. Вопрос о социальной справедливости. Не затянулся ли у нас период «первоначального накопления капитала» со всеми его безобразиями? Постоянно воспроизводить элиту, которая купается в миллиардах, да еще выводит их из страны, и ждать, когда она «насытится» и проникнется «духом патриотизма» – не слишком ли это накладно для России материально и не слишком ли опасно социально? 2017 год не за горами…

9. Думаю, вы не заблуждаетесь относительно того, что многие ваши подчиненные вас обманывают, когда рассказывают об успехах своих ведомств и проводимых ими реформ. Но уверен, что заблуждаетесь относительно масштабов этого обмана. А ведь он все нарастает. Не пора ли разорвать этот порочный круг?

10. Понятно, что один человек не может контролировать все в стране, и он неизбежно должен передоверить многое начальникам более низкого уровня. Однако какова ответственность этих начальников? Не стоит ли признать, что так называемый либеральный экономический курс потерпел полный крах, а следовательно, нужно отказаться и от него, и от всех его проводников? То же самое можно сказать и о большинстве социальных реформ, алгоритмы которых некритично или в эгоистических целях их инициаторов позаимствованы на Западе или даже навязаны им России.

Кто из инициаторов и проводников этих реформ поплатился за их провал? И будет ли эта безответственность и безнаказанность продолжаться?

Не пора ли остановить большую часть этих реформ, тем более что население устало от них? А те реформы, что действительно нужны России, поручить совсем другим людям – прежде всего тем, кто априори обладает патриотической гражданской и профессиональной позицией и знает и понимает Россию, ее народ; тем, кто не считает Россию «нецивилизованной страной», из которой нужно делать «Швейцарию», а народ – ничего не умеющим иждивенцем, находящимся на содержании у мифического «креативного класса»?

* * *

Конечно, это не все вопросы, ответы на которые я бы хотел услышать от президента России и сегодняшнего, бесспорно, национального лидера нашей страны, но для одного раза достаточно.

Кроме того, мне кажется, что так или иначе сформулированные, но именно эти вопросы волнуют сегодня большинство населения страны, а отнюдь не то, как нам «наладить отношения с Западом», «стоит ли давать эфир лидерам оппозиции» и «сможем ли мы проводить отпуск на курортах Европы».

МИА «Россия сегодня», РИА «Новости», 16.12.2014